ФИЛИП К. ДИК



ЧЕЛОВЕК В ВЫСОКОМ ЗАМКЕ

Человек в Высоком замке

Филип К. Дик

Аннотация
Филип К. Дик. Человек в Высоком замке
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7
Глава 8
Глава 9
Глава 10
Глава 11
Глава 12
Глава 13
Глава 14
Глава 15
Комментарии к роману
Литература

Аннотация

Американского фантаста Филипа К. Дика не зря называют «культовым разрушителем реальности». Только в его произведениях вымысел не просто виртуозно сплетается с реальностью, но и частенько становится единственной причиной существования последней.

1962 год. Прошло пятнадцать лет с тех пор, как Вторая мировая война завершилась победой Гитлера и стран Оси. На территории США образованы немецкие и японские колонии, население Африки почти полностью подверглось уничтожению из-за несоответствия стандартам расовой чистоты, а СССР был оккупирован еще в 1941 году.

Именно в это тяжелое время писатель Готорн Абендсен создает фантастический роман «Когда наестся саранча», в котором союзники по антигитлеровской коалиции выиграли войну. Произведение настолько сильное, что книгу запрещают в самой Германии и на территории ее колоний. Но именно этот роман натолкнет героев на мысли об

организации Сопротивления…

Филип К. Дик
Человек в Высоком замке

Глава 1

Целую неделю мистер Чилдэн дожидался ценной бандероли из Штатов Скалистых Гор. В пятницу утром, отворив дверь магазина и так и не обнаружив извещения среди лежащих под щелью для почты писем, он подумал: «Предстоит неприятный разговор с заказчиком». Встроенный в стену автомат за пятицентовик налил ему чашку растворимого чая. Напившись, Чилдэн взял швабру и тряпку, и вскоре магазин «Художественные промыслы Америки» был готов к приему посетителей: все вокруг сияло чистотой, в цветочной вазе красовались свежие ноготки, по радио звучала спокойная музыка.

Чилдэн постоял в дверях, посмотрел на клерков, спешивших по тротуарам Монтгомери–стрит в свои учреждения, полюбовался проносившимся над крышами вагончиком канатной дороги. Поглазел и на женщин в длинных цветастых платьях…

На прилавке зазвонил телефон. Чилдэн вернулся в зал, взял трубку и, услышав знакомый голос, помрачнел.

— Алло? Это мистер Тагоми. Сэр, я беспокою вас насчет вербовочного плаката времен Гражданской войны, обещанного вами на прошлой неделе. Скажите, он еще не прибыл? — Голос звучал нервно, отрывисто. Чувствовалось, что Тагоми сдерживается с трудом. — Разве я не уплатил задатка, как вы настаивали? Поймите, мне самому плакат не нужен, он предназначен в подарок. Я ведь это уже объяснял, сэр.

— Уважаемый мистер Тагоми, — сбивчиво заговорил Чилдэн, — я постоянно направляю на почту запросы, оплачивая их из собственного кармана, но, видите ли, поставщик живет за пределами ТША, и следовательно…

— Значит, плаката у вас нет? — перебил Тагоми.

— Увы, мистер Тагоми.

— Я больше не могу ждать, — прозвучало после долгой паузы.

— Понимаю, сэр. — Чилдэн угрюмо разглядывал залитые теплым солнцем вывески учреждений на противоположной стороне улицы.

— Ну что ж… Вы можете предложить что–нибудь взамен, мистер Чилдан? — Тагоми намеренно исказил его фамилию, это было оскорблением в вежливой форме.

Чилдэн покраснел до корней волос. Вот она, горькая участь его соотечественников! Одно язвительное слово — и в душе Роберта Чилдэна просыпаются легионы чувств: страх, мука, сдерживаемые страсти — и обуревают его, мешая думать, не позволяя говорить.

Он переступил с ноги на ногу и судорожно сжал телефонную трубку. В магазине все было по–прежнему: пахло ноготками, тихо звучала музыка — но казалось, будто его уносит в открытое море.

— Да… — с трудом произнес Чилдэн. — Маслобойку. А также аппарат для приготовления мороженого, выпущенный в тысяча девятисотом году или около того… — Мысли путались. Если бы он мог забыть обо всем, если бы он мог стать полным идиотом! Ему было тридцать восемь, он помнил иные, довоенные времена, Франклина Рузвельта, Всемирную выставку — короче говоря, добрый старый мир. — Если не возражаете, я доставлю кое–какие вещицы к вам на работу.

Тагоми назначил встречу на два часа. Вешая трубку, Чилдэн с досадой подумал, что магазин придется закрыть. Но выбора не было — такими клиентами, как Тагоми, не разбрасываются.

Пока Чилдэн пытался совладать с нервами, в

магазин вошли юноша и девушка. Красивые, хорошо одетые — идеальные покупатели. Он улыбнулся и направился к ним профессионально–бодрой походкой. Посетители рассматривали сквозь стекло прилавка изящную пепельницу. «Молодожены, — решил Чилдэн, — наверное, живут в Городе Клубящихся Туманов, в одной из очень дорогих квартир Скайлайна с видом на Белмонт».

— Доброе утро, — поклонился он.

В улыбках этих людей не было превосходства — только приветливость. Его товары — а лучшего выбора не найдешь ни у кого на всем побережье — привели посетителей в восхищение. Чилдэн был благодарен, и это не укрылось от них.

— У вас отличные вещи, сэр, — сказал молодой человек.

Чилдэн вновь поклонился.

Во взглядах молодых людей он заметил не только нежность друг к другу, но и благоговение перед выставленными в «Художественных промыслах» произведениями искусства. Это благодаря его трудам они могли взять с прилавка то или иное изделие и повертеть в руках, даже если не собирались ничего покупать.

«Да, они понимают, где находятся, — подумал

Чилдэн. — Здесь им не попытаются всучить какой–нибудь мусор, наподобие дощечки с надписью „Вереск, округ Марин, ТША“, дурацкого значка, девичьего колечка или открытки с видом на мост Золотые Ворота. Какие необыкновенные глаза у девушки — огромные, темные… Черные волосы, уложенные в модную прическу, маникюр, в ушах — продолговатые медные сережки ручной работы… С какой легкостью я бы влюбился в такую красавицу! И какой тяжелой стала бы моя жизнь, и без того не сладкая».

— Скажите, вы не здесь покупали серьги? — спросил он.

— Нет, — ответила она. — Дома.

Чилдэн кивнул. Да, в его магазине никогда не выставлялись современные изделия, только предметы старины.

— Надолго к нам в Сан–Франциско?

— Пока не знаю, — ответил мужчина. — Как решит Плановая комиссия по повышению жизненного уровня пострадавших территорий.

«Гордится своей работой. Он не военный — ничего общего с жадными мужланами в форме, которые шляются по Маркет–стрит, жуют жвачку, перебираются из тира на порнофильм, из кино в дешевый ночной клуб, таращатся на

фотоснимки увядших блондинок, которые морщинистыми пальцами приподнимают груди за соски и кривляются… Сколько таких притонов среди трущоб окраинных кварталов Фриско, в бараках, сколоченных из гнилых досок и ржавой жести еще до того, как упала последняя бомба… Нет, этот парень из элиты, воспитанный, образованный. Рядом с ним даже Тагоми покажется простолюдином, а ведь он — высокопоставленный чиновник Торгового представительства на Тихоокеанском побережье. Но Тагоми стар, его взгляды сформировались еще в годы правления Военного Кабинета».

— Если желаете выбрать что–нибудь в подарок, могу предложить несколько раритетов, изготовленных представителями этнических меньшинств, — сказал Чилдэн. — А может быть, вы подбираете обстановку для квартиры? — От этой мысли в нем проснулся азарт.

— Вы угадали, — подтвердила девушка. — Мы хотим украсить нашу новую квартиру, но не совсем представляем как. Не могли бы вы нам помочь?

— К вашим услугам, — поклонился Чилдэн. — Я подберу вам кое–что, и мы вместе посмотрим, подойдет ли это к интерьеру квартиры. — Он

опустил глаза, чтобы не выдать волнения — тут пахло тысячами. — Со дня на день к нам должен поступить стол из Новой Англии — кленовый, на шипах, без единого гвоздя — красивейшая, скажу вам, вещь! А еще французское зеркало поры наполеоновских войн. Кроме того, образцы искусства аборигенов — коврики из козьей шерсти, выкрашенные натуральными красителями…

— Лично мне ближе городское искусство, — перебил мужчина.

— Да? — оживился Чилдэн. — В таком случае, сэр, могу предложить стенное украшение эпохи «Нового курса» — деревянное панно из четырех секций с портретом Горация Грили.[1] Это подлинник — бесценная находка для любого коллекционера…

— О! — Темные глаза молодого человека заблестели.

— Бюро викторианской эпохи, переделанное в бар в двенадцатом году.

— О!

---

[1] Примечания: 1

Гораций Грили (1811–1872) — американский писатель, публицист, политик. В 1872 году баллотировался на пост президента США от партии либеральных республиканцев. — *Здесь и далее примеч. пер.*

— И еще, сэр: фотография Джин Харлоу[2] в рамке, с автографом.

Молодой человек смотрел на продавца с нескрываемым восхищением.

— Думаю, мы договоримся. — Чилдэн почувствовал, что достаточно заинтересовал посетителей. Он достал из внутреннего кармана пиджака ручку и записную книжку. — Если позволите, я запишу ваши имена и адрес.

Проводив молодоженов до дверей, Чилдэн еще некоторое время, размышляя, глядел на улицу. Вот уж повезло так повезло! Если бы все дни были похожи на этот! Магазин для него не просто бизнес, а отдушина. Где еще можно вот так запросто познакомиться с молодой японской парой, причем чувствовать себя рядом с ними не убогим янки или в лучшем случае торговцем поделками, а полноценным человеком? Да, только на них и может надеяться мир, на юное поколение, которое не помнит войны.

«Всему когда–нибудь приходит конец, — рассуждал он. — Исчезнут национальности, исчезнут завоеватели и покоренные, останутся только люди».

---

[2] Примечания: 2

Джин Харлоу — американская кинозвезда 30–х годов.

И все же Чилдэн не мог без волнения представить, как постучит к ним в дверь. Он заглянул в записную книжку. Семья Казоура. Его наверняка пригласят к столу, предложат чаю. Только бы не дать маху, только бы не показаться бестактным!.. «Девушку зовут Бетти. Какое выразительное лицо! — мечтательно думал он. — А глаза — такие умные, милые!»

Мечты… У него закружилась голова. Они безумны, если не сказать пагубны! Известны случаи связи японцев и янки. Японца и женщины–янки. А здесь…

Даже подумать об этом страшно. Кроме того, она замужем. Он постарался выбросить Бетти из головы и занялся разборкой почты. Прошло полчаса, а руки все еще дрожали. Но едва Чилдэн вспомнил о предстоящей встрече с Тагоми, как дрожь унялась, волнение сменилось решимостью. «Надо подобрать что–нибудь подходящее. Но что?»

Телефон. Поставщики. Связи. Взять полностью отреставрированный черный «форд» с матерчатой крышей «большой шлем» двадцать девятого года выпуска — за это поставщик будет твой навеки. Или трехмоторный почтовый самолет, разобранный и в смазке, прекрасно сохранив-

шийся в сарае алабамского фермера. Показать мумифицированную голову мистера Буффало Билла с волнистыми светлыми волосами — «американскую сенсацию». «Сэр, у меня лучшая репутация на всем Тихом океане, даже на Родных островах. Не верите — спросите любого ценителя искусства».

Чтобы лучше работал мозг, он закурил сигарету с марихуаной превосходного сорта «страна улыбок».

* * *

В своей каморке на Хэйес–стрит Фрэнк Фринк заставлял себя подняться с кровати. Сквозь жалюзи на одежду, грудой валявшуюся на полу, падали солнечные лучи, сверху поблескивали стеклышки его очков. «Не наступить бы, — вяло подумал Фрэнк. — Надо вставать, идти в ванную… Может, лучше ползком? Или покатиться?»

У него болела голова, но в душе не было ни капли сожаления. «Уходя — уходи, — сказал он себе. — Сколько времени? — Часы лежали на туалетном столике. — Половина двенадцатого, ничего себе!»

Фрэнк не вставал.

«Вот и выперли», — подумал он.

Вчера на фабрике он, конечно, перегнул палку. Не стоило распускать язык перед Уиндэмом–Мэтсоном, обладателем рыхлой физиономии с сократовским носом, кольца с бриллиантом и золотой «молнии» на брюках. Одним словом — власти. Трона. В голове у Фрэнка гудело, мысли путались.

«Да, теперь я в черном списке. Безработный. Квалификация, пятнадцатилетний стаж — все псу под хвост».

Придется идти с жалобой в Комиссию по делам рабочих. Фрэнк не замечал, чтобы Уиндэм–Мэтсон водил дружбу с «буратино» — белым марионеточным правительством Сакраменто, — а потому надеялся, что его бывший работодатель не пользуется авторитетом у подлинных хозяев, у японцев. КДР подконтрольна «буратино». Обратившись туда, он предстанет перед четырьмя–пятью белыми упитанными подонками средних лет, вроде Уиндэма–Мэтсона. Если он не добьется справедливости в Комиссии, можно пожаловаться в одно из токийских Торгпредств — они есть в Калифорнии, Орегоне, Вайоминге и той части Невады, которая принадлежит Тихоокеанским Штатам. Но ежели и оттуда он уйдет несолоно хлебавши…

Фрэнк лежал и рассматривал ветхую люстру под потолком. В голове возникали и рушились планы, один нелепее другого.

Можно, например, перебраться в Штаты Скалистых Гор — это проще простого. Но где гарантии, что тамошние власти не выдадут его ТША? Нет никакой гарантии. А если махнуть на Юг? Бр–р! Что угодно, только не на Юг. Белому человеку, конечно, там привольнее, чем в ТША. Но… «В гробу я видел такое приволье!» — мрачно подумал Фрэнк.

Юг имел одну неприятную особенность. Он тысячами уз — экономических, идеологических и еще бог знает каких — был связан с рейхом.

А Фрэнк Фринк был еврей. По–настоящему его звали Фрэнк Финк. Он родился на восточном побережье, в Нью–Йорке. В тысяча девятьсот сорок первом году, сразу после разгрома России, был призван в армию. Когда японцы захватили Гавайские острова, его перебросили на западное побережье Соединенных Штатов Америки. Конец войны застал его на территории, отошедшей к Японии, где он и жил последние пятнадцать лет.

В сорок седьмом, в день капитуляции, он чуть не спятил. Поклялся отомстить проклятым япошкам и закопал в подвале дома свою винтовку.

Любовно смазанная и обмотанная ветошью, она по сей день ждет часа, когда Фрэнк и его однополчане поднимут восстание.

В сорок седьмом ему было невдомек, что время — великий лекарь. Ныне, если он и вспоминал о своих давних мечтах устроить варфоломеевскую ночь и вырезать ненавистных «буратино» и их хозяев, то у него возникало чувство, словно он листает дневник школьной поры: вот Фрэнк собирается стать палеонтологом, а вот — дает себе слово жениться на Норме Праут, самой красивой девчонке в классе. Черт побери, сколько воды утекло с тех пор, как он вел дневник, слушал пластинки Фрэда Аллена и смотрел фильмы с участием Филдса![3] Со дня капитуляции он имел дело с тысячами японцев и никому из них не причинил вреда. Да и глупо думать о мести через пятнадцать лет. Впрочем, был один тип, которому Фрэнк с удовольствием перегрыз бы глотку. Омуро, его бывший квартирный хозяин. В начале пятидесятых, во время кризиса, он скупил жилье в центре Фриско и показал себя настоящей акулой: делил комнаты на крошечные клетушки, взвинчивал квартирную плату и ни разу не делал

[3] Примечания: 3

Филдс — псевдоним американского комика Уильяма Клода Дьюкефилда.

ремонта. Особенно сильно это ударяло по карману бывших военнослужащих, которым было труднее всех найти работу. Спасибо японскому Торгпредству — его чиновники судили Омуро за спекуляцию и отрубили ему голову. Зато теперь ни один делец не осмеливается нарушить суровый, но справедливый японский Гражданский кодекс. В этом заслуга нынешних оккупационных властей, пришедших на смену Военному Кабинету.

Мысль о кристальной честности служащих Торгпредства придала Фрэнку уверенности. Им наплевать, что Уиндэм–Мэтсон — глава «Корпорации У–М», для них главное — справедливость. «Кажется, я начинаю верить в эту муру насчет Сопроцветания Тихоокеанского Содружества, — подумал он. — Странно, в первые годы это казалось пустой болтовней, очередной фальшивкой. А сейчас…»

Фрэнк заставил себя подняться и поплелся в ванную. Пока он стоял под душем, по радио передавали новости.

— Не надо осмеивать эти попытки, — произнесла дикторша, когда он отключил горячую воду.

«Не будем», — мрачно подумал Фрэнк. Он знал, о чем идет речь, и все же улыбнулся, представив

себе, как бесстрастные, неулыбчивые немцы шагают по красным пескам Марса.

— Gott, Herr Kreisleiter. Ist dies vielleicht der Ort wo man das Konzentrationslager bilden rann? Das Wetter ist so schon Heiss, aber doch schon…[4] — бормотал он, намыливая щеки.

— Цивилизация Содружества должна сделать окончательный выбор: либо дальнейшие шаги к установлению равных для всех стран прав и обязанностей, либо…

«Типичный жаргон правящей верхушки», — поморщился Фрэнк.

— Мы прекрасно понимаем, что ареной, где будут вершиться судьбы всех рас — арийской, японской, негроидной… — и дальше в том же духе.

— У нас погодка благодать, ну просто schon.[5] Жаль только, нечем нам дышать… — весело мурлыкал он, одеваясь.

Но факт остается фактом: Тихоокеания практически не участвует в колонизации планет. Она

---

[4] Примечания: 4

Боже мой, господин Крайслейтер! Да разве здесь не идеальное место для концлагеря? И погода замечательная. Жарко, правда, но все равно хорошо… *(нем.)*

[5] Примечания: 5

Прекрасная *(нем.)*.

занята, а вернее — завязла в Южной Америке. Пока немцы одну за другой запускали в космос огромные автоматические станции, японцы выжигали сельву в Бразилии и возводили жилые кварталы для бывших охотников за черепами. К тому времени, когда стартует первый японский космический корабль, наци приберут к рукам всю Солнечную систему. В старых учебниках истории было написано, что Германия опоздала к разделу мира. Немцы спохватились, когда другие страны Европы дорисовывали карты своих колониальных империй. «На этот раз они не согласятся плестись в хвосте, — размышлял Фрэнк. — Немцы — хорошие ученики».

Потом ему вспомнилась Африка и проводимый там нацистами эксперимент. От этих мыслей кровь стыла в жилах.

Опустошенный, обезлюдевший материк…

— Однако мы с гордостью можем утверждать, что наше стремление удовлетворить первоочередные материальные и духовные потребности каждого человека…

Фрэнк не выдержал и выключил радио. Но, немного успокоившись, включил снова.

«Заповеди Христа — на свалку», — подумал он. Африка. Призраки умерщвленных туземцев

— целые племена стерты с лица Земли… Зачем? Этого никто не знал. Возможно, даже «архитекторы» в Берлине не знали.

Нация роботов. Роботов–покорителей и преобразователей природы, роботов–строителей. Строители? Перемалыватели — вот они кто!

Великаны–людоеды, сбежавшие из палеонтологического музея, промышляющие выделкой чаш из черепов. Прежде всего мозг — он годится в пищу, затем череп, превосходный материал для кухонной утвари. И так далее. Какая бережливость: сожрать врага из его собственного черепа! Безотходное производство, лучшие в мире специалисты. Питекантропы в белых халатах, ставящие опыты в университетских лабораториях. «Герр доктор, мы нашли новое применение большому пальцу ноги. Смотрите, этот сустав подходит для зажигалки. Если герр Крупп возьмется выпускать их в достаточном количестве…»

Фрэнк содрогнулся, представив Землю под пятой недочеловека–каннибала. «Миллионы лет мы пытались убежать от него, но каннибал все равно настиг нас, и теперь он не просто враг — он владеет миром!»

— Мы должны протестовать, — звучал по радио нежный голос японки–дикторши, — и мы

неоднократно возражали против принесения в жертву миллионов человеческих жизней во имя безумных, бесчеловечных замыслов, когда огромные массы людей оказываются вне общества, вне закона…

«Господи! — подумал Фрэнк. — Мы называли этих кривоногих малюток желтопузыми мартышками, а ведь они строили газовые печи не чаще, чем перетапливали собственных жен на сургуч!»

— Словами всем известного западного святого [6]: «Какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит?..»

Радио замолчало. Пальцы Фрэнка застыли на узле галстука.

«Надо смириться, — сказал он себе. — Пусть даже меня занесут в черный список. Если я покину территорию протектората Японии и появлюсь на Юге или в Европе — мне конец. Придется как–нибудь договориться со стариной Уиндэмом–Мэтсоном».

С чашкой остывшего чая Фрэнк уселся на кровать и положил на колени «Книгу Перемен». Из кожаного футляра извлек сорок девять черенков

---

[6] Примечания: 6

«…словами всем известного западного святого…» — имеется в виду Иисус Христос. Евангелие от Матфея, 16, 26.

тысячелистника и посидел минуту–другую, собираясь с мыслями.

«Как я смогу поладить с Уиндэмом–Мэтсоном?» — написал он в блокноте, а затем перебрасывал черенки из руки в руку, пока не получил первую черту. «Шестерка». «Слабая» черта. Она исключала половину из шестидесяти четырех гексаграмм, начинающихся со сплошной — «сильной» — черты.

Умело обращаясь с черенками, Фрэнк быстро получил все шесть черт. Гексаграмма лежала перед ним. Ему не нужно было сверяться с Оракулом, чтобы узнать ее номер, и заглядывать в текст — Фрэнк помнил его наизусть. Гексаграмма пятнадцатая, «Смирение». Афоризмы к ней гласили: «Смирение. Развитие. Благородному человеку предстоит свершение». Оракул давал дельный совет.

Все же Фрэнк был чуточку разочарован.

Было что–то беззубое в пятнадцатой гексаграмме, слишком благочестивое. Конечно, надо быть скромным — у него не осталось рычагов давления на Уиндэма–Мэтсона. Все, что он может сделать, это последовать совету гексаграммы: просить, надеяться, ждать и верить. Бог даст, его возьмут на прежнюю работу, а может, подвернется что–

нибудь получше…

Смотреть афоризмы к чертам не было особой необходимости — гексаграмма была статичной.

Собравшись с духом, Фрэнк задал следующий вопрос: «Увижу ли я Джулиану вновь?»

Джулиана — его жена, точнее, бывшая жена. Она ушла год назад, и Фрэнк даже не знал, где она сейчас; наверное, уехала из Фриско, возможно, даже из Тихоокеанских Штатов. Общие знакомые ничего не слышали о ней или не хотели ему говорить.

Он углубился в манипуляции с черенками.

Сколько раз он спрашивал о Джулиане, по–разному задавая один и тот же вопрос!

Гексаграмма — порождение слепого случая, расположения цветочных черенков — тысячами нитей связывала мгновение, в котором он — частица — жил со всеми остальными мгновениями и частицами Вселенной. Сквозь рисунок прерывистых и непрерывных черт всегда находила себе путь неумолимая истина. Он, Джулиана, фабрика на Гоуф–стрит, хозяйничающие на побережье Торгпредства, исследование планет, миллионы кучек химических элементов в Африке, переставших быть даже трупами, помыслы тысяч людей в курятниках Сан–Франциско, свихнувшиеся твари

с мертвыми глазами и маниакальными планами в Берлине — все соединялось, когда он бросал черенки тысячелистника, чтобы узнать мудрое высказывание, соответствующее этому мгновению и этому вопросу. Все соединялось в книге, корни которой уходят в тридцатое столетие до нашей эры. В книге, созданной мудрецами Китая и отразившей многовековой опыт развития космологии, еще до того, как Европа научилась элементарной арифметике.

…Гексаграмма сорок четыре. Сердце его упало.

«Перечение. Сильная женщина. Не следует брать ее в жены», — гласил суровый приговор.

Все тот же ответ. «Да, она не для меня, я знаю. Но не об этом я спрашивал Оракула. Зачем ему понадобилось напоминать? Скверный выпал мне жребий: повстречать ее, влюбиться и любить до сих пор…»

Джулиана — самая красивая женщина в его жизни. Черные как смоль брови и волосы, яркие губы — испанская кровь во всем. Упругая, неслышная походка. Джулиана носила старенькие, оставшиеся со школы туфли с цветными ремешками. Вся ее одежда была застиранной, изношенной. Они долго жили в нищете, и Джулиане приходилось носить хлопчатобумажную

кофточку, шерстяной жакет на молнии, коричневую твидовую юбку и коротенькие носочки. Она злилась на Фрэнка за то, что, по ее словам, всегда выглядела так, будто собралась на теннисный корт или, того хуже, в лес по грибы.

Фрэнка, когда он впервые увидел свою будущую жену, поразило ее лицо с загадочной улыбкой Моны Лизы, сбивавшей с толку незнакомых мужчин. Обаяние Джулианы было так велико, что прохожие нередко кивали ей в ответ, принимая ее улыбку на свой счет. Сначала Фрэнк думал, что у нее слабое зрение, но в конце концов стал считать Джулиану дурой, тщательно скрывающей свою глупость. Ее походка, привычка невесть зачем приваживать мужиков, манера исчезать и появляться, храня загадочный вид, раздражали Фрэнка, но даже перед самым разрывом он видел в ней дар, ниспосланный свыше. Именно интуитивная вера в божественную сущность Джулианы не позволяла Фрэнку смириться с ее уходом. Казалось, она где–то рядом, и расстались они несколько минут назад. Казалось, тень ее бродит по комнате в поисках то одной, то другой вещи, как обычно делала Джулиана. Особенно сильным это ощущение бывало, когда он брал в руки Оракул.

«Интересно, — размышлял Фрэнк Фринк, сидя в захламленной холостяцкой квартире, — кто еще в эту самую минуту испрашивает совета у Оракула? И какой получает ответ? Неужели такой же безрадостный? Неужели и для него обстоятельства столь же неблагоприятны?..»

Глава 2

Как раз в эту минуту Нобусуке Тагоми сидел в просторном кабинете, раскрыв священную Пятую книгу конфуцианской мудрости, много веков известную под названием «Ицзин», или «Книга Перемен». Дело в том, что в полдень у него возникли опасения по поводу Чилдэна, которому он назначил встречу на два часа.

Офис Тагоми находился на двенадцатом этаже «Ниппон Таймс Билдинг» на Тэйлор–стрит. Сквозь стеклянные стены виднелись залив и мост Золотые Ворота, под которым то и дело проходили суда. Как раз сейчас за Алькатрасом шел сухогруз, но Тагоми не обращал на него внимания. Подойдя к стене, он опустил бамбуковые жалюзи. Солнце перестало слепить глаза, а главное — такой свет не мешал размышлять.

«Какую бы диковину ни принес Чилдэн, вряд ли мне удастся угодить клиенту, — подумал он. — Но, как бы там ни было, у него не возникнет причин для недовольства. Мы выберем самый лучший подарок».

До посадки в аэропорту Сан–Франциско но-

вейшего немецкого ракетоплана «Мессершмит–9Е», которым летел клиент, оставалось совсем немного времени. Тагоми ни разу не доводилось путешествовать на подобном лайнере, но он дал себе слово встретить Бэйнса с самим невозмутимым видом. «Надо потренироваться», — сказал он себе и, подойдя к большому зеркалу, принял холодный, скучающий вид. — «В них такой шум, мистер Бэйнс! Не почитаешь в дороге. Правда, быстро: от Стокгольма до Сан–Франциско всего сорок пять минут…» — А может, упомянуть о частых авариях немецких машин?.. «Вы слышали, по радио сообщили подробности мадагаскарской катастрофы? Все–таки самолеты с поршневыми двигателями куда надежнее…»

«И ни слова о политике, — напомнил себе Тагоми. — Когда ничего не знаешь о взглядах и убеждениях собеседника, давать волю языку опасно. А вдруг Бэйнс сам заговорит о политике? Хотя он швед, нейтрал… но сюда прибывает на ракетоплане „Люфтганзы“, а не САС.[7] Это любопытно…»

«Мистер Бэйнс, говорят, герр Борман серьезно болен, и нынешней осенью партия изберет

---

[7] Примечания: 7

САС — Скандинавская авиакомпания.

нового рейхсканцлера. Думаете, слухи? Увы, Тихоокеания и Рейх помешались на секретах».

В одной из папок, хранившихся в столе, лежала вырезка из «Нью–Йорк таймс» с недавней речью Бэйнса. Тагоми достал ее, уселся в кресло. Из–за слабых контактных линз ему приходилось читать сильно сутулясь.

В своей речи Бэйнс призывал попытаться — наверное, в девяносто восьмой раз — отыскать на Луне источник воды. «Мы в состоянии решить эту набившую оскомину проблему! — утверждал он. — А пока наша ближайшая соседка пригодна только для военных целей». «Sic![8] — мелькнуло в голове Тагоми латинское словечко, которым любят блеснуть аристократы. — Вот он, ключик к клиенту. На военных этот швед смотрит косо».

Тагоми нажал кнопку селектора:

— Мисс Эфрикян, будьте любезны, зайдите ко мне с диктофоном.

Дверь кабинета отъехала в сторону. Вошла Эфрикян, высокая армянка с каштановыми волосами. Ее прическу украшали голубые цветы.

«Сирень», — отметил Тагоми. Когда–то на родном Хоккайдо он был профессиональным

---

[8] Примечания: 8
Sic — так *(лат.).*

садовником.

Эфрикян поклонилась.

— Вы готовы?

— Да, мистер Тагоми. — Она уселась в кресло и включила диктофон.

— Я спросил у Оракула: будет ли толк от моей встречи с мистером Чилдэном? — начал Тагоми. — И получил, к моему смятению, зловещую гексаграмму «Переразвитие великого»: «Стропила прогибаются. Все неустойчиво, слишком велик вес в середине. Несомненно, удаление от Дао».

Еле слышно шелестел диктофон. Тагоми задумался. Секретарша выжидающе посмотрела на него и нажала «паузу».

— Пожалуйста, пригласите мистера Рамсея.

— Да, мистер Тагоми. — Она положила диктофон на стол и, мягко постукивая каблучками, вышла из кабинета.

Появился улыбающийся Рамсей в ковбойке и синих джинсах в обтяжку, за которые любой стиляга, не задумываясь, отдал бы душу. На шее безукоризненно повязанный галстук–шнурок, под мышкой — папка.

— Здравствуйте, мистер Тагоми, — сказал Рамсей. — Прекрасный денек сегодня, сэр.

Тагоми отвесил поклон. Юноша вздрогнул и

поклонился в ответ.

— Я решил кое о чем посоветоваться с Оракулом, — сообщил ему Тагоми, когда Эфрикян вернулась в кресло и взяла диктофон. — Как вам известно, вскоре нас посетит гость, мистер Бэйнс. В отношении традиционной культуры Востока он, по всей видимости, придерживается нордической идеологии. Можно попытаться изменить его взгляды с помощью китайской каллиграфии или керамики эпохи Токугава, но наша задача не в этом.

— Понимаю, — кивнул Рамсей. На его красивом, по–кавказски смуглом лице застыло сосредоточенное выражение.

— Поэтому мы преподнесем ему какой–нибудь дорогостоящий предмет американской культуры.

— Ясно.

— Вы по происхождению американец, сэр, но почему–то постарались сделать свою кожу более темной. — Тагоми внимательно разглядывал юношу.

— Это загар от кварцевой лампы, сэр, — смущенно пробормотал Рамсей. — Говорят, от него повышается содержание витамина D.

Японец молча наблюдал за ним.

— Уверяю вас, сэр, я… вовсе не порвал с культурой моего народа, я поддерживаю связи с родней…

— Продолжим, пожалуй, — сказал Тагоми секретарше, и та включила запись. — Обратившись к Оракулу, я получил гексаграмму двадцать восемь, Да–го. Хочу обратить особое внимание на неблагоприятную пятую черту. Комментарий гласит:

«На иссохшем тополе вырастают цветы.

Старая женщина получает служилого мужа.

Хулы не будет.

Хвалы не будет».

Оракул вполне определенно указывает на то, что мистер Чилдэн не предложит нам ничего подходящего. — Тагоми помолчал. — Посмотрим правде в глаза. Я не отношусь к знатокам американского искусства и не могу полагаться на свой вкус. Вот почему… — Он замялся, подбирая слова. — Вот почему — надеюсь, вы не в обиде на меня, мистер Рамсей — нам нужна помощь туземца . Вы согласны помочь?

Как Рамсей ни пытался, он не смог скрыть боль, обиду и гнев.

— Я задал Оракулу еще несколько вопросов, — продолжал Тагоми, не дожидаясь ответа, — но

для этого ваше присутствие было не обязательно. — Рамсею это следовало понимать так: «Вам, бледнолицым „буратино“, ни к чему быть в курсе всех наших дел». — Должен сказать, что на один из вопросов я получил весьма загадочный ответ, заставивший меня призадуматься. — Рамсей и Эфрикян ловили каждое его слово. — Вопрос относился к мистеру Бэйнсу.

Они кивнули.

— Ответом мне была гексаграмма Шен. Сорок пять. Ситуация, благодаря скрытому действию Дао, благоприятная. Начальная черта — «шестерка», вторая — «девятка». Вопрос был таков: «Будут ли успешны переговоры с мистером Бэйнсом?» И сильная черта на втором месте уверяла, что будут. Комментарий таков:

«Будь правдив, и тогда это будет благоприятствовать принесению незначительной жертвы.

Хулы не будет».

Вероятно, мистера Бэйнса удовлетворит любой подарок Торгового представительства.

Но Оракул учел и тот скрытый смысл, который, как это нередко случалось, Тагоми почти безотчетно вложил в свой вопрос, поэтому ответ выглядел слегка туманным.

— Насколько нам известно, — продолжал Та-

гоми, — Бэйнс везет подробное описание новых способов литья под давлением, разработанных в Швеции. Если нам удастся заключить договор с его фирмой, мы сможем заменить пластмассами многие металлы, которых нам так не хватает.

Тихоокеания много лет убеждала Рейх оказать ей помощь в развитии химической промышленности. Но ведущие химические концерны Германии, такие, как «ИГ Фарбениндастри», не спешили торговать лицензиями на производство полимеров. Рейх вполне устраивало, что Тихоокеания плетется у него в хвосте, отставая по части технологий лет на десять. Взлетавшие с космодромов Festung Europa[9] ракеты почти полностью состояли из жаростойких пластмасс — легких, но настолько прочных, что выдерживали удар метеорита. Ничем подобным Тихоокеания не располагала — японцам по–прежнему приходилось использовать природные материалы, такие, как древесина и металлы.

От этих мыслей у Тагоми испортилось настроение. Он бывал на промышленных выставках и видел некоторые достижения германской на-

---

[9] Примечания: 9
Европейская твердыня *(нем.)*.

уки, в том числе «DSS» — «Der schnelle Spuk»[10] — автомобиль, целиком изготовленный из синтетических материалов. Машина была продана за шестьсот долларов ТША.

Тагоми задал Оракулу еще один вопрос, о котором не полагалось знать «буратино» (а их немало работало в здании Торгпредства). Вопрос родился после того, как Тагоми получил шифрованную каблограмму из Токио. Секретные депеши поступали к нему нечасто и в основном касались интересов безопасности, а не торговли, тем более шифровки, состоящие из поэтических метафор. Тагоми не сомневался, что токийские власти опасались именно немцев, а не мнимых оппозиционных сил на Родных островах, ибо спецслужбы Рейха могли разгадать шифр любой сложности, но толкование поэтических образов представляло для них серьезную проблему.

Ключевая фраза «сними пенку с его молока» подразумевала «Передник» — мрачноватую песню, где были строчки: «Не все то золото, что блестит. Снятую с молока пенку легко перепутать со сливками». «Ицзин» только подтвердил этот совет. В толковании говорилось о человеке,

---

[10] Примечания: 10
«Быстрый Призрак» *(нем.).*

который не соответствует своему окружению, поскольку он излишне резок и слишком мало внимания уделяет формальностям; но так как он честен, то найдет отклик.

Из этого следовал простой вывод: Бэйнс не тот, за кого себя выдает, и прибывает в Сан–Франциско не за тем, чтобы подписывать договоры о совместном производстве пластмасс. Но как Тагоми ни ломал голову, он не мог понять, кто такой Бэйнс, на кого он работает и зачем летит в ТША.

В час сорок Роберт Чилдэн с огромной неохотой запер двери «Художественных промыслов Америки», остановил велотакси и велел отвезти его к «Ниппон Таймс Билдинг».

— «Ниппон таймс», — повторил, как полагалось, тощий китаеза–рикша и с трудом водрузил на багажник тяжелые сумки. Потом помог усесться Чилдэну, включил счетчик и закрутил педали.

Глядя на проплывающие мимо здания, Чилдэн испытывал раздражение и досаду. Весь день ушел на поиски вещи для клиента Тагоми. Чилдэну повезло — удалось найти отличный подарок, японец должен сменить гнев на милость. «Пока никто из моих заказчиков не остался недовольным!» — с гордостью подумал Чилдэн.

Он раздобыл идеально сохранившийся экземпляр первого номера комиксов «Тип–топ», выходивших в тридцатых годах. Забавный журнальчик, яркий образчик культуры «Американа», «Тип–топ» достался Чилдэну, можно сказать, даром. Но он прихватил и другие вещицы — не начинать же, в самом деле, с комиксов. Нет, сначала он раздразнит аппетит японца, а уж потом достанет из самой большой сумки обернутый бумагой кожаный футляр.

Радио китайца извергало популярные мелодии, соревнуясь в громкости с приемниками других веломобилей, легковых машин и автобусов. Чилдэн будто не слышал — привык. Не замечал он и огромных неоновых реклам на фасадах зданий. Такая же вывеска мигала по вечерам и над его магазином. А как иначе заявить о себе, как привлечь покупателей? Чилдэн трезво смотрел на вещи. Его даже убаюкивали уличный шум, мелькание реклам и снующие прохожие, отвлекая от текущих проблем. Да и разве не удовольствие — прокатиться по оживленной улице на веломобиле, чувствуя легкую дрожь, — это усилия мускулов рикши передаются механизму. «Как вибромассажер», — подумал Чилдэн. Приятно все–таки, когда не ты везешь, а тебя везут. Прият-

но хоть недолго побыть господином.

Он встрепенулся: нельзя дремать перед столь важной встречей. Надо о многом подумать. Подходяще ли он одет для визита в «Ниппон Таймс Билдинг»? А вдруг в скоростном лифте закружится голова? Впрочем, это не страшно — в кармане лежат немецкие таблетки от головокружения… Ко всем обращаться соответственно, напомнил он себе. Со швейцаром, лифтером, портье и прочей мелкой сошкой не церемониться. Каждому японцу кланяться, даже если придется сгибаться сто раз кряду. Но как вести себя со служащими — «буратино»? Это он представлял себе смутно. «Ладно, — решил Чилдэн, — буду кивать, но с рассеянным видом, будто едва их замечаю».

Ничего не упущено? А если попадется иностранец? Говорят, в Торгпредстве можно встретить немца или нейтрала. А еще там можно увидеть невольника.

В порту Сан–Франциско часто бросают якорь суда немцев и южан, и случается, черномазых ненадолго отпускают группками не более трех человек на берег, и конечно, днем, ведь даже в Тихоокеании для негров действует комендантский час. Бывает, их селят на какое–то время в бараках у пристани. Им не полагается заходить

в Торгпредство, но нередко их берут туда в качестве носильщиков. Кстати, разве можно явиться к Тагоми, собственноручно неся свои сумки? Ни в коем случае! Надо во что бы то ни стало отыскать раба, пусть даже придется на час опоздать. Если Чилдэна увидят в Торгпредстве с сумками в руках, это будет непростительной ошибкой. Потеря авторитета — опасная вещь.

«Войти в „Ниппон Таймс Билдинг“ с сумками было бы просто смешно, — размышлял Чилдэн. — В тюрьму за такое, конечно, не посадят — в этом нет ничего противозаконного, — но как бы я выглядел в глазах окружающих? Да еще проклятые черномазые… Можно стерпеть косые взгляды знати — в конце концов с их спесью я сталкиваюсь каждый день, однако видеть презрение на рожах всяких голодранцев, вроде этого рикши, крутящего педали, выше моих сил. Не останови я вовремя велотакси, он бы увидел, как я тащусь с сумками по улице…»

В том, что жизнь такова, виновата, конечно, проклятая немчура — вечно норовит откусить больше, чем способна проглотить. С огромными потерями немцы выиграли войну и не успели очухаться, как ринулись покорять Солнечную систему. А на родной планете ввели законы,

которые… Впрочем, замысел был неплох, и, надо признать, немцы лихо разделались с евреями, цыганами и прочими бродячими народами. Славян они отбросили на два тысячелетия назад, на их прародину Азию. Ну и правильно, без славян в Европе как–то спокойнее. Пусть себе ездят на яках и охотятся с луками и стрелами. Зато теперь в любом книжном магазине, в любой библиотеке можно полистать изданный в Мюнхене толстый глянцевый журнал и полюбоваться, как синеглазые белокурые фермеры пашут, сеют и собирают урожай на полях всемирной житницы Украины. Вооруженные до зубов новейшей техникой, эти ребята выглядят счастливчиками, их угодья — чисты и ухожены. В таких журналах не увидишь поляка с опухшей от пьянства рожей, понуро сидящего на гнилом крыльце своей лачуги или ворующего репу на деревенском рынке. Он ушел в прошлое, как и ухабистые грунтовые дороги, на которых, стоило зарядить дождям, намертво вязли колеса телег.

И еще — Африка. Вот где они развернулись с энтузиазмом, достойным восхищения. Хотя, будь немцы чуть предусмотрительнее, они бы сначала завершили план «Фармлянд». Воистину этот проект — зримое воплощение немецкого гения.

Запрудить и осушить Средиземное море, а затем с помощью атомной энергии превратить его в сельскохозяйственные угодья — какая смелость, какой размах! Все насмешники, в том числе некоторые болтливые лавочники на Монтгомери–стрит, были посрамлены.

В Африке немцы снова показали себя молодцами, но, к сожалению, подобные грандиозные мероприятия всегда сопровождаются зловещими слухами. А началось все в пятьдесят восьмом, со знаменитого признания Розенберга: «Что касается окончательного решения африканской проблемы, мы почти достигли своих целей, однако…»

И все–таки на то, чтобы избавиться от аборигенов, американцам понадобилось два века, а наци в Африке добились почти тех же результатов за пятнадцать лет. Так что скепсис здесь неуместен. Как–то раз за завтраком Чилдэн поспорил со знакомыми бизнесменами, очевидно, считавшими, что у немцев есть волшебная палочка и они в одну минуту могут преобразовать мир. Нет у них волшебной палочки, зато есть наука, техника и знаменитое немецкое упорство. Любое дело они доводят до конца. Впрочем, полеты на Марс отвлекли внимание общественности от Африки.

На том достопамятном завтраке последнее слово осталось за Чилдэном: «Что есть у немцев и чего недостает нам, так это романтики. Можно восхищаться их талантами и трудолюбием, но не им обязаны немцы своими успехами, а не дающей покоя мечте. Покорение планет! Сначала Луна, потом Марс. Все дальше и дальше… Разве это не древнейшая мечта человечества, не высочайший порыв души?

Теперь возьмем японцев. Я прекрасно знаю их натуру, мне ежедневно приходится иметь с ними дело. Что ни говори, а они — азиаты. Желтокожие. Нам, белым, приходится ломать перед ними шапки, поскольку они — власть. Но, глядя на Германию, мы видим, на что способна белая раса…»

— Скоро приедем, сэр, — сообщил рикша. Его грудь бурно вздымалась — веломобиль только что преодолел крутой подъем.

Чилдэн попробовал представить клиента Тагоми. Наверняка какая–нибудь шишка — он перестал в этом сомневаться, услышав по телефону возбужденный голос японца. Он вспомнил одного очень важного клиента, точнее, посетителя магазина, благодаря которому «Художественные промыслы Америки» приобрели репутацию в кругу высокопоставленных жителей района

Залива.

Всего четыре года назад Чилдэн содержал не престижный антикварный магазин, а крошечную букинистическую лавку на Гири — темную, тесную. В соседних магазинчиках торговали подержанной мебелью и скобяными товарами, рядом примостилась грязная прачечная. Приятное соседство, нечего сказать. Случалось, ночью на улице раздавались крики — кого–то грабили, а то и насиловали, хотя департамент полиции Сан–Франциско и даже кэмпетай — японская тайная полиция — не жалели сил на борьбу с преступностью. После закрытия лавки окна приходилось запирать железными решетками — иначе не избежать взлома.

И вот как–то раз в этот район забрел старый отставной офицер японской армии, майор Ито Хумо — высокий, статный, седой, с чеканной поступью. Он и натолкнул Чилдэна на мысль, какой торговлей заняться.

— Я коллекционер, — пояснил Хумо.

Японец полдня провел, роясь в кипах старых журналов. Прислушиваясь к его неторопливой, рассудительной речи, Чилдэн пришел к выводу, что многих состоятельных, образованных японцев наряду с обычным антиквариатом ин-

тересуют предметы уходящего в историю быта американского народа. Сам Хумо любовно собирал журналы с рекламой американских медных пуговиц, да и пуговицы тоже. Как всякий коллекционер, майор не смог объяснить, почему в нем родилась эта страсть, но утверждал, что богачи не жалеют денег на самые, казалось бы, бесполезные вещицы.

— Приведу пример, — говорил он. — Вам случалось видеть вкладыши «Ужасы войны»?

Чилдэн порылся в памяти. Да, когда он был маленьким, эти картинки продавались по центу за штуку вместе с жевательной резинкой. Их была целая серия.

Хумо с плохо скрываемой алчностью следил за его лицом.

— У меня есть близкий друг, — продолжал японец. — Он собирает «Ужасы войны». Ему осталось только найти «Гибель Паная». Он готов за нее хорошо заплатить.

— Перевертыши, — сказал вдруг Чилдэн.

— Простите?

— У нас была такая игра. Если по вкладышу щелкнуть, он ложится либо лицевой стороной, либо «рубашкой». Каждый мальчишка носил в кармане пачку «ужасов». Двое становились

друг против друга и щелчком подбрасывали вкладыши, чей падал картинкой вверх, тот и выигрывал.

Чилдэну в ту пору было восемь лет. Как все–таки приятно вспомнить далекие, счастливые дни детства!

Немного поразмыслив, Хумо произнес:

— Странно. Мой приятель не рассказывал ничего подобного. Мне кажется, ему это и невдомек.

Вскоре друг майора Хумо, тоже отставник, наведался в книжную лавку за исторической справкой. Рассказ мистера Чилдэна привел его в восторг.

— …Крышечки бутылок! — с торжествующим видом воскликнул Чилдэн.

Японец непонимающе заморгал.

— В детстве мы собирали крышечки от молочных бутылок, — пояснил торговец. — Круглые такие, с названиями магазинов. В Соединенных Штатах были тысячи молочных магазинов, и для каждого выпускались свои крышечки.

У японца заблестели глаза.

— У вас есть такая коллекция, сэр?

Разумеется, у Чилдэна такой коллекции не было, но… возможно, у кого–нибудь сохранились забавные кругляшки, напоминающие о

довоенных временах, когда молоко продавали в стеклянных бутылках, а не в картонных пакетах. Так, мало–помалу, Чилдэн втянулся в новый бизнес. Позже в стране появилось еще несколько подобных магазинов, ибо день ото дня все больше японцев увлекалось «американой»… Но Чилдэн всегда ухитрялся опередить конкурентов.

— С вас доллар, сэр. — Голос рикши вывел его из задумчивости. Оказывается, китаеза уже выгрузил сумки. Чилдэн уплатил.

«Да, весьма вероятно, что клиент Тагоми похож на майора Хумо, во всяком случае, мне так кажется». Чилдэн знавал немало японцев, но до сих пор не научился их различать и для удобства делил на разновидности. Одни, мускулистые коротышки, напоминали ему борцов, другие — аптекарей, третьи — садовников… Встречались и непохожие на японцев, особенно среди молодежи. Наверное, клиент Тагоми — этакий внушительный бизнесмен с манильской сигарой в зубах.

Стоя перед «Ниппон Таймс Билдинг», Чилдэн содрогнулся от неожиданной мысли: а вдруг клиент — иностранец?! Вещи, заботливо уложенные в сумки, рассчитаны на вкус японца.

«Не может быть, — успокоил себя Чилдэн, — клиент наверняка японец. Иначе зачем было

Тагоми заказывать вербовочный плакат? Кому еще нужен такой хлам? Японцы склонны ко всему заурядному. Только они могут благоговеть перед прокламациями, воззваниями и объявлениями». Чилдэн знавал одного чудака, собиравшего вырезки из газет начала века, где рекламировались американские патентованные средства.

Впрочем, все это пустяки. Впереди у него безотлагательные дела.

Высокие двери «Ниппон Таймс Билдинг» постоянно впускали и выпускали хорошо одетых людей. Прежде чем направиться к подъезду, Чилдэн задрал голову. Стеклянная стена уходила в небо. «Ниппон Таймс Билдинг» — самое высокое здание Сан–Франциско, шедевр японской архитектуры — стояло в окружении садов с карликовыми вечнозелеными кустами, валунов и русла высохшего ручья (точнее, его имитации, но настолько искусной, что петлявшая между обнаженными корнями и плоскими камнями желтая змейка песка выглядела очень естественно).

Чилдэн увидел черного носильщика и замахал рукой. Негр, подобострастно улыбаясь, подбежал и поклонился.

— Двенадцатый этаж. — Чилдэн указал на сумки и добавил, стараясь, чтобы голос звучал как

можно резче: — Кабинет Б. И побыстрее! — Он решительно направился к дверям. Разумеется, не оглядываясь.

Спустя секунду он оказался в битком набитой кабине скоростного лифта. Почти все пассажиры были японцы, их чисто выбритые подбородки сияли в ярком свете ламп. Тошнотворный рывок, и Чилдэна понесло вверх. Он закрыл глаза и пошире расставил ноги, моля Господа, чтобы подъем закончился быстрее.

«Носильщик, конечно, поднимается на грузовом лифте, — мелькнуло в мозгу. — Еще бы, кто пустит сюда черномазого?..» Он открыл глаза и окинул кабину взглядом. Белых в лифте было раз, два и обчелся. Выходя на площадку двенадцатого этажа, Чилдэн уже мысленно кланялся, готовясь к встрече с Тагоми.

Глава 3

Подняв глаза к закатному небу, Джулиана Фринк увидела крошечный огонек, прочерчивающий широкую дугу к западу. «Нацистская ракета, — подумала она. — Летит к побережью. В ней полным–полно всяких шишек. А я здесь, внизу». Она помахала вслед ракете, хотя та уже исчезла.

Тени Скалистых гор подступали все ближе. Голубоватые вершины окунались в ночь. Над ближней грядой плыла стая перелетных птиц. У проносившихся мимо машин загорались фары, вскоре по шоссе потянулась цепочка двойных огоньков. Вспыхнула реклама бензоколонки. Засветились окна домов.

Несколько месяцев Джулиана жила в Каньон–Сити, штат Колорадо, работая инструктором дзюдо. На сегодня тренировки закончились, и она хотела принять душ, чтобы снять усталость. Но все душевые кабинки «Спортивного зала Рэя» были заняты, и она ожидала у выхода, наслаждаясь покоем сумерек, прохладой и горным ветерком. До нее доносился приглушенный рокот громад-

ного дизельного грузовика, остановившегося у придорожной закусочной.

«Помнится, Дизель выбросился из иллюминатора своей каюты в Атлантику, покончил с собой. Может, последовать его примеру? Не получится — далеко до океана. Хотя можно как–нибудь иначе… Как у Шекспира. Или воткнуть спицу прямо через блузку, и — прощай, Джулиана! Девчонка, которой сам черт не страшен, которая знает тысячу способов расправы над брызжущим слюной противником. В самом деле, не лучше ли просто исчезнуть, чем всю жизнь дышать выхлопными газами в придорожном городишке? Это у меня от японцев, — решила она. — Вместе с прибыльным дзюдо я переняла у них спокойное отношение к смерти. Умение убивать, умение умирать. Ян и инь. Но все это позади. Я в протестантской стране».

Все–таки на душе спокойнее, когда ракеты нацистов проносятся над головой, а не садятся поблизости. К счастью, немцам нет дела ни до Колорадо, ни до Юты, Вайоминга и Восточной Невады — пустых, малонаселенных штатов, где одни горы да пастбища. «С нас нечего взять, — сказала она себе, — поэтому каждому здесь позволено прожить свою жалкую жизнь. Если он

пожелает. Если жизнь для него что–то значит».

Открылась дверь одной из кабинок. Вышла мисс Дэвис — молодая полная женщина.

— О, вы ждали, мисс Фринк? Простите, я не знала. — Она тряхнула мокрыми волосами, поправила пакет под мышкой.

— Ничего, не беспокойтесь.

— Знаете, мисс Фринк, я просто без ума от дзюдо. Оно дает мне даже больше, чем дзен.

— «Дзен сделает ваши бедра стройнее, — процитировала Джулиана. — Безболезненные сатори[11] помогут сбросить лишний вес». Простите, мисс Дэвис. Я отвлеклась.

— Они часто делали вам больно?

— Кто?

— Японцы. Когда вы у них учились.

— О, это было ужасно. Желаю вам никогда не попадать к ним в лапы. Держитесь подальше от побережья.

— Я еще ни разу не уезжала из Колорадо, — дрогнувшим голосом призналась женщина.

— От этого никто не застрахован, — предупредила Джулиана. — Вдруг им взбредет в голову захватить нас?

---

[11] Примечания: 11

Сатори — одно из основных понятий чань(дзен) — буддизма, внезапное просветление.

— Но с войны прошло столько времени! — воскликнула Дэвис.

— Откуда нам знать, что у них на уме, — задумчиво произнесла Джулиана. — Японцы — загадочный народ.

— А… что они с вами делали? — с интересом спросила женщина и подступила ближе.

— Все, — ответила Джулиана.

— О Господи! Я бы сопротивлялась. — Дэвис обеими руками прижала пакет к груди.

Джулиана попросила извинения и проскользнула в кабину, опередив незнакомую женщину с полотенцем на плече.

Потом она сидела за столиком в закусочной «Горячие гамбургеры Чарли» и неторопливо просматривала меню. Из музыкального автомата в углу доносилось что–то фольклорное — треньканье гитары и надрывные стоны. В воздухе стоял запах горелого жира.

Все же у Чарли было тепло и уютно, и у Джулианы полегчало на душе. Водители у стойки и хозяин–ирландец в белой поварской куртке, позвякивающий мелочью за кассой, казались старыми знакомыми. Заметив ее, Чарли сам подошел принять заказ.

— Мисс жела–ает ча–аю? — протянул он, добро-

душно ухмыляясь.

— Кофе, — ответила Джулиана, не реагируя на шутливый тон.

— Вона как? — Чарли подбоченился.

— И сандвич с горячим бифштексом.

— А как насчет супчика из крысиных гнезд? Или козлиных мозгов на оливковом масле?

Водители повернулись и с откровенным любопытством разглядывали Джулиану.

«Все дело в плечевых мышцах, — подумала она, встретившись взглядом с водителями. — У танцовщиц они тоже развиты. На бюсте это не отражается, а вот осанка… Заставьте своих жен ходить в спортзал, и тогда увидите…»

— Держитесь от нее подальше, — подмигнул хозяин водителям. — Она запросто может зашвырнуть вас в вашу фуру.

— Откуда вы? — обратилась она к шоферу помоложе.

— Из Миссури, — ответили оба.

— Из Соединенных Штатов? — спросила она.

— Я — да, — ответил старший. — Из Филадельфии. У меня там трое пацанов, старшему одиннадцать.

— Послушай… у вас можно найти приличную работу?

— Запросто, — ответил молодой водитель. — Если у тебя подходящая кожа. — У него было смуглое угрюмое лицо и вьющиеся черные волосы.

— Он — макаронник, — пояснил старший.

— Да? — удивилась Джулиана. — А разве Италия не страна–победитель? — Она улыбнулась молодому шоферу, но его лицо помрачнело еще больше, он отвернулся.

«Извини, — подумала она, но вслух ничего не сказала. — Если бы я умела отбеливать кожу… — Ей вспомнился Фрэнк. — Интересно, жив ли он? Может, ляпнул что–нибудь невпопад, кому–то наступил на мозоль? Нет, к япошкам он относится терпимо. Даже с приязнью. Наверное, потому, что они такие же уроды. — Джулиана все время внушала Фрэнку, что он некрасив: крупные поры, большой нос… Ее кожа была идеальной. — Неужто он умер один, без меня? Фринк — зяблик, птичка–невеличка. Говорят, певчие птахи долго не живут».

— Вы останетесь до утра? — спросила Джулиана у молодого водителя.

— Да, переночуем здесь.

— Если вам не нравится в Соединенных Штатах, почему вы оттуда не уедете? Я довольно долго живу в Скалистых горах, здесь неплохо.

А раньше жила во Фриско. Там цвет кожи тоже много значит.

Сгорбившись у стойки, итальянец метнул в нее хмурый взгляд.

— Леди, в вашем городе не то что жить — на одну ночь остаться противно. Господи, чего бы я ни отдал за нормальную работу, лишь бы не мотаться месяцами по дорогам и не жрать в таких… — Он умолк, заметив, как побагровели щеки хозяина, и отхлебнул кофе.

— Эге, Джо, да ты сноб? — ухмыльнулся его спутник.

— Не перебраться ли вам в Денвер? — предложила Джулиана. — Там гораздо лучше.

«Знаю я вас, восточных американцев, — подумала она. — Любите жить с размахом, вынашиваете великие замыслы. Скалистые горы для вас дыра, да и только. Здесь же ничего не изменилось с довоенной поры. Безработные старики, тупые фермеры, ленивые бродяги. Молодежь посмышленее подалась за восточную границу, в Нью–Йорк. Там деньги. Большие деньги, большой бизнес. Германские капиталисты творят чудеса, с их помощью в считанные годы удалось возродить Соединенные Штаты».

— Вот что, приятель, — хрипло и зло прогово-

рил хозяин. — Я тебе так скажу: если у вас сейчас полно шальных денег, так это все награблено у евреев, которых вышвырнули из Нью–Йорка, когда наци приняли этот чертов Нюрнбергский закон. Мальчишкой я жил в Бостоне и с евреями особо не якшался. Но если бы мне кто сказал, что в США будут действовать нацистские законы — пусть мы и проиграем войну, — я бы тому придурку плюнул в морду. Удивляюсь, почему ты здесь, а не завербовался в армию своих Соединенных Штатов? А? Завоевывать какую–нибудь банановую республику, чтобы потеснить япошек и порадовать немчуру?

Шоферы вскочили с перекошенными от злости лицами. Старший схватил со стойки бутылку кетчупа. Повар попятился. Нашарив огромную двузубую вилку, он остановился и приготовился к защите.

— Скоро в Денвере достроят огнестойкую посадочную площадку, и там будут садиться ракеты «Люфтганзы», — спокойно заметила Джулиана.

Никто из троих мужчин не пошевелился и не подал голоса. Посетители тоже помалкивали. Наконец повар произнес:

— Одну я видел на закате.

— Эта ракета летела не в Денвер, — сказала

Джулиана. — Она села на западном побережье.

Водители понемногу успокоились. Старший проворчал:

— Вечно забываю, что народ здесь малость желтоват.

— Япошки не губили евреев, ни в войну, ни после. И не строили печей.

— То–то и беда, что не строили, — буркнул старший водитель и принялся за еду.

«Мы желтоваты, — подумала Джулиана. — Он прав. Мы хорошо относимся к японцам. Наверное, потому, что их здесь нет».

— Где вы остановитесь на ночь? — спросила она у молодого водителя.

— Понятия не имею, — ответил тот. — Только что вылез из кабины. Мне у вас не нравится. Может, завалюсь спать в кузове.

— В мотеле «Медовая пчелка» вполне сносно, — проворчал хозяин.

— Ну что ж, — сказал молодой водитель, — может, там и заночую. Если мне не будут глаза колоть, что я итальянец. — Он говорил с явным акцентом, хотя и старался его скрывать.

«Тут виноват его максимализм, — думала Джулиана. — Поэтому он такой озлобленный. Слишком многого хочет от жизни. Вечно ему че-

го–то не хватает, вечно что–то не так. И я ему под стать. Не могла усидеть на западном побережье, наверное, и здесь не усижу. А разве прежде, во времена покорения Дикого Запада, люди были иными?

Но сейчас граница проходит не здесь, — мелькнула мысль, — а через другие планеты. И он, и я могли бы попроситься на корабль, который отвозит колонистов. Нет — нам бы отказали. Ему — из–за смуглой кожи, мне — из–за черных волос. Уж эти мне белокожие нордические феи из эсэсовских училищ в замках Баварии! Бедолага Джо, или как его там, так и глядит букой. Нет бы принять холодный и многозначительный вид, будто он нас всех и в грош не ставит и абсолютно уверен в себе. Да, у наци именно такие лица. Они не идеалисты, как я или Джо, они циники и фанатики. Это дефект мозга, как будто немецкие психиатры не только душевнобольным, а всему своему народу сделали лоботомию.

Их беды — из–за секса, — решила Джулиана. — Еще в тридцатые у них началось… Гитлер забавляется со своей… сестрой, кажется? Или теткой? Или племянницей? Да и его собственные родители были двоюродными братом и сестрой. Они не считают кровосмешение грехом, мно-

гие живут со своими матерями. Вот почему у отборных эсэсовских шлюх такие ангельские, жеманные улыбки. Они берегут себя для папочки. Или друг для дружки.

А кого они считают папочкой? Бормана, который, говорят, на ладан дышит? Или Доходягу? Ходят слухи, старина Адольф, разбитый параличом, доживает последние деньки в одном из санаториев Рейха. Сифилис мозга — память о нищей жизни венского люмпена… Черное долгополое пальто, грязное исподнее, ночлежки… Наверное, это месть злорадного Боженьки. Совсем как в немом кино. Злодея искупали в дерьме. Историческая кара за грехи.

И что самое жуткое — вся нынешняя Германия порождена этим сухоточным. Сначала он создал партию, потом — нацию, потом — государство на полпланеты. И не кто–нибудь, а сами нацисты выявили болезнь, поставили диагноз. Шарлатан–травник Морель, пользующий Гитлера патентованными „пилюлями доктора Кестера“, раньше лечил венериков. Об этом знает весь мир, и тем не менее любой бред рехнувшегося вождя считается откровением мудреца, страницей Священного Писания. Мало того, что идеи этого придурка заразили весь мир, их, как споры

зла, разносят по планетам белокурые арийские пчеломатки. Вот плоды кровосмешения: безумие, слепота, смерть. Брр!» — Джулиана вздрогнула.

— Чарли! — окликнула она хозяина. — Как там мой заказ?

Джулиане было очень одиноко. Она встала, подошла к стойке и уселась около кассы. Никто, кроме молодого итальянца, не обращал на нее внимания. А он прямо–таки глаз не сводил. «Его зовут Джо, — вспомнила она. — А фамилия?»

Вблизи Джулиана увидела, что он не так молод, как показалось вначале. Трудно было угадать возраст — мешала настороженность, с которой он держался, то и дело зачесывая волосы назад жесткими скрюченными пальцами. «В нем есть нечто зловещее, — решила она. — Дыхание смерти». Джулиану это одновременно тревожило и привлекало.

Старший водитель шепнул что–то на ухо итальянцу, и оба уставились на нее.

— Мисс, — произнес старший водитель, и оба напряглись. — Вам известно, что это такое? — Он показал небольшую плоскую коробочку.

— Да, — ответила Джулиана. — Нейлоновые чулки. Их выпускает только картель «ИГ Фарбен», в Нью–Йорке есть филиал. Очень дорогая вещь.

— Монополия — дело хорошее. Надо отдать немцам должное. — Старший водитель положил коробочку перед своим спутником, и тот локтем придвинул ее к Джулиане.

— У вас есть машина? — спросил Джо, прихлебывая кофе. Из кухни послышался голос Чарли — он нес заказ.

— Вы меня не подвезете, а? — Джулиану сверлили темные глаза, и ей стало не по себе. — В мотель или еще куда. Лишь бы переночевать. Подбросите?

— Да, — ответила она. — У меня есть машина. Старый «студебеккер».

Окинув взглядом Джулиану и молодого водителя, повар молча поставил перед ней тарелку.

— Achtung, meine Damen und Herren,[12] — произнес динамик в конце прохода.

Мистер Бэйнс вздрогнул и открыл глаза. Справа в иллюминаторе плыли зелено–коричневая земля и морская синь. Тихий океан. Он понял, что ракетоплан заходит на посадку. Сначала по–немецки, потом по–японски и, наконец, по–английски громкоговоритель попросил пассажиров не курить и не покидать кресел. «Мы

---

[12] Примечания: 12
Внимание, дамы и господа *(нем.).*

приземлимся через восемь минут», — пообещал металлический голос.

Корабль накренился и задрожал — включились тормозные дюзы. Многие пассажиры испуганно вцепились в подлокотники кресел. Бэйнс улыбнулся, вызвав ответную улыбку молодого человека с прилизанными светлыми волосами, сидевшего напротив через проход.

— Sie furchten dass…[13] — заговорил молодой человек, но Бэйнс перебил его по–английски:

— Простите, я не говорю по–немецки. — Поймав вопросительный взгляд попутчика, он повторил то же самое по–немецки.

— Вы не немец? — изумился блондин. Его английский звучал с резким акцентом.

— Я швед, — пояснил Бэйнс.

— Но ведь вы садились в Темпельхофе.

— Да, я был в Германии по делам. Мне приходится бывать в разных странах. Работа такая.

В глазах немца мелькнуло недоверие: как человек, занимающийся международным бизнесом, летающий ракетами «Люфтганзы», может не знать немецкого?

— А чем вы занимаетесь, мистер Бэйнс? — по-

---

[13] Примечания: 13
Они боятся, что… *(нем.)*.

интересовался он.

— Пластмассы. Резина. Я имею в виду промышленное сырье, а не готовые изделия. Понимаете?

— В Швеции делают пластмассы? — Вновь недоверие.

— Да, и превосходные. Если дадите адрес, я с удовольствием вышлю вам проспект нашей фирмы. — Бэйнс извлек авторучку и блокнот.

— Ну что вы! Не стоит раздаривать проспекты кому ни попадя. Я не коммерсант, а художник, Алекс Лотце. Не доводилось видеть мои картины? Они выставлялись на Континенте.

— К сожалению, я равнодушен к современной живописи, — сказал Бэйнс. — Мне нравятся довоенные кубисты и абстракционисты. Люблю, когда картина несет глубокий смысл, а не просто изображает натуру.

— Но ведь это — цель искусства, — возразил Лотце. — Примат духа над чувственным восприятием. Абстракционизм — искусство упадка, хаоса, он отражает процессы разложения общества, старой плутократии. Декадентов поддерживали еврейские капиталистические воротилы, опутавшие своими сетями весь мир. Те времена ушли, и живопись стала иной. Искусство не может стоять на месте.

Бэйнс кивнул, глядя в иллюминатор.

— Вам приходилось бывать в Тихоокеании? — спросил Лотце.

— Несколько раз.

— А я лечу впервые. В Сан–Франциско при содействии ведомства доктора Геббельса и японских властей открывается выставка моих работ, так сказать, культурный обмен в целях укрепления дружбы и взаимопонимания. Надо снижать напряженность между Востоком и Западом. А для этого нужно больше общаться, и искусство — один из важнейших факторов…

Бэйнс кивнул. Внизу, за огненным кольцом дюз, показались Сан–Франциско и Залив.

— А где в Сан–Франциско можно поесть? — спросил Лотце. — Для меня заказан номер в «Палас–Отеле», но, мне кажется, в национальных районах лучше кормят. В Чайнатауне, например.

— Да, — подтвердил Бэйнс.

— А цены там не кусаются? А то я почти на мели. У нас очень прижимистое министерство. — Лотце засмеялся.

— Смотря как обменять деньги. У вас, надо полагать, чеки Рейхсбанка? Рекомендую Токийский банк на Самсон–стрит.

— Danke sehr,[14] — поблагодарил Лотце. — А я собирался поменять их в гостинице.

Ракета неслась над самой землей. Бэйнс увидел взлетное поле, ангары, стоянки машин, здание аэровокзала, дома… «Красиво, — подумал он. — Горы и вода, и клочки тумана, уплывающие к Золотым Воротам».

— Что это? — спросил Лотце. — Что за огромное сооружение? Вон там, внизу. Космопорт? Я думал, у японцев нет космических ракет.

Улыбаясь, Бэйнс пояснил:

— Стадион «Золотой Мак». Бейсбольное поле.

— Ну да, они без ума от бейсбола, — усмехнулся Лотце. — А по мне, нет спорта скучнее и бессмысленнее. Взбрело кому–то в голову начать такой…

— Он уже достроен, — раздраженно перебил Бэйнс. — Его таким задумали, открытым с одной стороны. Новый архитектурный стиль. Горожане очень им гордятся.

— Такое впечатление, будто его проектировал еврей, — пробормотал Лотце, глядя вниз.

Бэйнс пристально посмотрел на него. На мгновение он отчетливо ощутил перекос в немецком мозгу. Психический сдвиг. Неужели Лотце дей-

---

[14] Примечания: 14
Большое спасибо *(нем.)*.

ствительно так считает? Или просто брякнул первое, что пришло на ум?

— Надеюсь, мы с вами еще встретимся в Сан–Франциско, — сказал Лотце, когда ракета коснулась земли. — Плохо, если рядом нет соотечественника, не с кем поболтать.

— Мы с вами вовсе не соотечественники, — возразил Бэйнс.

— Вы правы. Но в расовом отношении мы очень близки. Да и цели наши и намерения совпадают. — Лотце заерзал в кресле, расстегивая привязные ремни.

«И это с ним я близок в расовом отношении?! — с ужасом подумал Бэйнс. — Это с его целями совпадают мои цели? Тогда и у меня психический сдвиг. Мы живем в душевнобольном мире, где у власти — безумцы. Сколько лет это продолжается? Сколько лет мы сопротивляемся? И главное — сколько нас, понимающих? Не таких, как Лотце? Может быть, если ты знаешь о своем безумии, ты не сумасшедший? Или начинаешь выздоравливать? Пробуждаться? Наверное, нас очень мало. Мы — одиночки, разбросанные по свету. Но массы… что думают они? Сотни тысяч жителей этого города? Может быть, они считают, что живут в правильном мире? Или все–таки

сомневаются, хотя бы самую малость?.. Но что значит — безумие? Какой смысл я вкладываю в это слово? Где граница?.. Безумие в их природе. В умственной ограниченности. В незнании тех, кто их окружает, в равнодушии, с которым они несут гибель другим. Нет, не то. Я чувствую. Интуитивно. Целенаправленная жестокость… Нет. Боже, помоги, в одиночку мне не докопаться до сути! Пренебрежение истиной? Да. Но не только это. Безумие в замыслах. Да, в замыслах! Покорение планет. Такое же бессмысленное и жестокое, как покорение Африки, а еще раньше — Европы и Азии.

Они мыслят космическими категориями и никак иначе. Слова человек, ребенок — пустой звук. Только абстракции; раса, страна, Volk, Land, Blut, Ehre.[15] Нет честных личностей, есть только сама Ehre — честь. Абстракция для них реальное, действительность — невидима. Die Gute, доброта, а не добрые люди, добрый человек. Для них не существует „здесь“ и „сейчас“ — их глаза устремлены сквозь пространство и время, в лежащую впереди бездну. И это — конец мира. Потому что мало–помалу они изведут все живое. Были ведь

[15] Примечания: 15
Народ, страна, кровь, честь *(нем.)*.

когда–то частицы космической пыли, раскаленные ядра водорода — и ничего больше. Теперь все вернется на круги своя. „Сейчас“ — это миг между началом и концом, ein Augenblick.[16]

Процесс распада ускоряется, жизнь возвращается к граниту и метану. Жернова не остановить. А они, эти безумцы, спешат обратить нас в камень и пыль. Хотят помочь Natur.[17] Я знаю почему, — подумал Бэйнс. — Им хочется быть не жертвами, а движущей силой природы. Они приравнивают свое могущество к божьему, считают себя подобными Богу. Вот она, суть безумия. Все они одержимы одной идеей. У каждого настолько возросло самомнение, что ему и в голову не придет считать себя иначе как божеством. Это не гордыня и не высокомерие — это раздувание собственного „я“ до такой степени, когда исчезает разница между поклоняющимся и предметом поклонения. Не человек съеден Богом, а Бог съеден человеком. Чего они не могут уразуметь, так это своей ничтожности. Но что в этом плохого? Разве так — не лучше? Кого боги отмечают, того призывают к себе. Будь незаметен — и минует

---

[16] Примечания: 16
Мгновение *(нем.).*

[17] Примечания: 17
Природа *(нем.).*

тебя злоба сильных мира сего».

Расстегивая ремень, Бэйнс произнес:

— Мистер Лотце, я никому еще этого не говорил, но вам скажу. Я еврей. Вы поняли?

Лотце ошалело взглянул на него.

— Самому бы вам не догадаться, ведь я ничуть не похож на еврея. Я изменил форму носа и черепа, уменьшил поры, осветлил кожу. Иными словами, избавился от внешних признаков. Даже стал вхож в круги Рейха. Никто не подозревает, что я еврей. И… — сделав паузу, он придвинулся к Лотце вплотную и зашептал: — И я не один. Есть другие. Слышите? Мы не погибли. Мы существуем. Живем невидимками.

— Служба безопасности… — выдавил Лотце, но Бэйнс его перебил:

— Пожалуйста, сообщите — СД проверит мое досье. Но учтите: у меня есть могущественные покровители. Некоторые из них арийцы, другие — евреи, занимающие высокие посты в Берлине. Ваш донос оставят без внимания. А вскоре я сам донесу на вас. И вы окажетесь в камере предварительного заключения. — Он улыбнулся, кивнул и двинулся по проходу вместе с другими пассажирами.

Они спустились по трапу на продуваемое вет-

ром поле. Внизу Бэйнс случайно оказался рядом с Лотце.

— Знаете, мистер Лотце, — произнес он, взяв художника под локоть, — вы мне не понравились. Думаю, что я в любом случае донесу на вас. — Он отпустил руку блондина и ускорил шаг.

На краю поля, у дверей вокзала, толпились встречающие. Ищущие глаза, радостные улыбки, машущие руки. Впереди стоял коренастый японец средних лет в добротном пальто английского покроя, остроносых полуботинках и котелке, рядом — японец помоложе. На пальто коренастого блестел значок Тихоокеанского Торгпредства Имперского правительства. «Мистер Тагоми собственной персоной, — подумал Бэйнс. — Приехал меня встречать».

Шагнув вперед, японец громко произнес:

— Герр Бэйнс? Добрый вечер! — и выжидающе вскинул голову.

— Добрый вечер, мистер Тагоми. — Бэйнс протянул руку. Рукопожатия, поклоны. Молодой японец тоже поклонился, приветливо улыбаясь.

— Прохладно на открытом поле, сэр, — сказал Тагоми. — Мы предлагаем воспользоваться вертолетом. Не возражаете, сэр? Или вам необходимо уладить какие–нибудь дела? — Он вопроситель-

но заглянул в глаза Бэйнсу.

— Готов лететь сию секунду, — сказал Бэйнс. — Хотя надо бы зарегистрироваться в гостинице. И багаж…

— Мистер Котомичи обо всем позаботится, — заверил Тагоми. — Багаж выдадут через час, не раньше. Ждать дольше, чем вы летели.

Котомичи улыбнулся и кивнул.

— Прекрасно, — сказал Бэйнс.

— Сэр, у меня для вас подарок, — заявил Тагоми.

— Простите?

— Чтобы у вас сложилось благоприятное впечатление о нашем представительстве… — Он сунул руку в карман пальто и достал маленькую коробку. — Из лучших objects d'art[18] Америки. — И протянул коробочку Бэйнсу. — Наши сотрудники весь день ломали голову, что бы вам подарить. Решили остановиться на этом подлиннике угасающей североамериканской культуры, сохранившем аромат далеких, счастливых дней.

Бэйнс открыл коробочку. В ней на черном бархате лежали наручные часы «Микки–Маус».

Неужто Тагоми захотелось пошутить? Бэйнс

---

[18] Примечания: 18
произведений искусства *(фр.).*

поднял глаза и увидел серьезное, озабоченное лицо японца. Нет, это не шутка.

— Большое спасибо, — поблагодарил Бэйнс. — Действительно, прекрасная вещь.

— Во всем мире не наберется и десятка настоящих часов «Микки–Маус» выпуска тридцать восьмого года, — произнес Тагоми, внимательно наблюдая за лицом Бэйнса. — Их нет в коллекции ни у одного из моих знакомых.

Они вошли в здание вокзала и стали подниматься по лестнице. Следовавший позади Котомичи произнес:

— Харусаме ни нурецуцу яне но темари кана…

— Что это? — спросил Бэйнс у Тагоми.

— Старинное стихотворение, — пояснил Тагоми. — Хайку[19] середины эпохи Токугава. «Идет весенний дождь, и на крыше мокнет детский мячик».

---

[19] Примечания: 19

Хайку — трехстишие, одна из форм японского стихосложения.

Глава 4

Уиндэм–Мэтсон проковылял по коридору и скрылся в цехе «Корпорации У–М». Провожая его взглядом, Фрэнк подумал, что его бывший хозяин вовсе не похож на капиталиста. Легче принять его за бродягу, горького пьяницу, которого вымыли, побрили, причесали, одели с иголочки, накачали витаминами, дали пять долларов и велели начать жизнь сызнова. Хозяин всегда прибеднялся, ловчил, суетился, заикался перед каждым встречным и даже старался ублажить, будто видел в нем возможного врага. Манерой держаться он как бы говорил: «Все норовят меня, бедолагу, обидеть».

На самом деле старина У–М был куда солиднее, чем казался с виду. Он контролировал несколько предприятий, играл на бирже, приторговывал недвижимостью.

Фрэнк двинулся за ним следом, отворил большую металлическую дверь и шагнул навстречу грохоту машин, ставшему привычным за многие годы; его окружали люди и механизмы, сверкала электросварка, в воздухе висела пыль. Фрэнк

ускорил шаг, догоняя бывшего хозяина.

— Эй, мистер У–Эм! — позвал он.

Уиндэм–Мэтсон остановился возле человека с волосатыми руками; его звали Эд Маккарти, он был мастером цеха. Оба повернулись к Фрэнку.

— Прости, Фрэнк, — произнес Уиндэм–Мэтсон, нервно облизывая губы. — Мне и в голову не приходило, что ты можешь вернуться после всего, что наговорил. Но теперь ничего не поделаешь — твое место занято.

Его черные глаза так и бегали. «Это наследственное, — подумал Фрэнк. — Изворотливость у него в крови».

— Я пришел за инструментами, — произнес Фрэнк, с удовольствием слушая свой уверенный голос. — Больше мне ничего не нужно.

— Ну что ж, забирай, — промямлил Уиндэм–Мэтсон с сожалением. Видимо, он еще не думал о возможности прибрать к рукам инструменты Фрэнка. И — к Маккарти: — Кажется, это по твоей части, Эд? Разберись с Фрэнком, ладно? У меня дел по горло. — Он глянул на карманные часы. — Слушай, Эд, мы с тобой обсудим наши дела после. Мне надо бежать. — Он похлопал Маккарти по плечу и, не оглядываясь, затрусил прочь.

Эд Маккарти и Фрэнк остались вдвоем.

— Захотел вернуться? — помолчав, спросил Маккарти.

— Да, — ответил Фрэнк.

— Ты молодец. Здорово вчера выдал.

— Молодец–то молодец, — пробормотал Фрэнк, — но где еще найдешь такую работу? — Он чувствовал себя разбитым и беспомощным. — Ты–то меня понимаешь.

Они часто делились друг с другом заботами.

— Чепуха, ты отличный мастер. За станком тебе нет равных. Я видел, как ты за пять минут сработал деталь да еще успел очистить от заусенцев. Правда, что касается сварки…

— Я и не говорил, что хорошо варю, — перебил Фрэнк.

— Тебе не приходило в голову начать собственное дело?

— Ты о чем? — удивился Фрэнк.

— О ювелирных изделиях.

— О Господи!

— Оригинальные украшения. Не на продажу. На заказ. — Маккарти отвел его за угол — там было не так шумно. — Тысчонки за две можно снять под мастерскую небольшой подвал или гараж. Я тут как–то рисовал эскизы женских сережек и подвесок. Помнишь? Настоящий модерн. — Он

взял клочок бумаги и стал рисовать — медленно, сосредоточенно.

Заглянув Эду через плечо, Фрэнк увидел эскиз браслета. Он давно не встречал ничего подобного. Только довоенные вещи. Но все они — даже старинные — были стандартными. Никаких абстрактных узоров, как на этом браслете.

— Кому нужно современное искусство?

— Создадим рынок, — нахмурился Маккарти.

— Сами, что ли, будем продавать?

— Нет, через магазины. Вроде той роскошной лавки на Монтгомери–стрит.

— «Художественные промыслы Америки», — припомнил Фрэнк. Он никогда не посещал такие шикарные магазины, да и мало кто из американцев заходил туда: выставленные там вещи были по карману только японцам.

— А тебе известно, чем торгуют в таких магазинах? — осведомился Маккарти. — И на чем наживаются? На дурацких серебряных нашлепках от индейских поясов из Нью–Мексико. На всякой дряни вроде осколков тарелок — якобы туземном искусстве.

Фрэнк долго не сводил глаз с Маккарти. Наконец произнес:

— Мне известно, что еще они продают. И тебе

тоже.

— Да, — подтвердил Маккарти.

К тому, чем торговали в магазинах редкостей, они имели самое непосредственное отношение. И не первый год. Официально «Корпорация У–М» специализировалась на выпуске кованых перил для лестниц и балконов, решеток для очагов и оград для новых фешенебельных домов. Изделия выпускались крупными партиями по типовым чертежам, например сорок каминных решеток для сорокаквартирного дома. Но «Корпорация У–М» производила не только перила — основные прибыли приносила деятельность иного рода.

Используя большой арсенал инструментов, станков и материалов, корпорация подделывала предметы довоенной Америки в широком ассортименте. Эти подделки, разбавленные подлинными вещами, очень осторожно и расчетливо поставлялись на оптовый рынок предметов искусства, и невозможно было подсчитать, сколько фальшивок ходит по свету. Да никто и не пытался.

Вчера, уходя с работы, Фрэнк оставил на верстаке наполовину сработанный револьвер эпохи покорения Дикого Запада. Он сам готовил форму и отливки, оставалось отшлифовать детали. Для

стрелкового оружия времен Гражданской войны и Фронтира[20] рынок был неограничен; все, что мастерил Фрэнк, «Корпорация У–М» сбывала без всяких хлопот.

Фрэнк неторопливо приблизился к верстаку, взял шкурку и доделал шомпол. Еще три дня, и револьвер был бы готов. «Да, — подумал он, — я потерял хорошую работу. Только эксперт сможет отличить… Но японские коллекционеры — профаны, они даже не задумываются над необходимостью устанавливать подлинность так называемых исторических произведений искусства, которыми торгуют на западном побережье. Когда–нибудь, возможно, задумаются… и тогда рынок лопнет как мыльный пузырь, даже подлинники никто не рискнет покупать. Таков закон Грэшэма: подделки снижают ценность оригиналов. Может быть, поэтому никто и не пытается установить их подлинность. Боятся правды. А так вроде все довольны.

Разбросанные по стране предприятия выпускают продукцию, оптовики продают изделия хозяевам магазинов, а те рекламируют и выкладывают на прилавки. Коллекционеры платят

[20] Примечания: 20

Фронтир — в прошлом веке, во время покорения Дикого Запада — граница отвоеванных у индейцев территорий.

денежки и, довольные, увозят покупки домой — восхищать коллег, друзей, любовниц.

До поры до времени подделки будут в цене. Потом придет час расплаты. Тогда и фабриканты, и оптовики, и владельцы магазинов вылетят в трубу. Пока об этом все помалкивают, особенно те, кто зарабатывает на жизнь подделками. Они просто стараются не думать об этом, сосредоточившись на технических проблемах».

— Ты давно не пробовал сделать что–нибудь свое? — спросил Маккарти.

— Несколько лет. Зато я здорово научился копировать…

— Знаешь, о чем я думаю? Наверное, ты заразился нацистской идеей, будто евреи не способны творить, а могут только копировать и продавать.

— Может, так оно и есть, — буркнул Фрэнк.

— А ты попробуй. Придумай что–нибудь. Или сразу, без эскизов, поработай по металлу. Поиграй — как дети играют.

— Зачем? — спросил Фрэнк.

— Веры в тебе нет, — вздохнул Маккарти. — Ты полностью утратил веру в себя, точно? Ну и зря. Я–то знаю, на что ты способен.

«Зря, — подумал про себя Фрэнк. — Правда, во мне нет ни веры, ни энтузиазма. И взяться им

неоткуда. Этот Маккарти — отменный мастер. Ему не откажешь в умении завести работягу, заставить его выложиться. Прирожденный руководитель — чуть не вдохновил меня. И все испортил, отойдя раньше времени. Жаль, нет со мной Оракула. Я бы спросил у него совета, зачерпнул из источника пятитысячелетней мудрости». — Фрэнк вспомнил, что видел «Ицзин» в вестибюле управления «Корпорации У–М». Туда он и направился.

Он уселся в кресло из металла и пластика, написал на оборотной стороне конверта: «Стоит ли заняться творческим ремеслом, как мне предложили?» — и стал подбрасывать три монетки.

Вначале выпала девятка, затем еще две. Он получил нижнюю триграмму. Цинь. «Творчество». Хороший знак. Четвертая черта — «шестерка», инь. Пятая — тоже инь.

«О Господи! — мысленно воскликнул Фрэнк. — Еще одна теневая черта, и я получу гексаграмму одиннадцать. Тай — „Расцвет“! Очень благоприятное пророчество. Или… — его руки дрожали, когда он тряс монеты, — если выпадет ян, получится гексаграмма двадцать шесть, Да–чу — „Воспитание великим“. Обе гексаграммы благоприятны».

Он кинул монетки.

Инь. Все–таки «Расцвет».

Открыв книгу, он прочел:

«Расцвет.

Малое уходит, великое приходит.

Счастье. Развитие».

Итак, надо принять предложение Эда Маккарти, открыть свое маленькое дело. Беспокоила только верхняя «шестерка». Фрэнк перевернул страницу. Какой там текст? Он не мог вспомнить. Вероятно, ничего неблагоприятного, ведь комментарий ко всей гексаграмме был таким обнадеживающим: «Союз неба и земли» — но последняя черта символизирует переразвитие ситуации, выход из нее, поэтому «шестерка» наверху…

Глаза нашли строки, поразившие его подобно вспышке молнии:

«Городская стена падает в ров.

Не применяй войско.

В своем городе изъявляй свою волю.

Стойкость — к сожалению».

…И — толкование:

«Силы тьмы, упомянутые в середине гексаграммы, начинают действовать. Городская стена падает в ров, из которого была подкопана. Роко-

вой час близок…»

Без сомнения, это было одно из самых мрачных толкований из более чем трех тысяч, содержавшихся в книге. И тем не менее пророчество ко всей гексаграмме было благоприятным.

Как быть? Прежде не бывало, чтобы Оракул пророчил ему беду и счастье одновременно. «Ни дать ни взять ложка дегтя в бочке меда, — подумал Фрэнк. — Видать, советует и дело делать, и не забывать о злом роке. Черт! — мысленно выругался он. — Не могут беда и удача ходить рука об руку. Либо одно, либо другое. Или… могут?

Ювелирное дело принесет богатство — никак иначе это пророчество не истолковать. Но вот чертова шестая строка — в ней кроется глубокий смысл, она предупреждает о катастрофе, возможно, даже не связанной с ювелирным делом. В любом случае беды не избежать…

Война! — решил Фрэнк. — Третья мировая! Два миллиарда трупов, цивилизация стерта с лица Земли. Водородные бомбы сыплются градом.

Силы небесные! — подумал он. — Почему? Из–за меня она начнется, что ли? Или кто–нибудь другой заварит кашу? Или — все мы? Всему виной физики с их теорией синхронности, по которой каждая частица связана со всеми остальными, —

нельзя даже пукнуть, не изменив равновесия Вселенной. Жизнь превращается в анекдот, над которым некому будет посмеяться. Я открываю книгу и получаю прогноз событий, о которых даже Господь Бог хотел бы забыть. А кто я? Далеко не тот человек, которому стоит адресовать такое пророчество. Это точно.

Надо забрать инструменты, оборудовать мастерскую и начать свое дельце, как будто Оракул и не сулил никаких бед. И — работать. Творить, ничего не бояться. До самого конца. Жить на всю катушку, пока мир не сгорит синим пламенем. Пока все мы не погибнем, все человечество. Вот что советовал Оракул. Все мы рано или поздно окажемся в юдоли печали, но до тех пор мои руки и моя голова не должны пребывать в праздности.

Комментарий касается только меня, моей работы. А последняя черта — нас всех.

Я слишком ничтожен, — подумал он. — Могу лишь почесать в затылке и заняться своими делами. Не бежать же на улицу, крича во всю глотку, чтобы привлечь внимание прохожих.

А есть ли на Земле кто–нибудь, способный изменить ход событий? Некто великий?.. Если мы, все вместе… Или в решающий момент среди

тех, от кого все зависит, окажется наш человек, заранее внедренный… В общем, остается уповать на случай. Лишь от него зависит жизнь — моя и всей планеты».

Фрэнк закрыл книгу и вернулся в цех. Заметив Маккарти, кивком указал ему на укромный уголок.

— Я поразмыслил над твоей идеей, и она мне понравилась.

— Вот и отлично, — улыбнулся Маккарти. — А теперь слушай. Надо заставить Уиндэма–Мэтсона рассчитаться сполна. — Он медленно опустил веко — подмигнул. Это выглядело довольно жутко. — Я тут прикинул… В общем, решил уволиться и составить тебе компанию. Вот, погляди на эскизы. Чем плохи?

— Хороши, — подтвердил Фрэнк, несколько сбитый с толку.

— Заходи вечерком ко мне, часам к семи, — предложил Маккарти. — Джин приготовит ужин.

— Договорились, — сказал Фрэнк.

Маккарти хлопнул его по плечу и отошел.

«За какие–то десять минут я проделал большой путь. Как быстро это случилось, — размышлял Фрэнк, собирая с верстака свои инструменты. —

Видимо, так и происходят крутые повороты в жизни.

Стечение обстоятельств, и… А ведь я ждал этой минуты всю жизнь… Оракул сказал: „Поход к счастью“, и это для меня основное. Время больших свершений. Пришло ли оно? Пришел ли нужный момент? Верхняя „шестерка“ — единственное отличие одиннадцатой гексаграммы от двадцать шестой, „Воспитание великим“. Инь становится яном, и возникает другая ситуация. А я даже не почувствовал перемены!»

Но, несмотря на волнение и душевный подъем, Фрэнк не мог выбросить из головы роковую черту.

«Хотя пытаюсь изо всех сил, — с горькой иронией отметил он. — Глядишь, к ужину начисто о ней позабуду. Что ж, будем надеяться. Потому что работать с Эдом на паях — это здорово. А идея заняться ювелирным делом — просто „золотая“. Овчинка стоит выделки. Нет, я не откажусь от собственного счастья. Сейчас я — ноль, но если встану на ноги, может быть, сумею вернуть Джулиану. Ведь я знаю, что ей нужно — быть женой не какого–нибудь мешуги,[21] а влиятельной

---

[21] Примечания: 21
Псих, чудак, придурок *(идиш).*

персоны. Мужчина должен быть мужчиной. Во всяком случае, в старину было так. До войны. Сейчас она, наверное, мечется с места на место, от мужика к мужику. Ищет незнамо чего. Но я–то знаю, и, когда мы с Эдом раскочегарим наше предприятие, она получит то, что ей нужно».

Собираясь позавтракать, Роберт Чилдэн запер дверь «Художественных промыслов Америки». Как всегда, он зашел в кафетерий напротив. Обычно на завтрак уходило около получаса, но на этот раз Чилдэн уложился в двадцать минут. По возвращении из Торгпредства он сказал себе: пора менять политику. Никаких доставок клиенту. Все сделки — в магазине.

Подумать только, битых два часа он провел в кабинете Тагоми! А на все про все ушло целых четыре часа! Когда он вернулся, открывать магазин было уже поздно. За весь день удалось продать только часы «Микки–Маус». Конечно, он не остался внакладе, но…

Чилдэн отворил дверь и прошел в подсобку — повесить пальто. Возвратясь в зал, обнаружил, что его ждет посетитель. Белый.

«Ого, — подумал Чилдэн. — Вот это сюрприз!»

— Добрый день, сэр, — с легким поклоном поздоровался Чилдэн. «„Буратино“, навер-

ное», — мелькнула мысль. Он окинул посетителя внимательным взглядом: худощавый, смуглый, довольно элегантно одет. Но держится натянуто, даже слегка вспотел от волнения.

— Добрый день, — пробормотал посетитель, разглядывая витрины. Он подошел к прилавку, достал небольшой бумажник из лакированной кожи и вытащил из него красивую, в цветных разводах карточку–удостоверение. На карточке были герб Империи и эмблема ВМФ. «Адмирал Харуша». Роберт Чилдэн с уважением вернул карточку.

— Корабль адмирала стоит в гавани Сан–Франциско, — пояснил посетитель. — Авианосец «Сёкаку».

— Вот как? — промямлил Чилдэн.

— Адмирал Харуша впервые на западном побережье, — продолжал смуглый человек. — Одна из целей его визита — посетить ваш знаменитый магазин. На Родных островах наслышаны о «Художественных промыслах Америки».

Чилдэн вновь поклонился.

— К сожалению, — продолжал гость, — обстоятельства сложились так, что адмирал не нашел времени для личного визита и направил в ваш магазин меня, своего поверенного.

— Адмирал — коллекционер? — спросил Чилдэн, лихорадочно обдумывая слова посетителя.

— Скорее — поклонник искусства, знаток и ценитель, но не коллекционер. Вещи, которые он хотел бы у вас приобрести, будут подарены офицерам флагмана. Адмирал решил вручить каждому офицеру ценный раритет времен Гражданской войны — оружие для ношения на поясе. — Сделав паузу, посетитель добавил: — Двенадцати офицерам, сэр.

«Двенадцать револьверов времен Гражданской войны, — подумал Чилдэн. — Дорогое удовольствие. Почти десять тысяч долларов!»

— Всем известно, что вы торгуете бесценными предметами американской старины, — продолжал смуглый человек, — исчезающими, как это ни прискорбно, слишком быстро.

Тщательно подбирая слова (ни в коем случае не допустить оплошности, не отпугнуть покупателя!), Чилдэн произнес:

— Да, вы правы. Во всех ТША не найти такого выбора оружия времен Гражданской войны, как в нашем магазине. Счастлив услужить адмиралу Харуше. Если угодно, я мог бы доставить отменную коллекцию прямо на борт «Сёкаку».

— Я бы хотел посмотреть здесь, — сказал по-

сетитель.

Чилдэн быстро прикинул в уме. У него не было двенадцати револьверов. От силы три. Но, если повезет, он соберет дюжину за неделю. В крайнем случае закажет на Востоке, оплатив пересылку авиапочтой. Обзвонит местных оптовиков.

— Вы разбираетесь в подобном оружии, сэр? — спросил Чилдэн.

— Более или менее, — ответил посетитель. — Я собрал небольшую коллекцию пистолетов и револьверов. Есть даже крошечный револьвер в форме костяшки домино, выпущенный этак году в сороковом прошлого века.

— Прелестная вещица, — кивнул Чилдэн и направился к сейфу.

Вернувшись с револьвером, он увидел, что посетитель заполняет чек.

— Адмирал хотел бы оставить задаток, — сказал «буратино». — Пятнадцать тысяч тихоокеанских долларов.

Перед глазами Чилдэна закружилась комната, но он сумел ответить спокойно, даже с оттенком скуки:

— Как угодно. В этом нет особой необходимости. Так, простая формальность. — Положив на прилавок футляр из фетра и кожи, Чилдэн добавил:

— Вот, рекомендую. Превосходный кольт сорок четвертого калибра. Тысяча восемьсот шестидесятый год. — Он открыл футляр. — Черный порох и пули. Эти револьверы были на вооружении в армии США. С ними парни в синем ходили во второй поход на Ситтинг Булла.[22]

Посетитель долго рассматривал кольт. Затем, подняв глаза, холодно произнес:

— Сэр, это подделка.

— Что? — не понял Чилдэн.

— Сэр, вы предлагаете подделку. Этой вещи нет и шести месяцев. Весьма прискорбно. Вот, поглядите — дерево подвергалось искусственному старению, обрабатывалось едким химическим веществом.

Он положил револьвер на прилавок. Чилдэн схватил кольт и принялся вертеть в руках. Наконец хрипло произнес:

— Этого не может быть!

— Имитация редкого старинного револьвера. Уверен. Боюсь, вас обманули, сэр. Какой–нибудь мошенник. Советую заявить в полицию Сан–Франциско. — Посетитель поклонился. — Весьма

---

[22] Примечания: 22

Ситтинг Булл — Сидящий Бизон, Татанка Йотанка — легендарный вождь племени сиу. Долгое время оказывал успешное сопротивление американским колонизаторам.

сожалею, возможно, среди ваших товаров есть и другие копии. Неужели вы, сэр, владелец магазина, в своем роде специалист , не способны отличить подделку от подлинника?

Наступила тишина.

Гость взял с прилавка чек, убрал в карман вместе с авторучкой и поклонился.

— Мне жаль, сэр, однако я не могу иметь дела с «Художественными промыслами Америки». Адмирал Харуша будет огорчен. Но войдите в мое положение.

Чилдэн стоял, опустив голову, не сводя глаз с револьвера.

— Всего хорошего, сэр, — сказал посетитель. — Последуйте моему совету, отдайте ваш товар экспертам. Ваша репутация… Надеюсь, вы понимаете.

— Сэр, пожалуйста… — забормотал Чилдэн. — Не могли бы вы…

— Не волнуйтесь, сэр. Никто не узнает. Адмиралу я скажу, что ваш магазин был закрыт. В конце концов… — Он помолчал, остановившись в дверях. — В конце концов мы с вами — белые. — Еще раз поклонившись, посетитель ушел.

Чилдэн остался у прилавка с револьвером в руке.

«Этого не может быть, — подумал он. — Но это случилось. Господи Боже! Я погиб. Упустил пятнадцать тысяч долларов. И потерял репутацию, а это куда хуже. Если этот человек, доверенное лицо адмирала Харуши, проболтается… Я разорен! — решил он. — Покончу с собой.

Но, может быть, посетитель ошибся? Или солгал? Возможно, он подослан хозяином „Предметов истории Соединенных Штатов“, чтобы погубить меня. Кем–нибудь из конкурентов.

Револьвер настоящий. Наверняка. А как узнать? — Чилдэн лихорадочно соображал. — Ага! Отправлю его на анализ в лабораторию пенологического факультета Калифорнийского университета. У меня там знакомые. Во всяком случае, были. Один раз приходилось к ним обращаться, когда я усомнился в подлинности старинного ружья».

Он торопливо набрал номер городского транспортного агентства и попросил немедленно прислать курьера. Затем упаковал револьвер и написал записку, в которой просил сотрудников лаборатории срочно установить возраст револьвера и сообщить результат по телефону. Потом отдал пакет и записку подошедшему посыльному. Курьер ушел, а Чилдэн принялся расхаживать

по магазину.

В три часа позвонили из лаборатории.

— Мистер Чилдэн, вы хотели узнать, является ли подлинным кольт сорок четвертого калибра армейского образца тысяча восемьсот шестидесятого года. — Пауза, во время которой Чилдэн едва не раздавил трубку. — Сообщаю лабораторное заключение. Все детали, кроме ореховых щечек, изготовлены с помощью пластмассовых форм. Номера подделаны. Сталь не сцементирована цианидом. Бурый и синий цвета получены в результате скоростной обработки по современной технологии, револьвер подвергался искусственному старению с применением химических и механических средств.

— Человек, который мне его предложил… — хрипло произнес Чилдэн.

— Его обвели вокруг пальца, так ему и скажите, — посоветовал эксперт. — Причем ловко обвели. Отличная работа. Профессиональная. Вы знаете, настоящие кольты со временем приобретали синеватый оттенок. А детали этого револьвера завернули в полоски кожи и нагрели с газом CN в запаянной коробке. Это очень сложный процесс, нужна хорошо оборудованная мастерская. Мы изучили частицы веществ,

применявшихся для шлифовки, — прежде мы не слышали, чтобы кто–то ими пользовался для таких целей. Не можем ничего утверждать, но все говорит о том, что выпуск подделок поставлен на промышленную основу.

— Нет! — воскликнул Чилдэн. — Это всего лишь слухи. Можете мне поверить, сэр. Кому знать об этом, как не мне? — Он окончательно потерял самообладание. — Почему я отправил к вам револьвер, как вы думаете? Я много лет торгую подобными вещами и сразу же заподозрил неладное. Такие подделки очень редки. Похоже, что кто–то шалит. Какой–нибудь шутник. — Тяжело дыша, он попрощался: — Благодарю вас. Вы подтвердили мою догадку. Пришлите счет. До свидания!

Чилдэн бросил трубку и уселся просматривать товарные ведомости. Надо выяснить, откуда у него этот фальшивый револьвер.

У кого куплен.

Вскоре он установил, что револьвер продал крупнейший в Сан–Франциско оптовик, владелец «Ассоциации Рэя Калвина» на Ван–Несс. Чилдэн немедленно набрал номер.

— Мне мистера Калвина, — попросил он. Теперь его голос звучал твердо.

Он услышал хриплый, недовольный баритон.

— Да.

— Это Боб Чилдэн — «ХПА инк.», на Монтгомери. Рэй, у меня к вам деликатная просьба. Надо поговорить с глазу на глаз, лучше всего сегодня, у вас в конторе. Уверяю, это очень важно. — Чилдэн вдруг понял, что кричит в трубку.

— Ладно, — буркнул Рэй Калвин.

— И никому не говорите. Это должно остаться между нами.

— В четыре устроит?

— Хорошо, в четыре, — согласился Чилдэн. — У вас в конторе. Всего доброго. — Он яростно хлопнул по столу книгой учета, уронив телефон на пол. Затем опустился на колени и поставил аппарат на место.

Выходить нужно было через полчаса. В ожидании он нервно расхаживал по магазину и грыз ногти. Что делать? Идея! Чилдэн позвонил на Маркет–стрит в филиал «Токио Геральд».

— Будьте добры, — произнес он, — скажите, находится ли в порту авианосец «Сёкаку», а если да, сколько времени? Буду очень благодарен вашей уважаемой газете за эту информацию.

Тоскливое ожидание. Девичий голос:

— Как утверждает наша справочная служба,

авианосец «Сёкаку» находится на дне Филиппинского моря. — Девушка хихикнула. — Он потоплен американской подлодкой в сорок пятом. Чем еще мы могли бы вам помочь, сэр? — Похоже, в редакции его приняли за шутника.

Он положил трубку. «Стало быть, „Сёкаку“ семнадцать лет лежит на дне морском, как и адмирал Харуша,[23] надо полагать. А его „доверенное лицо“ — просто жулик. И все же… этот тип оказался прав. Кольт сорок четвертого калибра — подделка. Ничего не понимаю! Может, он торговец? Решил расчистить рынок стрелкового оружия времен Гражданской войны? Но если так, то он не просто торговец. Эксперт. Как быстро он распознал подделку! Таких умников немного найдется. А может, и вообще не найдется. Бояться нечего. Тайна не раскроется. Так что, плюнуть на это дело?»

Чилдэн задумался.

«Нет. Нужно выяснить все до конца. Но прежде всего надо заставить Рэя Калвина возместить убытки. И еще раз обратиться в университетскую лабораторию. Пусть проверят весь товар.

---

[23] Примечания: 23

В нашем мире «Сёкаку» потоплен 16 июня 1944 года американской подлодкой «Кэвэлла». Авианосцем в то время командовал контр–адмирал Хара.

Но… вдруг они установят, что я торгую одними подделками?

М–да… Проблема.

Остается одно, — мрачно подумал он, — идти к Рэю Калвину. Взять за грудки. Вытрясти всю правду. Может, он тут ни при чем. А может, наоборот. Не важно. Сказать ему: „Еще одна подделка, и я у вас больше ничего не куплю!“

Пусть он несет убытки, — сказал себе Чилдэн. — Он, а не я. Если станет ерепениться, я обойду все магазины и погублю его репутацию. Почему я должен быть козлом отпущения? Пускай те, кто заварил кашу, сами ее и расхлебывают. Но действовать нужно очень осторожно. И ни слова посторонним».

Глава 5

Телефонный звонок Рэя Калвина озадачил Уиндэма–Мэтсона. Он ничего толком не понял — отчасти из–за сбивчивой речи Калвина, отчасти потому, что тот позвонил в полдвенадцатого ночи, когда Уиндэм–Мэтсон развлекался с дамой в своем номере отеля «Муромачи».

— Вот что, дружище, — сказал Калвин, — мы возвращаем вам последнюю партию товара. Вернули бы и остальную дрянь, если бы уже за нее не заплатили.

Естественно, Уиндэму–Мэтсону захотелось узнать, в чем дело.

— В том, что весь ваш товар — дерьмо. Сплошная туфта.

Уиндэм–Мэтсон оторопел.

— Но ведь вы знали, Рэй, вы всегда были в курсе! — Он оглянулся. Женщины поблизости не было, наверное, ушла в спальню.

— Да, я знал, что вы штампуете подделки, — сказал Калвин. — Но речь о другом. О паршивом качестве вашего товара. Мне наплевать, стреляли из револьвера, который вы мне продаете,

в Гражданскую войну или нет. Для меня важно, чтобы ни у кого не возникало сомнений, что это кольт сорок четвертого калибра, такой–то номер по каталогу. Чтобы комар носу не подточил. Вы знаете Роберта Чилдэна?

— Да. — Фамилия была знакомой, хотя в эту минуту Уиндэм–Мэтсон не мог вспомнить, кому она принадлежит. Какому–то дельцу.

— Сегодня Чилдэн приперся ко мне в контору. Он только что ушел, я звоню из конторы, не из дому. В общем, долго бушевал. Он вне себя от злости. Будто бы некий важный япошка — адмирал, ни больше ни меньше — не то приходил к нему, не то присылал своего человека. Чилдэн кричал о сделке на двадцать тысяч. Тут он, конечно, хватил через край, но в остальном я верю: к нему приходил япошка, хотел что–то купить, одним глазком взглянул на ваш кольт сорок четыре, убрал деньги и ушел. Что вы на это скажете?

Сказать Уиндэму–Мэтсону было нечего, но он сразу подумал о Фрэнке и Маккарти. Не их ли рук дело? Но зачем им понадобилось пугать Чилдэна? Его охватил суеверный страх. Как они пронюхали, куда ушел револьвер, сработанный еще в феврале? Как они поступят теперь? Пойдут в полицию? Или в газеты? Или даже в муниципа-

литет Сакраменто к «буратино»? Кошмар! Всего этого можно было бы не опасаться, не выгони он Фрэнка… Он не знал, как ответить Калвину — долго бормотал какие–то оправдания, пока наконец не сумел закруглить беседу. Положив трубку, Уиндэм–Мэтсон осознал, что Рита давно вышла из спальни и слышала почти весь разговор. Женщина нетерпеливо расхаживала по комнате в комбинации из черного шелка. По ее плечам в редких крапинках веснушек рассыпались светлые волосы.

— Позвони в полицию, — предложила она.

«А что, — подумал он, — может, я еще дешево отделаюсь, заплатив им тысчонку–другую. Они не откажутся. Наверное, это как раз то, чего они добиваются. У таких парней аппетит невелик, две тысячи кажутся им большими деньгами. Ну да — вложат их в свое дело, прогорят и через месяц окажутся без гроша в кармане. И снова…»

— Нет, — ответил он.

— Почему? Вымогательство — это преступление.

«Ей трудно понять, — подумал Уиндэм–Мэтсон. Он привык платить тем, кто много знает, так же как привык нести производственные расходы. Да и сумма на сей раз невелика. — Но в чем–то

она права».

«Я заплачу им две тысячи, — решил Уиндэм–Мэтсон. — А еще свяжусь со знакомым инспектором Департамента гражданских дел. Пусть посмотрят, нет ли у них чего–нибудь на Фрэнка и Маккарти. На тот случай, если они снова придут попрошайничать.

Кто–то мне говорил, что Фрэнк — жид, изменивший форму носа и фамилию, — вспомнил он. — Тем лучше, надо только известить германское консульство. Чего проще. Консул потребует у япошек выдачи Фрэнка, и как только этот содомит окажется за демаркационной линией, его затолкают в газовую камеру. Кажется, в Нью–Йорке остались лагеря. Лагеря с печами».

— Удивляюсь, — сказала Рита, пристально глядя на него, — как можно безнаказанно шантажировать такого крутого парня.

— Ничего удивительного, — рассеянно ответил Уиндэм–Мэтсон. — Если хочешь знать, весь этот чертов бизнес, связанный с историей, — сущая чепуха. Просто япошки — ослы. Сейчас докажу. — Он встал, подошел к кофейному столику и вернулся с двумя зажигалками. — Вот, взгляни. Они похожи как две капли воды, правда? Но историческую ценность имеет только одна. — Он

ухмыльнулся. — Держи. Пойдем дальше. На рынке одна из них стоит тысяч сорок — пятьдесят.

Женщина схватила зажигалки и стала вертеть в руках.

— Ну? — подзадорил ее Уиндэм–Мэтсон. — Видишь отпечаток времени?

— Какой еще отпечаток?

— Так говорят о вещах, имеющих историческую ценность. Слушай дальше. Одна из этих зажигалок лежала в кармане Франклина Рузвельта в момент его убийства. А другая — нет. Одна имеет историческую ценность, причем невероятную. Другая и выеденного яйца не стоит. Ну, ты чуешь разницу? — допытывался он. — Нет, ничего ты не чуешь. Нет тут ни «ореола загадочности», ни «дыхания эпохи».

— Вот это да! — восхитилась Рита. — Неужели и вправду одна из них была у Рузвельта в кармане?

— Да. И я знаю которая. Понимаешь теперь? Все это жульничество, люди обманывают сами себя. Скажем, твой пистолет побывал в какой–нибудь знаменитой битве, например при Маас–Аргоне, но если ты об этом не знаешь, то и пистолет кажется тебе самым обыкновенным. Историческая ценность — здесь! — Он постучал себя по лбу. — В

голове, а не в пистолете. Я тоже был коллекционером. В сущности, поэтому и занялся нынешним бизнесом. Собирал ранние марки британских колоний.

Сложив руки на груди, женщина стояла у окна и смотрела на огни Сан–Франциско.

— Не погибни он, мы бы выиграли войну, — задумчиво произнесла она. — Так говорили мои родители.

— Так вот, — продолжал Уиндэм–Мэтсон, — представь, что в прошлом году кто–нибудь… не важно кто, хотя бы правительство Канады, — обнаружил клише старинных марок. И не только клише, но и краску. И запас…

— Я не верю, что одна из этих зажигалок принадлежала Рузвельту, — перебила его Рита.

Уиндэм–Мэтсон хихикнул.

— В том–то и дело! Мне придется доказать это с помощью документа. Понимаешь? Вещь не говорит сама за себя, ее ценность должна подтверждаться бумагой. А следовательно, вся возня с историческими редкостями не имеет смысла. Это массовый самообман.

— Покажи бумагу!

— Пожалуйста. — Он прошел в кабинет и снял со стены листок в рамке — сертификат Смитсо-

новского института. Зажигалки и сертификат влетели Уиндэму–Мэтсону в копеечку, но он не жалел — они позволяли ему доказать свою правоту, доказать, что слово «подделка» — пустой звук, поскольку слово «оригинал» тоже ничего не значит.

— Кольт сорок четвертого калибра — это кольт сорок четвертого калибра, — вещал он, возвратясь из кабинета. — Покупая револьвер, следует интересоваться диаметром ствола и особенностями конструкции, а не датой выпуска…

Рита протянула руку. Он отдал сертификат.

— Значит, одна из них все–таки подлинная, — сказала она наконец.

— Да. Вот эта. — Уиндэм–Мэтсон протянул зажигалку с длинной царапиной на одной из сторон.

— Пожалуй, мне пора, — сказала Рита. — Как–нибудь вечерком еще увидимся. — Она вернула сертификат и зажигалку и направилась в спальню, где осталось ее платье.

— Почему?! — раздраженно крикнул он. — Ты же знаешь, нам никто не помешает. Жена приедет через несколько недель… Я же тебе объяснял: у нее отошла сетчатка.

— Дело не в этом.

— А в чем?

— Будь любезен, вызови велотакси, пока я одеваюсь, — попросила Рита.

— Я сам тебя отвезу, — буркнул Уиндэм–Мэтсон.

Она оделась. Вернувшись из прихожей с ее пальто, Уиндэм–Мэтсон застал Риту в кабинете возле книжного шкафа, погруженную в раздумья. Казалось, ее что–то гнетет.

«Прошлое, — понял он. — Оно многим не дает покоя. Черт меня дернул завести этот разговор! — упрекнул он себя. — Но ведь она такая молоденькая — я думал, она и слыхом не слыхивала о Рузвельте».

Рита опустилась на колени и взяла с нижней полки книгу.

— Ты читал? — спросила она.

Он поднес книгу к близоруким глазам. Серая обложка. Роман.

— Нет. Жена купила. Она любит беллетристику.

— Тебе бы следовало прочесть.

Уиндэм–Мэтсон неохотно взял книгу.

— «Из дыма вышла саранча», — произнес он вслух. — Это не из тех ли книг, что запрещены в Бостоне?

— Не только в Бостоне, но и во всех Соединен-

ных Штатах. Ну и в Европе, разумеется. — Рита вышла в прихожую и остановилась у двери.

— Слыхал я об этом Абендсене.

На самом деле Уиндэм–Мэтсон ничего о нем не слышал. И о романе знал только то, что он очень популярен. Еще одна причуда. Повальное увлечение. Он нагнулся и поставил книгу на полку. «Некогда мне читать модные книжки. Дел невпроворот. Конечно, у секретарш есть время читать всякую дрянь, — угрюмо подумал он. — И на работе, и дома — в постели. Их это возбуждает, хотя они прекрасно знают: в жизни все по–другому».

— Любовная история? — проворчал он, отворяя входную дверь.

— Нет. Роман о войне. — На пути к лифту она добавила: — Он пишет то же самое, что говорили мои родители.

— Кто? Абендсен?

— Да. Мол, если бы Джо Зангара[24] промазал, Рузвельт вытащил бы Америку из депрессии и вооружил ее так, что... — Рита умолкла — они подошли к лифту, где в ожидании стояли люди.

---

[24] Примечания: 24

Джузеппе Зангара — безработный каменщик, покушавшийся на Франклина Рузвельта 15 февраля 1933 года, за две недели до вступления Рузвельта на пост президента.

Позже, мчась по ночной улице в «мерседес–бенце» Уиндэма–Мэтсона, она снова заговорила о книге.

— Идея Абендсена в том, что Рузвельт был очень сильным президентом, вроде Линкольна. Сюжет книги вымышленный, Абендсен облек свою теорию в форму романа. Рузвельт не гибнет в Майами, а живет себе дальше. В тридцать шестом его переизбирают на второй срок, и вплоть до сорокового — до начала войны — он все еще президент. Догадываешься, что потом происходит? Когда Германия нападает на Англию, Францию и Польшу, он у власти. При нем Америка становится сильной державой. Гарнер вообще–то был никудышным президентом. Наделал уйму ошибок. А так в сороковом вместо демократа Брикера избрали бы…

— Это по мнению Абендсена. — Уиндэм–Мэтсон холодно взглянул на нее. «Боже, — подумал он, — прочтут какую–то книжонку и разглагольствуют, словно…»

— Так вот, вместо изоляциониста Брикера[25]

[25] Примечания: 25

Джон Уильям Брикер — американский политик, прославившийся ультраконсервативными взглядами; в 1944 году выставлял свою кандидатуру на пост вице–президента от партии республиканцев и потерпел поражение.

в сороковом президентом становится Рэксфорд Тагуэлл.[26] — Ее гладкая кожа блестела в свете уличных фонарей, глаза сияли. Рита возбужденно жестикулировала. — Он оказался активным приверженцем антифашистской политики Рузвельта. Поэтому в сорок первом Германия побоялась прийти на помощь Японии. Не выполнила условий договора. Соображаешь? — Она повернулась к Уиндэму–Мэтсону и вцепилась в его плечо. — И в результате Германия и Япония проиграли войну!

Он засмеялся.

Женщина не сводила с него глаз, словно пыталась отыскать что–то в его лице. Он только не мог понять что, к тому же надо было следить за дорогой.

— Это не смешно, — холодно произнесла Рита. — Такое вполне могло случиться. Штаты вздули бы япошек, а…

— Как? — заинтересовался Уиндэм–Мэтсон.

— Как раз об этом он и пишет. — Она помолчала секунду и добавила: — В форме романа. В книге много художественных отступлений, для

---

[26] Примечания: 26

Рэксфорд Тагуэлл — ближайший сподвижник Рузвельта, автор многих книг о нем. Позже примкнул к лагерю активных критиков президента.

занимательности. Его герои — двое влюбленных, как раз то, что нужно читателю. Парень служит в американской армии, а девушка… Впрочем, не важно. Так вот, президент Тагуэлл далеко не дурак и прекрасно понимает, что затеяли японцы. — Она заметила выражение его лица и пояснила: — Ничего, об этом можно говорить, в Тихоокеании «Саранча» не запрещена. Я слышала, она очень популярна среди япошек, даже на Родных островах. О ней много говорят.

— Слушай, а как насчет Пёрл–Харбора? — спросил Уиндэм–Мэтсон.

— Президент Тагуэлл заранее увел все корабли в море, и флот США не погиб.

— Ясно.

— Так что Пёрл–Харбора, можно сказать, не было. Японцы напали, но смогли потопить лишь несколько небольших кораблей.

— Как, ты говоришь, он назвал книгу? «Саранча»?..

— «Из дыма вышла саранча». Это из Библии.

— Значит, япошки проиграли, потому что не было Пёрл–Харбора? Нет, дорогая, Япония победила бы в любом случае.

— В романе флот США не дает им захватить Филиппины и Австралию.

— Так то в книге. А на деле их флот был не чета нашему. Я хорошо знаю япошек, они бы из кожи вон вылезли, но завладели бы Тихим океаном. А Штаты после Первой мировой переживали кризис. В той войне пострадали все страны, морально и материально.

Женщина упрямо возразила:

— Если бы немцы не захватили Мальту, Черчилль остался бы у власти и привел Англию к победе.

— Да неужели?

— В конце концов он разгромил бы Роммеля в Северной Африке.

Уиндэм–Мэтсон захохотал.

— А победив Роммеля, англичане могли двинуться через Турцию на соединение с остатками русских армий. В книге они останавливают рвущихся в глубь России немцев у одного города на Волге. Этот город никому не известен, но он существует, я нашла его в старом атласе.

— Как он называется?

— Сталинград. Там британцы добились перелома в войне. А Роммелю так и не удалось пробиться к отступающим армиям Восточного фронта, которыми командовал фон Паулюс. Помнишь его? И немцы не сумели прорваться на Ближний Во-

сток — к нефти, ни в Индию — на соединение с японцами. И…

— Чепуха! Ни один военачальник не смог бы победить Эрвина Роммеля, — возразил Уиндэм–Мэтсон. — И не могло быть событий, пригрезившихся этому Абендсену. Как бы ни защищали англичане русский город с геройским названием Сталинград, большего, чем недолгой отсрочки своей гибели, они бы не добились. Да будет тебе известно, я встречался с генералом Роммелем. В сорок восьмом, будучи по делам в Нью–Йорке. (На самом деле он лишь издали видел военного коменданта США на приеме в Белом доме.) Какой человек! Какое достоинство, какая стать! В общем, я знаю, о чем говорю.

— Да, ужасно было, когда на место Роммеля назначили это чудовище Ламмерса. До него не было ни казней, ни лагерей.

— При Роммеле тоже были лагеря.

— Но… — Женщина запнулась. — Неофициально. Возможно, головорезы из СС и творили мерзости, но… Роммель был не такой, как другие. Он походил на старых пруссаков — суровый…

— Хочешь знать, кому США обязаны своим возрождением? — спросил Уиндэм–Мэтсон. — Кто не пожалел труда для воссоздания американ-

ской экономики? Альберт Шпеер. Не Роммель и не Организация Тодта. Шпеер оказался самым полезным из тех, кого Партай[27] послала в Северную Америку. При нем снова заработали заводы, корпорации — вся промышленность, и неплохо заработали. Хотел бы я, чтобы и у нас было то же самое. А то какую отрасль ни возьми, везде конкурируют не меньше пяти компаний, неся ужасающие убытки. Ничего глупее, чем соперничество в экономике, не придумаешь.

— Моя подруга жила в трудовых лагерях и рабочих поселках, что построили на Востоке, — сказала Рита. — Я бы не выдержала. Представляешь, там проверяют почту. Она ни о чем не могла рассказать мне, пока не вернулась сюда. Их будили в шесть тридцать оркестром.

— Ничего, привыкла бы. Тебе бы обеспечили чистое жилье, сносное питание, медицинское обслуживание и условия для отдыха. Что еще нужно? Птичье молоко?..

Большой немецкий лимузин медленно вез их по окутанному ночным туманом Сан–Франциско.

Тагоми сидел на полу в позе Будды и дул в пи-

---

[27] Примечания: 27

Партия *(нем.)*. Здесь — германская национал–социалистическая рабочая партия, НСДРП.

алу с китайским чаем, с улыбкой поглядывая на Бэйнса.

— А вы здесь неплохо устроились, — нарушил молчание Бэйнс. — И вообще, на Тихоокеанском побережье довольно спокойно. Совсем не так, как… там. — Он не стал уточнять.

— Божественное говорит с благородным человеком под знаком пробуждения.[28]

— Простите?

— Это Оракул. Один из его афоризмов.

«Витают в облаках — вот чем они тут занимаются», — мысленно улыбнулся Бэйнс.

— Мы непостижимы для европейца, поскольку живем по книге, которой пять тысяч лет. Задаем ей вопросы так, будто она живая. А она действительно живая, как Библия христиан. На свете много живых книг. Это не метафора: книга обладает душой. Вы понимаете? — Тагоми внимательно следил за лицом Бэйнса.

Тщательно подбирая слова, Бэйнс ответил:

— Знаете, я не очень хорошо разбираюсь в религиях. Это не моя стезя. Мне хотелось бы поговорить о том, в чем я более сведущ.

Действительно, он почти не понимал Тагоми.

---

[28] Примечания: 28

Перевод текста «Ицзина» сделан по Рихарду Вильгельму.

«Должно быть, я устал, — решил Бэйнс. — С той минуты, как я здесь оказался, все как будто приобрело карликовые размеры. Все кажется мелким, незначительным… нелепым, что ли. При чем тут книга, которой пять тысяч лет, при чем тут часы „Микки–Маус“, при чем тут Тагоми с хрупкой пиалкой в руке… и огромная, уродливая голова бизона, злобно глядящая на меня со стены?»

— Чья это голова? — спросил он вдруг.

— Одного из зверей, за счет которых в былые времена жили аборигены, — ответил Тагоми.

— Ясно.

— Показать вам, как надо охотиться на бизонов? — Тагоми поставил пиалку на столик и встал. Дома по вечерам он носил шелковое кимоно, шлепанцы и белый шарф. — Вот я на железном коне.[29] — Широко расставив ноги, он принял низкую стойку. — На коленях — верный винчестер образца тысяча восемьсот шестьдесят шестого года из моей коллекции. — Он вопросительно посмотрел на Бэйнса. — Вы, наверное, устали с дороги, сэр?

— Боюсь, что да, — ответил Бэйнс. — Слишком много впечатлений. Да и дела висят тяжким гру-

---

[29] Примечания: 29

Сцена связана с особенностями национального характера и психологии японцев и совершенно непонятна для европейца Бэйнса.

зом… «И кое–что еще, — добавил он мысленно. У него раскалывалась голова. — Интересно, можно ли здесь раздобыть обезболивающие таблетки фирмы „ИГ Фарбениндастри“?» — Он привык к ним с тех пор, как стал страдать хроническим фронтитом.

— Все мы должны во что–то верить, — сказал Тагоми. — Нам не дано заглянуть в будущее. Мы не знаем ответов.

Бэйнс кивнул.

— Моя жена найдет какое–нибудь лекарство от головной боли, — пообещал Тагоми, видя, что гость снял очки и трет затылок. — Это у вас от напряжения глазных мускулов. Извините. — Он поклонился и вышел из комнаты.

«Что действительно нужно, так это выспаться, — подумал Бэйнс. — Всего–навсего провести ночь в постели. А может, мне просто не по плечу дело, за которое я взялся? Инстинктивно хочется спрятать голову в песок».

Когда Тагоми вернулся с таблеткой и стаканом воды, Бэйнс произнес:

— Видимо, мне действительно придется пожелать вам спокойной ночи и отправиться в гостиницу. Если не возражаете, мы могли бы встретиться завтра. Кстати, я хотел кое–что уточ-

нить. Вам не говорили о третьем лице, которое примет участие в наших беседах?

Мелькнувшее в глазах Тагоми удивление тут же сменилось напускной беззаботностью.

— Мне об этом ничего не известно. Было бы интересно узнать.

— Это человек с Родных островов.

— Вот как? — На сей раз Тагоми не выдал удивления. Он вполне владел собой.

— Пожилой бизнесмен, отошедший от дел, — пояснил Бэйнс. — Путешествует морем и уже две недели в пути. У него предубеждение к полетам.

— Видимо, чудаковат, — заметил Тагоми.

— Он по–прежнему в курсе всего, что касается экономики Родных островов, и может предоставить нам необходимую информацию. Наверное, мы могли бы обойтись и без его услуг, но при его участии наша беседа окажется более плодотворной.

— Да, — кивнул Тагоми, — скорее всего его помощь будет не лишней. Я два года не был на Родных островах и плохо представляю, как обстоят дела с рынком сбыта.

— Вы хотели дать мне таблетку?

Опешив, Тагоми опустил глаза и увидел, что таблетка и стакан все еще у него в руках.

— Простите. Это очень сильнодействующее средство, заракаин. Его выпускает фармацевтическая фирма в Китайском регионе. — Протягивая Бэйнсу таблетку, он добавил: — Не вызывает привыкания.

— Возможно, этот пожилой господин напрямую свяжется с вашим Торгпредством. Чтобы ему не отказали в приеме, я на всякий случай напишу его имя. Мне не приходилось с ним встречаться, но, по моим сведениям, он глуховат и эксцентричен. Я бы хотел быть уверен, что с ним обойдутся вежливо. — Казалось, Тагоми понял, что Бэйнс имеет в виду. — Он любит рододендроны и будет просто счастлив, если кто–нибудь из ваших людей в течение получаса, пока мы готовимся к беседе, поговорит с ним о рододендронах.

Бэйнс проглотил таблетку, запил водой и вытащил авторучку и блокнот.

— Мистер Синьиро Ятабе, — прочитал Тагоми и бережно положил записку в бумажник.

— И еще одно.

Мистер Тагоми замер с пиалой у рта.

— Деликатный нюанс. Видите ли, этот джентльмен… несколько стеснен в средствах. Ему под восемьдесят. В конце карьеры некоторые из затеянных им предприятий оказались не слишком

удачными. Вы понимаете?

— То есть теперь он не богат, — сказал Тагоми, — вероятно, даже живет на пенсию.

— Именно. И пенсия плачевно мала. Поэтому ему приходится немного… подрабатывать.

— Нарушая некоторые мелочные постановления, — подхватил Тагоми. — Ох уж это мне Родное правительство и его чиновники–бюрократы! Я понял вас. Пожилой джентльмен получает за консультации гонорар и не отчитывается перед Департаментом пенсий. А для этого нужно, чтобы мы никого не ставили в известность о цели его визита. Пусть считают, что он приехал сюда отдыхать.

— Вы искушены в житейских делах, — улыбнулся Бэйнс.

— Я сталкивался с подобной ситуацией. К сожалению, наше общество не решило проблему стариков. А их число растет по мере совершенствования медицины. У китайцев мы научились чтить и ценить старость. В этом отношении немцы вызывают у нас… Я слышал, они уничтожают стариков.

— Немцы… — промямлил Бэйнс и снова потер лоб.

— Вы родом из Скандинавии и, несомненно,

часто бываете в Festung Europa. Даже сюда прилетели из Темпельхофа. Там к ним такое же отношение? Что вы, нейтрал, об этом думаете?

— Простите, я не понял, — пробормотал Бэйнс. — Какое отношение? К кому?

— К старым, больным, слабым, умственно неполноценным и так далее. «Какой прок от новорожденного?» — спросил когда–то известный англосаксонский философ.[30] Я запомнил этот вопрос и многократно задумывался над ним. В общем–то никакого прока, сэр.

Бэйнс что–то невнятно пробормотал. Очевидно, это было проявлением уклончивой вежливости.

— Человек не должен служить орудием для удовлетворения нужд ближнего, — сказал японец. — Разве не так? — Он наклонился к мистеру Бэйнсу. — А какова точка зрения нейтрала?

— Не знаю, — сказал мистер Бэйнс.

— Во время войны я занимал незначительный пост в Китайском регионе, — сообщил мистер Тагоми. — Там, в Ханькоу, находилось поселение евреев, интернированных Имперским правительством. Они жили на средства организации «Джойнт». Нацистский консул в Шанхае потре-

---

[30] Примечания: 30

Высказывание принадлежит Джону Локку, крупнейшему представителю английского материализма XVII века.

бовал, чтобы мы их уничтожили. Помню ответ моего начальника: «Это противоречит нашим представлениям о человечности». Требование посла было отвергнуто как варварское. На меня это произвело впечатление.

— Понимаю, — пробормотал Бэйнс. «Прощупывает», — подумал он и насторожился. Ему стало легче, голова уже не болела, мысли перестали путаться.

— Нацисты всегда считали евреев небелыми, азиатами. Однако никто из высокопоставленных японцев, даже членов Военного Кабинета, не разделял этого мнения. Я никогда не беседовал на эту тему с гражданами Рейха, с которыми мне доводилось…

— Простите, но я не немец, — перебил его мистер Бэйнс, — и вряд ли могу говорить за них. — Он встал и направился к выходу. Задержавшись в дверях, произнес: — Завтра мы продолжим нашу беседу. А сейчас прошу меня простить. Что–то голова плохо соображает. — На самом деле голова соображала прекрасно. «Надо убираться отсюда, — решил он. — Этот человек слишком круто за меня взялся. Наверное, мои донкихотские разглагольствования в ракете „Люфтганзы“ каким–то путем дошли до японцев.

Зря я разболтался с этим, как его… Лотце. Зря. Но сейчас поздно жалеть.

Напрасно я ввязался в это дело. Не подхожу я для него. Совсем не подхожу».

Затем его мысли приняли иное направление.

«Швед вполне мог разговаривать с Лотце в таком духе. Все в порядке. Я не допустил промашки. Пожалуй, я излишне осторожничаю. Не в силах избавиться от привычек, выработанных на прошлом задании. Здесь о многом можно говорить открыто. К этому еще надо привыкнуть».

Но этому противилось все его естество. Кровь в венах, кости, мышцы. «Открой рот, — твердил он себе. — Скажи что–нибудь. Любой пустяк. Выскажи свое мнение. Не молчи, если не хочешь уйти ни с чем…»

— Возможно, ими движет некий подсознательный архетип, если вспомнить Юнга.

Тагоми кивнул:

— Понимаю, я читал Юнга.

Они пожали друг другу руки.

— Простите мою назойливость, — произнес Тагоми, спеша распахнуть перед Бэйнсом двери. — За философскими рассуждениями я забыл правила гостеприимства. Прошу. — Он крикнул что–то по–японски, и отворилась парадная дверь.

Появился молодой японец, отвесил легкий поклон и взглянул на Бэйнса.

«Мой водитель», — догадался тот.

— Завтра утром я вам позвоню, — сказал Бэйнс. — Спокойной ночи, сэр.

Молодой японец улыбнулся, шагнул вперед и что–то проговорил.

— Что? — переспросил Бэйнс, снимая с вешалки пальто.

— Он обратился к вам по–шведски, сэр, — пояснил Тагоми. — Он изучал историю Тридцатилетней войны в Токийском университете и восхищен вашим героем Густавом Адольфом.[31] — Тагоми улыбнулся. — Увы, судя по всему, его попытки одолеть столь сложный язык оказались безуспешными. Очевидно, он пользовался грампластинками. Он ведь студент, а среди студентов, благодаря дешевизне, грампластинки весьма популярны.

Похоже, молодой японец не понимал по–английски. Он с улыбкой поклонился.

— Понятно, — пробормотал Бэйнс. — Ну что ж, желаю ему удачи.

«Боже мой! — подумал он. — Никаких сомне-

---

[31] Примечания: 31

Густав II Адольф (1594–1632) — король Швеции, участвовал в Тридцатилетней войне (1618–1648) на стороне антигабсбургской коалиции.

ний — этот япошка всю дорогу будет приставать ко мне с вопросами на шведском». Бэйнс с трудом понимал этот язык, и то лишь когда слова произносились правильно и внятно. А тут — японец, кое–как изучивший шведский по грампластинкам!

«Ничего у нас с ним не получится, — подумал Бэйнс. — Но он от меня не отстанет, пока не довезет до гостиницы — ведь ему, быть может, никогда в жизни не доведется встретить другого шведа. — Бэйнс мысленно застонал. — Какие муки нас ждут!»

Глава 6

Ранним утром, радуясь нежарким солнечным лучам, Джулиана Фринк ходила по бакалейным лавкам. Она не спеша брела по тротуару с двумя коричневыми бумажными сумками в руках, останавливалась возле каждого магазина поглазеть на витрину. Спешить было некуда.

«Может, купить что–нибудь в аптеке?» — подумала она и, помедлив, шагнула через порог. До полудня, когда начнутся занятия дзюдо, оставалось уйма времени. Усевшись на стул возле прилавка и поставив на пол сумки, она придвинула к себе пачку журналов.

Листая свежий «Лайф», она наткнулась на статью «Телевидение в Европе: взгляд в будущее». На той же странице — фотография. Немецкая семья в гостиной у телевизора. «Берлинские передачи идут уже по четыре часа в день, — говорилось в статье. — Когда–нибудь телестанции появятся во всех крупных городах Европы, а нью–йоркская начнет действовать в семидесятом году».

Другая фотография посвящалась инженерам–электронщикам Рейха, которые помогали

американским строителям нью–йоркской телестанции. Отличить немцев было проще простого: ухоженные, уверенные в себе, энергичные. Американцы были ничем не примечательны — люди как люди.

Один из немцев стоял с вытянутой рукой, а американцы, напряженно всматриваясь, пытались понять, на что он указывает. «Да и зрение у них лучше, чем у нас, — подумала Джулиана. — Еще бы, двадцать лет отменного питания! Говорят, они видят то, чего никто из нас не разглядит. Это из–за витамина А, наверное.

Интересно, каково это — сидеть у себя в гостиной и видеть на маленьком голубом экране целый мир? Если немцы так богаты, что летают на Марс, почему они не возьмутся всерьез за телевидение? Я бы предпочла прогулкам по Марсу комические постановки.

Ужасно хочется увидеть Боба Хоупа и Дюрана.

А впрочем, зачем немцам телевидение, если у них нет чувства юмора? К тому же они погубили почти всех выдающихся комиков. Потому что почти все комики были евреями. В сущности, они ликвидировали индустрию развлечений. Странно, как это Хоупу сходят с рук его шутки? Впрочем, он выступает по канадскому радио, а

в Канаде немного посвободнее. Но все–таки он смельчак. Взять хотя бы его шутку о Геринге — ту, где Геринг покупает Рим, перевозит его к своему логову в горах, отстраивает заново и возрождает раннее христианство, чтобы его любимым львам было чем заняться».

— Хотите купить журнал, мисс? — подозрительно спросил маленький сморщенный старикашка, хозяин аптеки.

Она с виноватым видом отложила «Ридерз дайджест», который начала было просматривать.

И снова, погруженная в раздумья, Джулиана брела по улице.

«Вероятно, после смерти Бормана новым фюрером будет Геринг. Он бы давно возглавил Рейх, если бы не сидел у себя в горах, когда Гитлеру взбрело в голову удалиться на покой. В тот день под рукой у Гитлера оказался проныра Борман. Геринг должен стать фюрером хотя бы потому, что его „Люфтваффе“ разбомбили радарные станции англичан, а потом разделались с королевскими ВВС. Не сумей он настоять на своем, Гитлер скорее всего приказал бы бомбить Лондон, как Роттердам.

Но не исключено, что фюрером станет Геббельс, — так все говорят. Лишь бы не страшилище

Гейдрих. Он всех нас угробит. Настоящий мясник. Кто мне нравится, так это Бальдур фон Ширах. Из них он один не выглядит психом. Но у него нет никаких шансов».

Она поднялась на крыльцо своего старого деревянного дома. Джо Чиннаделла по–прежнему лежал на животе, свесив руки с кровати. Он спал.

«Почему он еще здесь? Его грузовик ушел. Неужели он опоздал? Похоже».

Джулиана прошла на кухню и поставила сумки на стол, где с вечера оставалась грязная посуда.

«А случайно ли он опоздал? Хотелось бы мне знать… Какой необыкновенный мужчина!»

Он был неутомим, почти всю ночь не давал ей покоя. Но при этом будто не сознавал, что лежит в постели с женщиной. Сжимал ее в объятиях, а мыслями был где–то далеко.

«А может, он просто часто этим занимается? — предположила Джулиана. — Сила привычки: тело работает само, как мои руки, складывающие тарелки в мойку. Извлеки из его черепа три четверти мозга — все равно будет двигаться, как лягушачья лапка на уроке биологии…»

— Эй! — крикнула она. — Пора вставать!

Джо пошевелился и захрапел.

— Слушал вчера Боба Хоупа? — громко спросила Джулиана. — Я чуть со смеху не померла, когда он рассказывал о немецком майоре, устроившем марсианам допрос. Дело в том, что у марсиан не оказалось документов об арийском происхождении. Поэтому майор рапортует в Берлин, что Марс населен евреями… — она вошла в спальню, — …двухголовыми, ростом один фут… ну, знаешь, как это умеет подать Боб Хоуп.

Джо открыл глаза и уставился на нее, не мигая. Черный от щетины подбородок, темные, полные муки глаза… Джулиана умолкла.

— Что с тобой? — спросила она, помолчав. — Чего ты боишься? — И тут же подумала: «Нет, я знаю, что значит бояться, видела, как боится Фрэнк. Здесь что–то другое».

— Уехал старый плут, — буркнул Джо, усаживаясь.

— И что ты собираешься делать? — Вытирая руки кухонным полотенцем, она опустилась на край кровати.

— Перехвачу на обратном пути. Он никому не расскажет. Я тоже кое–что знаю о его проделках.

— Думаешь, обратно он поедет этой же дорогой?

— Он всегда возвращается по Пятидесятой и ни-

когда — по Сороковой. На Сороковой он однажды угодил в аварию — врезался в табун лошадей, переходивших шоссе. Это было в Скалистых горах. — Джо сгреб в охапку одежду со стула и начал одеваться.

— Сколько тебе лет, Джо? — спросила Джулиана, разглядывая его смуглое тело.

— Тридцать четыре.

«Значит, ты был на войне». Но Джулиана не замечала у него физических дефектов — мускулистое стройное туловище, длинные ноги.

Под ее внимательным взглядом Джо нахмурился и отвернулся.

— Что, нельзя посмотреть? — обиженно спросила она. «Странно, вместе провели ночь, и вдруг — такая стеснительность». — Мы что, клопы? Не можем быть на свету и должны прятаться по щелям?

Он что–то пробурчал и, как был в трусах, двинулся к ванной, потирая небритые щеки.

«Это мой дом, — подумала Джулиана. — Я позволила тебе остаться, а ты не разрешаешь даже смотреть на тебя. В таком случае зачем тебе понадобилось оставаться?»

Она прошла вслед за ним в ванную. Джо наполнял раковину горячей водой.

На его плече Джулиана увидела татуировку — синюю букву К.

— Что это? — спросила она. — Имя твоей жены? Конни? Карина?

Джо буркнул:

— Каир.

«Какое экзотическое имя, — подумала она и вдруг почувствовала, что краснеет. — Я просто дура!»

Итальянец, тридцати четырех лет, из нацистской части континента… Ну, конечно, он был на войне, сражался на стороне Оси. Воевал в Каире, а татуировка — символ кампании, знак совместной победы над британо–австралийской армией генерала Готта.

Выходит, Джо служил в африканском корпусе Роммеля.

Выйдя из ванной, Джулиана прошла в спальню — заправить кровать. Руки не слушались.

На стуле аккуратной стопкой лежали пожитки Джо: одежда, маленький саквояж, кое–какие мелочи. Ей бросилась в глаза коробочка наподобие футляра для очков.

«Ты и в самом деле сражался под Каиром, — подумала Джулиана, открыв коробочку и увидев Железный крест второй степени с выграви-

рованной надписью „Каир“ и датой: 10 июня 1945. — Такую награду получили не все, а только самые доблестные. Интересно, что ты там натворил… Тебе ведь было тогда лет семнадцать…»

Когда Джулиана извлекла орден из бархатного футляра, в дверях показался Джо. Она даже подскочила, заметив его. Но он не рассердился.

— Я только посмотрела, — виновато произнесла Джулиана. — Никогда не видела такой награды. Тебе ее сам Роммель вручил?

— Генерал Байерляйн. Роммеля к тому времени послали в Англию добивать британцев. — Он говорил спокойно, но машинально водил скрюченными пальцами от лба к затылку, будто расчесывал волосы. Это было похоже на хронический нервный тик.

— А ты мне расскажешь про Каир? — спросила Джулиана, когда Джо вернулся в ванную.

За бритьем и после, моясь под душем, Джо скупо рассказал ей о войне. Но его история была не из тех, которые любила слушать Джулиана.

Когда двое его старших братьев отправились в Эфиопию, он, тринадцатилетний мальчишка, вступил в Милане в молодежную фашистскую организацию. Позже братьев зачислили в знаменитую артиллерийскую батарею майора Рикардо

Парди, а вскоре после начала Второй мировой к ним присоединился и Джо. Они дрались под командованием фельдмаршала Грациани. Техника, особенно танки, у них была хуже не придумаешь. Британцы расстреливали их как кроликов, даже старших офицеров. В бой танки ходили с мешками песка на башне — иначе люки распахивались от тряски. Солдатам майора Парди приходилось собирать неразорвавшиеся снаряды, чистить их и снова пускать в дело.

Однако в сорок третьем батарея остановила отчаянное танковое наступление генерала Уовелла.

— А твои братья живы? — спросила Джулиана.

Его братьев в сорок четвертом задушили проволокой британские коммандос из «Лонг рэндж дезерт груп»,[32] которые устраивали диверсии в тылах Оси. В конце войны, когда стало ясно, что союзники проиграют, они дошли до последней степени фанатизма.

— А как ты сейчас относишься к британцам? — перебила его Джулиана.

— Хотел бы я увидеть, как англичанам воздают сполна за Африку, — хладнокровно ответил Джо.

---

[32] Примечания: 32

Диверсионно–десантное подразделение британских ВС, предназначавшееся для действий в пустынях.

— Но ведь… прошло восемнадцать лет, — сказала Джулиана. — Я знаю, британцы много всяких ужасов натворили, но…

— Все говорят о зверствах нацистов над евреями, — проворчал Джо. — Но англичане были хуже зверей. Взять хотя бы битву за Лондон. — Помолчав, добавил: — Видела бы ты их огнеметы… видела бы, как горят фосфор и нефть, как вспыхивают лодка за лодкой… Мне попадались обугленные трупы немцев–десантников… А трубы под водой, зажигающие, казалось, само море! А массированные налеты бомбардировщиков на беззащитные города, благодаря которым Черчилль надеялся добиться перелома в конце войны… А то, что осталось от Гамбурга, Эссена…

— Давай не будем об этом, — перебила его Джулиана из кухни, где жарила ветчину. Она включила маленький пластмассовый приемник фирмы «Эмерсон», подаренный ей на день рождения Фрэнком. — Сейчас приготовлю что–нибудь поесть. — Она покрутила ручку, пытаясь найти легкую музыку.

— Взгляни–ка, — сказал Джо из спальни. Он сидел на кровати, рядом стоял раскрытый саквояж. Ухмыляясь, он достал старую, потрепанную книгу, видимо, побывавшую во многих руках. —

Иди сюда. Знаешь, что пишет один человек? Вот тут. — Он ткнул пальцем в книгу. — Это довольно забавно. — Он схватил ее за руку и заставил сесть рядом. — Хочу тебе почитать. Предположим, они бы победили. Как бы это выглядело? Незачем ломать голову, этот парень обо всем за нас подумал.

Джо раскрыл книгу и стал медленно переворачивать страницы.

— Вся Европа под контролем Британской империи. И все Средиземноморье. Италии нет и в помине, Германии тоже. До самой Волги — только бобби, смешные солдатики в высоких меховых шапках, и власть короля.

— По–твоему, это было бы плохо? — тихо спросила Джулиана.

— А ты читала эту книгу?

— Нет. — Джулиана наклонилась, чтобы рассмотреть обложку. — Но слышала. Ее читали очень многие. Мы с Фрэнком… с моим бывшим мужем, часто размышляли о том, что было бы, если бы союзники победили в войне.

Джо как будто не слышал ее. Он смотрел в книгу.

— А знаешь, почему побеждает Англия? Как ей удается одолеть Ось?

Джулиана отрицательно покачала головой, чувствуя, как в душе сидящего рядом человека закипает злость. У него задрожал подбородок. Джо часто облизывал губы, запускал пятерню в волосы… и вдруг хрипло произнес:

— У него Италия предает Ось.

— Ого! — воскликнула Джулиана.

— Италия переходит на сторону союзников. В результате перед англосаксами открыто, как он пишет, «мягкое подбрюшье Европы». Впрочем, неудивительно, что он так считает. Всем известна трусость итальянских солдат — едва завидев британцев, они давали деру. Горькие пьяницы, разгильдяи. Драться не любят и не умеют. Этого парня… — Джо закрыл книгу, взглянул на обложку, — …Абендсена, я не виню. Он писал то, что подсказывало воображение, выдумывал мир, в котором Ось — проигравшая сторона. А как бы еще она могла проиграть, не предай ее Италия? — Голос дрогнул. — Всем известно, каким паяцем был дуче.

— Пойду переверну бекон. — Джулиана поспешила на кухню.

Джо встал и с книгой в руках проследовал за ней.

— После того как наголову разбили япошек,

в войну вступают США. Победившие Штаты и Британия делят мир между собой. Точь–в–точь как поделили его Германия и Япония.

— Германия, Япония и Италия, — поправила Джулиана.

Джо непонимающе уставился на нее.

— Ты пропустил Италию, — сказала Джулиана, спокойно встретив его взгляд. «Выходит, ты тоже забыл? — мысленно произнесла она. — Как и все остальные? Забыл маленькую империю на Ближнем Востоке… Опереточный Новый Рим».

Она поставила перед ним поднос с беконом, яйцами, гренками, мармеладом и кофе. Он жевал, не отрываясь от чтения. Джулиана села рядом.

— Чем тебя кормили в Северной Африке? — спросила она.

— Тухлой ослятиной, — кратко ответил Джо.

— Ужас!

Его губы растянулись в улыбке.

— «Азино Морте». Говяжья тушенка с этикеткой «АМ» на банке. Немцы называли ее «Alter Mann» — «старикашка». — Он вернулся к еде.

«Надо бы почитать. — Джулиана протянула руку к книге. — Долго ли он у меня проживет?» Книга была в сальных пятнах, со следами грязных пальцев, в ней недоставало страниц. «Ее брали в

дальние рейсы шоферы грузовиков, — подумала она. — Держу пари, Джо читает очень медленно. А этот роман мусолит уже несколько недель, если не месяцев».

Она раскрыла книгу наугад и прочла:

«…И теперь, в старости, он взирал на царство покоя, о котором издавна мечтали люди, но которое так долго не могли создать. На корабли, ходящие от Крыма к Мадриду, на Империю, во всех уголках которой — одна и та же монета, одна и та же речь, один и тот же флаг — знаменитый Юнион Джек. Сбылись наконец слова гимна: „Правь, Британия, морями…“»

— Я тоже таскаю с собой одну книгу, — сказала Джулиана. — Собственно, это даже не книга, а Оракул, «Ицзин». Меня к нему Фрэнк пристрастил. У Оракула можно испросить совета на все случаи жизни. Я с ним никогда не расстаюсь. Никогда. — Она захлопнула «Саранчу». — Хочешь попробовать?

— Нет, — сказал Джо.

Она оперлась подбородком на ладони и произнесла, исподлобья взглянув на Джо:

— Ты решил насовсем у меня поселиться? А если нет, то на сколько?

«Теперь вся округа будет перемывать мне

косточки, — подумала Джулиана. — Поразительно, сколько в тебе ненависти к жизни. Но есть что–то еще. Ты похож на маленькую зверушку, невзрачную, но смышленую. — Изучая его умное, с резкими чертами лицо, она подумала: — С чего это я взяла, будто ты моложе меня? Впрочем, есть с чего. Из тебя еще не выветрилось детство. Ты — малыш, боготворящий своих старших братьев, майора Парди и генерала Роммеля. Спишь и видишь, как бы удрать из дому на войну с томми. Интересно, правда ли, что твоих братьев задушили проволочными удавками? После войны об этих зверствах много писали и снимки печатали… — Она вздрогнула. — Но британские коммандос давным–давно осуждены и наказаны…»

Звучавшая по радио музыка умолкла. Судя по обилию помех, на коротких волнах передавали новости из Европы. Голос диктора то и дело пропадал или становился неразборчивым. Затем вдруг очень четко зазвучал голос денверского комментатора. Джулиана потянулась к ручке настройки, но Джо остановил ее.

— Сообщение о смерти канцлера Бормана потрясло германский народ, которого не далее как вчера уверяли в том…

Джулиана и Джо вскочили.

— Все радиостанции Рейха прекратили трансляцию радиопрограмм, и в зале торжественно зазвучал Horst Wessel Lied, партийный гимн, в исполнении подразделения СС «Das Reich». Позже, в Дрездене, на совещании исполняющего обязанности секретаря Партай с руководителями национальной службы безопасности «Sicherheistdienst» [33], пришедшей на смену гестапо…

Джо увеличил громкость.

— …о реорганизации правительства по инициативе бывшего рейхсканцлера Гиммлера, Альберта Шпеера и других, а также о двух неделях всеобщего траура. Как сообщают корреспонденты, большинство магазинов и учреждений уже закрыто. Однако до сих пор не поступило сведений об ожидаемом заседании рейхстага, а без одобрения парламентом Третьего Рейха…

— Выберут Гейдриха, — сказал Джо.

— По мне, лучше бы этого белобрысого, долговязого Шираха, — задумчиво произнесла Джулиана. — Господи, наконец–то помер. Как ты думаешь, у Шираха есть шансы?

— Нет, — коротко ответил Джо.

---

[33] Примечания: 33
СД *(нем.).*

— Теперь может вспыхнуть гражданская война, — предположила Джулиана. — Впрочем, они ведь совсем старые… Геринг, Геббельс и прочие партийные бонзы.

— …добралась до его альпийского поместья близ Бреннера…

— Это о Жирном Германе, — пояснил Джо.

— …не только солдата, патриота и доблестного вождя Партай, но и своего друга, которого он никогда не чурался, а, напротив, всячески поддерживал в наступивший вскоре после победы период безвластия, когда элементы, враждебные герру Борману, пытались помешать ему стать во главе…

Джулиана выключила радио.

— Пустая болтовня, — раздраженно сказала она. — Почему эти грязные убийцы говорят теми же словами, что и все мы?

— Они похожи на нас. — Джо снова уселся и принялся за еду. — На их месте мы поступили бы так же. А они, между прочим, спасли мир от коммунизма. Не победи Германия, мы бы сейчас жили под красными. А это куда хуже.

— Ты тоже болтун, — бросила Джулиана. — Как радио. Трепло.

— Я жил под нацистами, — сказал Джо, — и

знаю, что это такое. В сорок седьмом я получил в Организации Тодта трудовую книжку и вкалывал на стройках двенадцать… нет, тринадцать… почти пятнадцать лет. В Северной Африке и США. Можешь не верить, — он ткнул в сторону Джулианы вилкой, — но у меня в крови итальянский талант к земляным работам, и в ОТ меня ценили. Не заставляли кидать асфальт и месить бетон для автострад, а допустили к проектным разработкам. Сделали из меня инженера. Однажды проверять работу моей группы явился сам доктор Тодт. Он мне сказал: «У тебя хорошие руки». Это было высшей похвалой в его устах, Джулиана. Знала бы ты, что это такое — гордость труженика. Нет, немцы — не болтуны. До них все, и я в том числе, чурались черной работы. Аристократы! Трудовой Фронт положил этому конец. Я как будто впервые увидел свои руки. — Он так частил, что Джулиана с трудом его понимала. — В развалинах Нью–Йорка мы жили как братья. Строем ходили на работу, распевали песни. Дух войны, только созидательный, а не разрушительный. Каждый день как грибы вырастали новенькие, красивые жилые здания, одно за другим, улица за улицей. Как мы отстроили Нью–Йорк и Балтимор — это ж просто загляденье! Сейчас там,

конечно, тодтовцев нет. Бал правят картели вроде «Нью–Джерси Крупп и Sohnen[34]». Их хозяева не нацисты, а родовитые европейские богачи. Но при них стало куда хуже. Роммель и Тодт просто ангелочки по сравнению с промышленниками вроде Круппа и пруссаками–банкирами. Все эти господа в костюмах–тройках… вот бы кого в газовку!

«Господа в тройках были и будут, — мысленно ответила Джулиана, — а вот твои идолы, Роммель и Тодт, явились к нам после побоища разгребать обломки, прокладывать автострады, восстанавливать промышленность. Даже евреев не трогали, вот уж чего от них никто не ожидал… Объявили евреям амнистию, чтобы не прятались по щелям… А потом наступил сорок девятый… и прощай, Роммель, прощай, Тодт, ступайте пастись на лужок. Разве я не знаю, как живется под нацистами? Разве Фрэнк не рассказывал? Мой муж был евреем. То есть он и есть еврей. Я знаю, доктор Тодт был скромнейшим и честнейшим человеком на свете. Я знаю, единственное, о чем он мечтал, — дать надежную, достойную работу несчастным, отчаявшимся американцам, мил-

[34] Примечания: 34
Сыновья *(нем.)*.

лионы которых ютились среди руин. Обеспечить медицинским обслуживанием, сносным жильем, условиями для отдыха каждого, к какой бы расе он ни принадлежал.

Тодт был инженером, а не идеологом… и сумел добиться многого. Но…»

Смутная мысль, блуждавшая в глубинах сознания, обрела форму.

— Слушай, Джо, а разве на восточном побережье эта «Саранча» не под запретом?

Он кивнул.

— А почему ты ее читаешь? Разве у вас за нее не расстреливают?

— Все зависит от национальной принадлежности и от старой армейской нарукавной повязки.

Так и было. Меньше всех читать, говорить и слушать разрешалось славянам, мексиканцам, пуэрториканцам. У англосаксов дела обстояли получше: их допускали в библиотеки, музеи и на концерты, их дети учились в общественных школах. Однако… «Саранча» была не просто внесена под гриф, она была запрещена для всех без исключения.

— Я читал ее в сортире, — признался Джо. — Прятал под подушкой. Честно говоря, потому и читал, что нельзя.

— Да ты смельчак, — улыбнулась Джулиана.

— Издеваешься? — с подозрением спросил он.

— Нет.

— Вам здесь легко живется. Никаких проблем, целей, трудов и хлопот. Плывешь себе по течению, словно с довоенных лет ничего не изменилось… — В его глазах застыла насмешка.

— Решил убить себя цинизмом, — перебила его Джулиана. — Ах, бедняжка! Идолов у него отобрали, некому теперь подарить свою любовь! — Она держала вилку острием вперед, и это от него не укрылось. «Ешь, — мысленно приказала она, — или откажись от удовлетворения и физиологических потребностей».

Джо набил рот и, прожевав, сказал:

— Этот Абендсен живет неподалеку отсюда, в Шайенне. Спокойное местечко нашел для раздумий над судьбами мира, верно? Прочти вот здесь. Вслух прочти.

Она взяла книгу и прочитала на обороте обложки:

— «Он — бывший сержант морской пехоты США, участвовал во Второй мировой войне. В Англии был ранен в поединке с фашистским танком „Тигр“. Ходят слухи, что его дом набит оружием и превращен в неприступную крепость». — Она

закрыла книгу. — Тут не написано, но мне говорили, что он немного свихнулся. Живет высоко в горах, окружил свой дом колючей проволокой под током. До него непросто добраться.

— А может, он прав, что опасается? — предположил Джо. — Шишки из Партай небось до потолка прыгали от злости, когда прочли эту книгу.

— Он и раньше так жил, еще до того, как написал «Саранчу». Его дом называется… — она взглянула на обложку, — Высокий Замок. Название он сам придумал.

— Да, немцам его не сцапать, — пробормотал Джо, торопливо жуя, — он всегда начеку. Хитрый, черт.

— А все–таки надо быть не робкого десятка, чтобы написать такое. Не победи Ось, мы бы могли говорить и писать все что угодно, как до войны. И страна была бы цела, и законы куда справедливее. И одни для всех.

К ее удивлению, Джо согласно кивнул.

— Не пойму я тебя, — сказала Джулиана. — Во что ты веришь? Чего хочешь? Защищаешь этих уродов, которые задались целью перерезать всех несогласных, и тут же… — Она яростно схватила его за уши и потянула вверх. От изумления и боли у него глаза вылезли из орбит.

Тяжело дыша, они молча смотрели друг на друга.

— Дай доесть твою стряпню, — наконец вымолвил Джо.

— Что ты сказал? Не хочешь со мной разговаривать? Понимаешь, о чем я спрашиваю, и жрешь, как ни в чем не бывало?! — Джулиана изо всех сил выкрутила ему уши и отпустила. Они мгновенно побагровели.

— Пустой разговор, — буркнул Джо. — Не о чем спорить. Знаешь, как коричневые рубашки прозвали когда–то болтунов–интеллигентов? Eierkopf, яйцеголовые. Потому что их огромные выпуклые черепа легко раскалывать в уличных заварушках.

— Если ты и обо мне такого мнения, почему бы тебе не убраться отсюда? — разозлилась Джулиана.

У нее мороз пошел по коже от его зловещей гримасы. «Какая я дура, что пустила его к себе, — горько подумала она. — Теперь поздно. Мне от него не отделаться».

Джулиане казалось, произойдет что–то страшное и это будет связано с ним.

— Ну, в чем дело? — Он приподнял ее подбородок, погладил шею, сунул руку под рубашку и

стал с вожделением ласкать плечи. — Это нервы. Груз проблем. Сеанс психоанализа — и мы снимем тяжесть с вашей души.

— И тебя назовут евреем–психоаналитиком. — Она вяло улыбнулась. — Хочешь вылететь в трубу крематория?

— Ты боишься мужчин. Верно?

— Не знаю.

— Это я еще ночью понял. Если бы я не… — Он осекся. — Не старался угадывать все твои желания…

— Если бы ты не переспал до меня с кучей баб, — перебила его Джулиана. — Вот что ты хотел сказать.

— Я сказал правду. Знай, Джулиана, я никогда тебя не обижу. Даю слово, больше того: клянусь прахом матери. Я буду очень внимателен, позабочусь о тебе, всегда приду на помощь, если что… Забудь свои тревоги. Пусть не каждый раз, но я смогу утешить и приободрить. Тебе пока просто–напросто не везло.

Слегка успокоенная, она кивнула. Но в душе оставались холод и тоска, и Джулиана не понимала, откуда они взялись.

В начале рабочего дня Тагоми улучил минутку, чтобы поразмыслить в одиночестве.

Утром перед уходом на работу он ознакомился с докладом Ито. Молодой студент был уверен, что Бэйнс — не швед. Скорее всего он немец.

Впрочем, ни в Торгпредстве, ни в токкоке — японской службе безопасности — не питали иллюзий относительно способностей Ито к германским языкам. «Похоже, это все–таки его нелепые домыслы, — подумал Тагоми. — Олух–энтузиаст с романтическими наклонностями. Игра в сыщиков плюс чрезмерная подозрительность».

Но кто бы ни был Бэйнс по национальности, совещание с ним и пожилым господином с Родных островов произойдет в условленное время. И, надо сказать, этот человек пришелся Тагоми по душе.

«Возможно, главный талант опытного руководителя в том и заключается, чтобы распознавать хороших людей при первой встрече, — подумал Тагоми. — Чувствовать характер собеседника. Уметь заглядывать в душу. Даже сквозь скрытый чертами лица инь мне виден мерцающий во тьме свет сердца, свет ян.

Он мне нравится, — сказал себе Тагоми. — Кем бы он ни был, немцем или шведом. Надеюсь, таблетка помогла. Вот о чем его надо спросить

первым делом».

Загудел селектор.

— Меня нет, — буркнул он в микрофон. — У меня минуты медитации. Время постижения внутренней правды.

Из крошечного динамика зазвучал голос Рамсея:

— Сэр, только что поступили новости из пресс–агентства. — Голос Рамсея дрожал. — Умер рейхсканцлер Мартин Борман.

«Наверное, в канцелярии сейчас переполох, — подумал Тагоми. Он вышел из–за стола и принялся расхаживать по кабинету, до хруста сжимая сцепленные пальцы. — Ну что ж, надо немедленно отправить рейхсконсулу соболезнования. Впрочем, это пустяки. Подчиненные и без меня справятся. Глубоко скорбим, вся Япония с немецким народом в этот тяжелый час и т. п. Потом? Ждать. Сосредоточиться и ждать. Чтобы отреагировать сразу, как только придут директивы из Токио».

Нажав кнопку селектора, он сказал:

— Мистер Рамсей, проверьте надежность связи с Токио. Скажите телефонисткам, пусть будут повнимательнее. Сейчас самое важное — связь.

— Да, сэр, — ответил Рамсей.

— С этой минуты я не покину кабинета. Все текущие дела отложить. На обычные звонки не отвечать. Мне не нужны лишние заботы.

— Что еще, сэр?

— Возможно, придется действовать, и действовать быстро.

— Да, сэр.

Через четверть часа, в девять, от высшего представителя Имперского правительства на западном побережье Америки, японского посла в Тихоокеанских Штатах, высокочтимого барона Л. Б. Кэлемакуле пришла телефонограмма. Министерство иностранных дел извещало о срочном заседании в здании посольства. От каждого отдела Торгпредства должен присутствовать кто–нибудь из руководства.

У него не оставалось времени надеть другой костюм. Тагоми поспешил к лифту и вскоре мчался по улице в лимузине Торгпредства — черном «кадиллаке» сорокового года. За рулем сидел опытный водитель–китаец.

Возле здания посольства стояла дюжина автомобилей высокопоставленных особ. Их владельцы — с некоторыми он был знаком — поднимались по широким ступенькам парадной лестницы. Шофер распахнул дверцу, Тагоми

быстро вышел из машины, схватил портфель (пустой, поскольку на этот раз от него не требовалось отчетов, но ему не хотелось выглядеть сторонним зрителем) и пошел наверх по ступенькам с таким видом, будто играл в происходящем не последнюю роль. Хотя на самом деле он даже не знал, о чем пойдет речь на совещании.

В вестибюле толпились, вполголоса переговариваясь друг с другом, приглашенные. Мистер Тагоми подошел к группе, в которой приметил знакомых, раскланялся и обменялся с ними многозначительными взглядами.

Появился служащий посольства и пригласил всех в огромный зал заседаний. Там стояли кресла с откидными сиденьями. Чиновники вошли и в молчании расселись, слышались лишь покашливание и скрип кресел.

К столу президиума с пачкой бумаг подошел человек в полосатых брюках — представитель министерства иностранных дел.

Гул в зале. Сдвинутые друг к другу головы. Перешептывание.

— Господа! — звонким, начальственным голосом начал чиновник МИДа, мгновенно приковав к себе внимание зала. — Как вам известно, мы получили сообщение из Берлина, официально

подтверждающее смерть рейхсканцлера. На нашем совещании — оно не затянется, смею вас заверить — мы проинформируем вас о социально–политическом положении в Рейхе и дадим оценку соперничающим группировкам немецкой верхушки, которые могут вступить в открытую борьбу за власть.

Коротко о вождях. Самый вероятный претендент — Герман Геринг. Если не возражаете, начну с общеизвестных фактов. Жирный Боров, как его прозвали за тучность, отважный летчик–ас Первой мировой войны, в дальнейшем — создатель гестапо. Занимал видный пост в правительстве Восточной Пруссии. Во время становления Партай — один из самых безжалостных лидеров, хотя позднее сибаритские наклонности создали ему ложную репутацию добродушного пьянчуги.

Господа, наше правительство настоятельно советует вам не питать подобных иллюзий. По слухам, он нездоров, возможно, даже психически, и этим напоминает римских цезарей, чьи характеры с возрастом окончательно портились. Зловещий портрет Геринга, где он, облаченный в тогу, прогуливается в сопровождении львов по огромному замку, набитому охотничьими трофеями и произведениями искусства, несомненно,

соответствует истине. В войну он приказывал вне очереди пропускать в Германию поезда с награбленными сокровищами, оседавшими затем в его поместьях. Наша оценка: этот человек стремится к неограниченной власти, и путь перед ним открыт. Он, как никто другой из нацистской верхушки, потворствует своим слабостям и в этом отношении совсем не похож на Гиммлера, которому в конце жизни вполне хватало скромного жалованья.

Герман Геринг — человек с извращенным умом, для него власть — средство удовлетворения своего ненасытного тщеславия. Это свидетельствует о примитивном, даже вульгарном мировоззрении; тем не менее он далеко не глуп, возможно, даже умнее остальных фашистских лидеров. Его главная цель — сравняться в величии с древними императорами.

Следующий претендент: Йозеф Геббельс. В детстве перенес полиомиелит. Родители католического вероисповедания. Блестящий оратор, писатель, обладает глубоким и проницательным умом. Вежлив, остроумен, с широким кругозором. Весьма активен в отношениях с дамами. Элегантен, высокообразован. Недюжинные организаторские способности. Трудолюбив,

отдает предпочтение административной работе. По слухам, никогда не отдыхает. Снискал всеобщее уважение, невероятно вспыльчив. Предположительная идеологическая ориентация — иезуитские взгляды средневековья с примесью германского неоромантического нигилизма. Считается единственным интеллектуалом Партай. Не пользуется любовью подчиненных. В молодости мечтал о лаврах драматурга. В отличие от Геринга стремится не к величию и богатству, а к власти в ее чистом виде — классический образец прусской мании величия.

— Рейнхард Гейдрих. — Чиновник МИДа сделал паузу, окинул взглядом зал. — Значительно моложе большинства ветеранов революции тридцать третьего года. Выдвиженец из элиты СС. Подчинялся непосредственно Гиммлеру, возможно, загадочная смерть постигла Гиммлера в сорок восьмом не без его содействия. Устранил из аппарата полиции своих главных соперников, таких, как Эйхман и Шелленберг. По нашим сведениям, в Партай его многие боятся. По окончании войны, после знаменитого столкновения полиции с армией, приведшего к реорганизации аппарата правительства, Гейдриху поручен политический надзор за Вермахтом. Получил

превосходное образование еще до того, как СС перешла на так называемую замковую систему обучения. В традиционном смысле его психика лишена эмоциональной восприимчивости. Его устремления неясны. Вероятно, развитие общества видится ему некой игрой, точнее, серией игр. Подобная специфическая, псевдонаучная отрешенность встречается в технократических кругах. В идеологических диспутах не участвует. Вывод: его склад ума наилучшим образом соответствует нашей «эпохе прагматизма». Он избавлен от так называемых неизбежных иллюзий — таких, как вера в Бога, гуманизм и т. п. Определение «реалистический склад ума» все еще остается загадкой для токийских социологов, так что рядом с именем этого человека можно поставить знак вопроса. Тем не менее не следует снимать со счетов низкую эмоциональность, возможно, свидетельствующую о патологической шизофрении.

Тагоми начало подташнивать.

— Бальдур фон Ширах. Бывший вожак гитлеровской молодежи. Считается идеалистом. Внешне привлекателен, но о его опыте и компетентности сложилось невысокое мнение. Искренне верит в идеалы НСДРП. В число его заслуг входят осу-

шение средиземноморского бассейна и создание там огромных сельскохозяйственных площадей. В начале пятидесятых добивался смягчения человеконенавистнической политики и отмены расовых экспериментов на славянских землях. Обратился непосредственно к народу Германии с тем, чтобы уцелевшим славянам позволили жить в резервациях Центральной Азии. Призывал к прекращению некоторых форм «убийств милосердия» и медицинских экспериментов над людьми, но безуспешно.

Доктор Зейсс–Инкварт. Из австрийских нацистов, ныне управляет колониями Рейха, отвечает за колониальную политику. Пожалуй, на территории Рейха ни к кому другому не относятся с такой ненавистью. Говорят, он был инициатором большинства, если не всех, репрессивных мер против завоеванных народов. Вместе с Розенбергом добивался утверждения самых чудовищных кампаний, таких, как попытка стерилизовать все уцелевшее население России. Считается, хотя тому нет документальных подтверждений, что решение очистить Африку от негритянского населения было принято с его подачи. Темпераментом очень напоминает бывшего фюрера — Адольфа Гитлера.

Докладчик замолчал.

«Кажется, я схожу с ума, — подумал Тагоми. — Надо уйти отсюда. У меня приступ. Тошнит, рвет… я умираю!» Он с трудом поднялся, выбрался в проход и побрел, почти ничего и никого не видя. «В уборную!» Он побежал по проходу.

К нему повернулось несколько голов. «Какой позор! Не мог найти другого времени и места для обморока? Уволят…» Он выскочил в дверь, распахнутую перед ним служащим.

Сразу прошла дурнота. Вернулось зрение. Перестали вращаться стены и пол.

«Всего лишь приступ головокружения. Функциональное расстройство вестибулярного аппарата. Диэнцифалон, промежуточный мозг, доставшийся в наследство от пращуров, дает о себе знать.

Подумать о чем–нибудь успокаивающем. За что ухватиться?

За религию? Или за прошлое? „А сейчас потихоньку начинаем гавот. Отлично, отлично, у вас прекрасно получается. Вы схватываете на лету…“ — Частица узнаваемого мира. „Г. и С. Гондольерс. Школа европейских бальных танцев“. — Он закрыл глаза. — Уходящий мир…»

— Сэр, вам помочь? — спросил служащий посольства.

— Благодарю, — с поклоном ответил Тагоми. — Я пришел в себя.

«Может, все они смеются надо мной? — подумал он. — В глубине души?»

Внимательное, участливое лицо слуги. Ни тени насмешки.

«…Зло — везде. Оно, как цемент, скрепляет наше общество… Не могу в это поверить. Не могу этого вынести. — Он расхаживал по вестибюлю и слушал гул автомобилей, доносящийся с Саттер–стрит. — Нет, религия не поможет. Что мне делать? — спросил он себя, направляясь к выходу из посольства. Привратник отворил двери, и мистер Тагоми сошел по ступенькам к стоянке лимузинов.

Зло незримо. Оно — неотъемлемая часть нашего мира. Оно везде. Изливается на нас, разъедает мозги, тела, сердца и впитывается в асфальт.

Почему?

Мы — слепые кроты. Копошимся в земле, тычемся рыльцами в потемках. Ничего не ведая. Я понимаю это… но не знаю, куда ползти. Остается верещать от страха. И удирать.

Жаль.

Смеются надо мной, — подумал он, идя к машине. — Где мой портфель? Ах да, остался в

кресле».

Все смотрели, как он кивает шоферу и неуклюже садится в автомобиль.

«Отвезите меня в больницу», — хотел сказать он. И — вслух:

— «Ниппон Таймс Билдинг». Помедленнее, пожалуйста.

Он смотрел в окно на машины, магазины, ультрасовременные высотные здания. На безликий поток пешеходов.

Добравшись до кабинета, он поручил Рамсею позвонить в один из отделов Торгпредства — «Добычу полиметаллических руд» — и попросить, чтобы по возвращении из посольства заведующий отделом связался с ним.

Ответный звонок раздался около полудня.

— Наверное, вы заметили, что на собрании мне стало дурно, — сказал в трубку Тагоми. — Очевидно, это всем бросилось в глаза. Особенно мое поспешное бегство.

— Я ничего не заметил, — ответил чиновник из «Полиметаллических руд». — Но, не увидев вас после заседания, встревожился, не случилось ли чего.

— Вы очень любезны, — уныло поблагодарил мистер Тагоми.

— Вовсе нет. Я уверен, все были поглощены докладом мидовца и ничего кругом не замечали. Вас, наверное, интересует, о чем говорилось после вашего ухода? Вы успели выслушать первую часть доклада?

— Да, вплоть до Зейсс–Инкварта.

— Затем докладчик подробно осветил экономическую ситуацию в Рейхе. На Родных островах сложилось мнение, что намерение Германии обратить население Европы и Средней Азии в рабов, уничтожив всю интеллигенцию, буржуазию, патриотически настроенную молодежь, грозит экономической катастрофой. До сих пор немцев спасали только достижения в науке и технике. Образно говоря, чудо–оружие.

— Да, — подтвердил Тагоми. В одной руке он держал трубку, а другой наполнял чашку горячим чаем. — Как спасли их в войну снаряды ФАУ и реактивные истребители.

— Немцы — мастера на подобные штучки, — продолжал чиновник из «Полиметаллических руд». — Но сейчас они опережают нас только в областях атомной энергетики и развлечений — согласитесь, запуск ракет на Венеру и Марс очень напоминает цирк. При всех объемах германского импорта, как подчеркнул докладчик, снаряжение

подобных экспедиций не дает никакой экономической выгоды.

— Но со стороны выглядит эффектно, — заметил Тагоми.

— У докладчика мрачные прогнозы. По его убеждению, большинство высокопоставленных нацистов боятся смотреть правде в глаза. Тем самым они усугубляют тенденцию к мероприятиям, для которых требуется tour de force,[35] — мероприятиям авантюрным, с непредсказуемыми последствиями. Сначала — приступ маниакального энтузиазма, затем страх и отчаянные призывы Партай. Вывод докладчика: подобная ситуация способствует приходу к власти самых безответственных и безрассудных претендентов. Нам следует готовиться к худшему. Судя по всему, ответственные и здравомыслящие элементы потерпят поражение в начавшейся борьбе.

— А кого он считает худшими? — Тагоми глотнул чая.

— Гейдриха. Доктора Зейсс–Инкварта. Геринга. Такова точка зрения Имперского правительства.

— А приемлемыми?

— Бальдура фон Шираха и доктора Геббельса.

---

[35] Примечания: 35
Большое усилие, напряжение *(фр.)*.

Но на этот счет он был очень краток.

— Что он еще говорил?

— Сказал, что сейчас мы больше, чем когда–либо, должны сплотиться вокруг императора и Кабинета.

— А потом, видимо, была минута молчания в знак соболезнования?

— Да.

Тагоми поблагодарил собеседника и повесил трубку. Но звук селектора не дал ему спокойно допить чай.

— Сэр, вы хотели выразить соболезнования германскому консулу, — напомнила Эфрикян. И добавила после паузы: — Мне зайти с диктофоном?

«А ведь верно, — подумал Тагоми. — Совсем из головы вылетело».

— Да, зайдите.

Она вошла и спросила с улыбкой:

— Вам лучше, сэр?

— Да. Благодаря витаминам. — Безуспешно порывшись в памяти, он попросил: — Напомните, пожалуйста, как зовут консула.

— Пожалуйста, сэр. Барон Гуго Рейс.

— Mein Herr, — начал диктовать мистер Тагоми, — известие о безвременной кончине вашего

вождя герра Мартина Бормана повергло нас в пучину скорби. Эти слова я пишу со слезами на глазах. Вспоминая доблестные подвиги герра Бормана, не жалевшего усилий для защиты германского народа от внешних и внутренних врагов, вспоминая его жесткую, бескомпромиссную борьбу с малодушными, которые предали тысячелетнюю мечту человечества о космосе, куда устремилась светловолосая, голубоглазая нордическая раса в своей… — Он замолчал. Надо было как–то закончить фразу. Эфрикян ждала с выключенным диктофоном.

— Мы живем в великое время, — задумчиво произнес он.

— Записывать, сэр? — встрепенулась секретарь. — Это текст?

— Нет. Я обращался к вам, — ответил Тагоми.

Она улыбнулась.

— Перемотайте назад, — попросил он.

Зашуршала пленка. Из двухдюймового динамика зазвучал металлический голос: «…не жалевшего усилий для защиты…» — казалось, в динамике бьется и пищит насекомое.

— Закончим так, — произнес он, дослушав запись, — …решимости возвеличить и принести себя в жертву, и тем самым занять нишу в ис-

тории, из которой никто во всей Вселенной не сможет ее вытеснить, я испытываю невыразимую горечь утраты… — Тагоми умолк и задумался. — Мы все — насекомые, — сказал он вдруг. — Слепо бредем к чему–то ужасному или, наоборот, высокому, чистому. Вы согласны? — Он поклонился. Эфрикян, сидевшая с диктофоном в руках, слегка поклонилась в ответ. — Напечатайте и отправьте, — велел он. — С подписью и всем прочим. Если сочтете нужным, внесите поправки.

В дверях секретарь остановилась и с интересом посмотрела на него.

Эфрикян ушла, и Тагоми стал разбирать накопившиеся бумаги. Но почти тотчас из селектора донесся голос Рамсея:

— Сэр, вас просит мистер Бэйнс.

«Это хорошо, — подумал Тагоми. — Теперь можно начинать важный разговор».

— Соедините. — Он взял трубку.

— Мистер Тагоми? — послышался голос Бэйнса.

— Добрый день. Простите, в связи с известием о смерти канцлера Бормана утром я был вынужден…

— Мистер Ятабе еще не дал о себе знать?

— Еще нет, — ответил Тагоми.

— А вы предупредили своих подчиненных? — похоже, Бэйнс волновался.

— Да. Его немедленно проводят в мой кабинет. — На самом деле Тагоми напрочь забыл об этом и теперь мысленно сделал заметку: проинструктировать Рамсея. «Выходит, без пожилого господина мы не можем начать переговоры?» Тагоми встревожился. — Сэр, мне не терпится начать. Не могли бы вы продемонстрировать изделия вашей фирмы? Хотя у нас такой сумасшедший день…

— Произошли изменения, — сказал мистер Бэйнс. — Необходимо дождаться мистера Ятабе. Вы уверены, что его еще нет? Обещайте, что, как только он появится, меня поставят в известность. Пожалуйста, мистер Тагоми. — У него был напряженный, срывающийся голос.

— Даю слово. — Тагоми тоже разволновался. «Смерть Бормана. Вот в чем причина отсрочки». — А пока, — быстро добавил он, — буду рад, если вы согласитесь позавтракать со мной. Время позднее, но мне еще не удалось поесть. — Он продолжал, импровизируя: — Не касаясь конкретных вопросов, мы могли бы обсудить общую картину…

— Нет, — перебил его Бэйнс.

«Нет?» — мысленно переспросил Тагоми.

— Сэр, я перезвоню позже, — сказал он вслух. И быстро положил трубку. «Обиделся, — подумал он. — Видимо, догадался, что я забыл предупредить подчиненных о Ятабе. Пустяки, все уладится». — И нажал на клавишу селектора. — Мистер Рамсей, зайдите ко мне, пожалуйста.

«Я сейчас все исправлю. Дело не только во мне, — решил он. — Бэйнс потрясен смертью Бормана. Пустяки… но не совсем. Я таки показал себя безответственным. — Тагоми устыдился. — Неудачный день. Я удаляюсь от Дао, это очевидно. Надо посоветоваться с Оракулом, пусть обрисует нынешнюю ситуацию. Которая из шестидесяти четырех гексаграмм, хотел бы я знать, повергнет меня в уныние? Слишком много накопилось вопросов, чтобы задавать их по отдельности».

Выдвинув ящик стола, он выложил оба тома «Ицзина». Когда вошел Рамсей, перед Тагоми уже лежал ответ.

— Взгляните, мистер Рамсей. — Он показал молодому человеку книгу, раскрытую на гексаграмме сорок семь: Кунь — «Истощение»..

— Обычно это плохое предзнаменование, сэр. — Рамсей склонился над книгой. — Какой был вопрос, сэр? Если, конечно, не секрет.

— Я выяснил нынешнюю ситуацию, — ответил Тагоми. — Ситуацию для всех нас. Нет черт развития. Статичная гексаграмма. — Он закрыл книгу.

* * *

В три часа того же дня Фрэнк Фринк, ожидавший со своим компаньоном ответа Уиндэма–Мэтсона, решил посоветоваться с Оракулом. «Какие события грядут?» — спросил он и подбросил монетки.

Выпала гексаграмма сорок семь. Он получил одну черту развития, «девятку», на пятой позиции.

«Отрежут нос и ноги.

Будет трудность от человека в красных наколенниках.

Но понемногу наступит радость.

Это благоприятствует вознесению жертв и молений».

Очень долго — почти полчаса — он изучал текст и комментарии, пытаясь понять смысл пророчества. Гексаграмма, особенно черта развития, встревожила его. Наконец он с сожалением пришел к выводу, что денег они с Маккарти не получат.

— Слишком уж ты полагаешься на эту книгу, — заметил Эд.

В четыре часа курьер из «Корпорации У–М» вручил Фрэнку и Маккарти большой конверт, из которого они извлекли чек на две тысячи долларов.

— Выходит, ты был неправ, — решил Маккарти.

Фрэнк задумался. Значит, Оракул указывает на некие будущие последствия их поступка. Это обеспокоило. Когда они скажутся, эти последствия, станет ясно, что Оракул имел в виду. А пока…

— Можно браться за мастерскую, — сказал Маккарти.

— Сегодня? Сейчас? — У Фрэнка сильнее забилось сердце.

— Ну да. Заявки на материалы готовы, остается бросить их в почтовый ящик. Чем раньше мы это сделаем, тем лучше. Что сможем, раздобудем здесь. — Эд надел пиджак и направился к выходу.

Владелец дома, в котором жил Фрэнк, согласился сдать под мастерскую подвал. Пока подвал служит им кладовой, но скоро они выбросят картонные коробки, соорудят верстак, протянут проводку, ввернут лампочки и установят моторы с приводными ремнями. У них готовы эскизы, разработана технология и составлены списки

всего необходимого.

«По сути, мы уже начали», — подумал Фрэнк. Они с Маккарти даже название сочинили: «Эдфрэнк. Ювелирные изделия на заказ».

— Ну, досок на верстак и кое–чего из оборудования мы, может, сегодня купим, — сказал Фрэнк. — А вот ювелирные инструменты вряд ли.

Они отправились на рынок пиломатериалов на южной окраине Сан–Франциско и через час приобрели доски.

— Что тебя гложет? — спросил Эд Маккарти, когда они входили в магазин скобяных товаров.

— Деньги. Мне не по душе то, как мы их раздобыли.

— Зато старине У–Эму утерли нос, — сказал Маккарти.

«Знаю, — подумал Фрэнк. — Именно это мне и не нравится. Мы действуем его методами».

— Сделав выбор, не оглядывайся, — назидательно произнес Маккарти. — Смотри вперед. Думай о деле.

«А я и гляжу вперед, — подумал Фрэнк. Он размышлял о пророчестве. — Интересно, какие от меня требуются жертвы и моления? И кому?»

Глава 7

В конце недели Роберту Чилдэну позвонил Казоура и пригласил его на обед. Чилдэн пришел в восторг — все эти дни он с нетерпением ждал, когда молодая супружеская чета даст о себе знать.

Он раньше обычного запер дверь «Художественных промыслов Америки», взял велотакси и направился в фешенебельный район, где жили Казоура. В этом районе обитали только японцы, однако Чилдэн ориентировался здесь неплохо. Проезжая по петляющим улицам с ухоженными газонами и склонившимися над ними ивами, он восхищался шикарными ультрасовременными многоэтажками, балконами с перилами из кованого железа, высокими оригинальными колоннами, пастельными тонами, новыми строительными материалами… Короче говоря, что ни дом, то произведение искусства. А ведь совсем недавно здесь были развалины.

Игравшие на улицах в футбол или бейсбол японские дети провожали Чилдэна равнодушными взглядами и тут же забывали о нем. Зато

взрослые, хорошо одетые бизнесмены, которые в этот час возвращались с работы, смотрели на него с интересом. Наверное, удивлялись: неужели он здесь живет?

Чем ближе Чилдэн подъезжал к дому Казоура, тем сильнее нервничал.

«Вот я и приехал. И приглашен, между прочим, не по делам, а на обед», — отметил он, поднимаясь по лестнице. Прежде чем отправиться в гости, Чилдэн изрядно намучился, выбирая костюм, зато теперь он был уверен, что выглядит безукоризненно.

«Безукоризненно, — с горечью подумал он. — Что с того? Кого обманет моя внешность? Я здесь посторонний. Когда–то белые люди расчистили эти земли и построили на них прекрасные города. А теперь я изгой в собственной стране».

По устланному ковром коридору он подошел к двери квартиры Казоура и нажал кнопку звонка. Дверь немедленно отворилась. На пороге стояла юная миссис Казоура в шелковом кимоно и оби.[36] Роскошные черные волосы были стянуты в узел на затылке.

Она приветливо улыбнулась. В гостиной, за ее

---

[36] Примечания: 36

Оби — широкий шелковый пояс, деталь традиционной японской одежды.

спиной, с бокалом в руке сидел мистер Казоура. Он помахал рукой.

— А, мистер Чилдэн. Входите.

Чилдэн поклонился и вошел.

«Отличный вкус, — отметил он, окинув комнату взглядом. — И какая аскетичность! Совсем немного вещей: лампа, стол, книжный шкаф, эстамп на стене. Непередаваемое японское чувство „ваби“. В домах англосаксов подобный интерьер найти невозможно. Только японцы способны видеть красоту в самых простых вещах, а главное, умеют их расположить.»

— Что–нибудь выпьете? — спросил Казоура. — Шотландское с содовой?

— Мистер Казоура… — начал Роберт Чилдэн.

— Пол, — поправил молодой японец и указал на жену: — Бетти. А вас…

— Роберт, — прошептал Чилдэн.

Они уселись на мягкий ковер с бокалами в руках. По комнате плыли звуки кото — японской тринадцатиструнной арфы. Эта пластинка, выпущенная фирмой HMV, была очень популярна.

Проигрыватель был укрыт от глаз, и Чилдэн не мог понять, откуда звучит музыка.

— Мы не знаем ваших вкусов и поэтому решили перестраховаться, — сказала Бетти. — Сейчас

на кухне в электропечи готовятся отбивные на косточке. На гарнир будет томленый картофель с луком и сметанным соусом. Говорят, если хочешь наверняка угодить новому гостю, подай ему к столу отбивную.

— Это замечательно, — сказал Чилдэн. — Обожаю отбивные. — Он говорил правду. От огромных скотоводческих хозяйств Среднего Запада Тихоокеании перепадали жалкие крохи, и Чилдэн даже не мог припомнить, когда ел хорошее мясо последний раз.

Настало время вручить хозяевам подарок.

Он достал из кармана пальто и осторожно положил на низкий столик маленький сверток. В глазах супругов появилось удивление, и Чилдэн поспешил объяснить:

— Мой скромный подарок. Чтобы хоть как-нибудь отблагодарить вас за покой и радость, которые мне дарит ваш дом. — Он развернул бумагу и протянул японцам кусочек кости, столетие назад побывавшей в умелых руках китобоя из Новой Англии. — Это искусство называлось «резьбой по моржовой кости».

По лицам молодых супругов он понял, что они знакомы с подобными изделиями. Видимо, не так уж мало осталось от культуры Соединенных

Штатов.

— Спасибо, — поблагодарил Пол.

Роберт Чилдэн поклонился.

В его душе воцарился покой. Говоря языком «Ицзина», этот подарок — малая жертва. Он все делает правильно. Неловкость и волнение окончательно покинули его.

От Рэя Калвина он получил возмещение за поддельный кольт, а также письменное заверение в том, что подобное не повторится. И все же в сердце оставалась тревога. Только здесь, в этой умиротворяющей атмосфере, он избавился от ощущения, что жизнь идет наперекосяк.

Ваби окружало его, пронизывало гармонией и покоем. «Покой — вот в чем дело, — решил он. — Стабильность и равновесие. Они близки к Дао, эти молодые японцы. Вот почему они понравились мне с первого взгляда. Я почувствовал в них Дао — уловил его отблеск. Интересно, — подумал Чилдэн, — каково это, знать, что такое Дао? Дао есть то, что рождает свет и тьму . Две непрерывно борющиеся и возрождающиеся силы. Вот что удерживает мир от старения и распада. Вселенная никогда не исчезнет, ибо в то мгновение, когда тьма, кажется, готова овладеть всем, в самых мрачных ее глубинах появляются ростки

света. Таков Путь. Семена падают в землю и там, скрытые от глаз, обретают жизнь».

— Холодные закуски, — прервала его раздумья Бетти.

Опустившись на колени, она протянула ему поднос с маленькими бутербродами и другими яствами. Чилдэн с благодарностью взглянул на хозяев.

— Вы в курсе международных событий? — спросил Пол, потягивая виски. — Возвращаясь сегодня домой, я слушал прямую трансляцию из Мюнхена, с национальных похорон. Чем–то они напоминают карнавал. Пятидесятитысячная толпа, флаги и прочее. Снова и снова звучит «Ich hatte einen Kamerad».[37] Верноподданным разрешено проститься с прахом вождя.

— Да, все это очень печально, — тяжело вздохнул Роберт Чилдэн. — Сколько неожиданного случилось за неделю…

— В сегодняшнем выпуске «Ниппон таймс» со ссылкой на достоверные источники сообщили, что Бальдур фон Ширах взят под домашний арест, — сказала Бетти. — По распоряжению СД.

— Плохо, — покачал головой Пол.

---

[37] Примечания: 37
«У меня был товарищ» *(нем.).*

— Очевидно, власти хотят сохранить порядок, — пояснил Роберт. — А фон Ширах склонен к скороспелым, непродуманным решениям. Он очень похож на Гесса. Вспомните нелепый побег Гесса в Англию.

— А о чем еще пишут в «Ниппон таймс»? — спросил Пол у жены.

— Сплошная сумятица и интриги. Приведены в боевую готовность армейские части. Отменены увольнения, закрыты границы. В рейхстаге — срочная сессия, все рвутся к трибуне.

— Я припоминаю великолепную речь доктора Геббельса, — сказал Роберт Чилдэн. — Ее передавали по радио год или два тому назад. Сколько остроумных инвектив! Как всегда, он держал аудиторию в напряжении. Так сказать, дирижировал ее чувствами. Бесспорно, с тех пор как Адольф Гитлер отошел от дел, у нацистов нет оратора, равного доктору Геббельсу.

— Вы правы, — кивнули супруги.

— У доктора Геббельса очень милые дети и жена, — продолжал Чилдэн. — И очень талантливые.

— Верно, — снова согласились Пол и Бетти.

— В отличие от большинства этих великих моголов с подозрительными сексуальными на-

клонностями он примерный семьянин, — сказал Пол.

— Я бы не очень доверял слухам, — возразил Чилдэн. — Вы имеете в виду Рема? Это старая, давно позабытая история.

— Мои слова, скорее, относятся к Герингу, — сказал Пол, рассматривая виски на свет. — О его римских оргиях ходят невероятные истории. Просто ужас, что он вытворяет.

— Это ложь, — произнес Чилдэн.

— Ну вот, нашли тему для разговора, — поспешила вмешаться Бетти.

Они допили виски, и молодая женщина вновь наполнила бокалы.

— Споры о политике чересчур горячат кровь, — заметил Пол. — Очень важно не терять голову.

— Да, — кивнул Чилдэн. — Выдержка и спокойствие. Только так можно расставить все на свои места.

— Период после смерти вождя — всегда кризисный для тоталитарной системы, — сказал Пол. — Это связано с отсутствием традиций и влияния среднего класса на… — Он запнулся. — Пожалуй, не стоит о политике. А то уж очень похоже на старые добрые студенческие времена.

Глядя на улыбающееся лицо Пола, Роберт Чил-

дэн почувствовал, что краснеет. Он стыдливо опустил глаза и склонился над бокалом. «Боже, какое ужасное начало! По–дурацки, во весь голос затеял спор о политике, да еще имел наглость не согласиться с хозяином! Только врожденная вежливость хозяйки спасла вечер. Сколько же мне еще надо учиться! — подумал он. — Они такие гостеприимные, тактичные, а я… вот уж действительно белый варвар». Он еще долго бранил себя, с деланным удовольствием потягивая виски. «Пускай они сами ведут беседу, — решил Чилдэн, — а я буду со всем соглашаться. — И тут же ворвалась паническая мысль: — Мои мозги затуманены спиртным! Я устал и нервничаю! Я наделаю глупостей, и они больше никогда меня не пригласят. Да что там — слишком поздно, уже наделал!»

Из кухни вернулась Бетти. Она снова уселась на ковер. «Какая грация! — подумал Роберт. — Фигурка просто прелесть. Все японки стройны, ни унции лишнего жира. Им не нужны пояса и бюстгальтеры. — Он спохватился. — Надо скрывать влечение. Чего бы это ни стоило. — И все же не смог удержаться от вороватого взгляда. — Какие у нее чудесные темные волосы, какие огромные глаза! В сравнении с этими людьми мы выглядим

недоделанными. Словно некий ваятель вытащил нас из печи, поленившись как следует обжечь. Как в древней индейской легенде. Надо думать о чем–нибудь другом. — Он шарил глазами по комнате, ища, за что бы ухватиться. Тишина давила на психику, невыносимо действовала на нервы. — Черт возьми, о чем говорить? О чем–нибудь нейтральном».

Чилдэн заметил книгу на невысоком тиковом бюро.

— Вижу, вы читаете роман «Из дыма вышла саранча»? — спросил он. — Мне о нем многие говорили, но все как–то не хватало времени прочесть. — Убедившись, что хозяева не имеют ничего против, он встал и направился к бюро. Похоже, они сочли это жестом вежливости. — Детектив? Простите мое дремучее невежество.

— Нет, не детектив, — ответил Пол. — Напротив, весьма любопытная литературная форма. Пожалуй, ее можно отнести к научной фантастике.

— Ну нет, — возразила Бетти. — Наука тут ни при чем. Научные фантасты в основном описывают такое будущее, в котором высоко развита техника. Ничего подобного в этом романе нет.

— Зато в нем есть альтернативное настоя-

щее, — возразил ей Пол. — Я давно увлекаюсь фантастикой, с двенадцати лет. С самого начала войны, — пояснил он Чилдэну.

— Ясно, — произнес Роберт Чилдэн.

— Хотите прочесть «Саранчу»? — спросил Пол. — Через день–другой мы ее осилим. Мое учреждение находится в деловой части города, неподалеку от вашего магазина, и я с удовольствием загляну к вам в перерыве. — Он сделал паузу, затем (возможно, по сигналу Бетти) добавил: — Роберт, мы бы с вами могли вместе позавтракать.

— Спасибо, — пробормотал Чилдэн. Других слов он не нашел.

«Подумать только: позавтракать в одном из модных ресторанов для бизнесменов! Вместе с элегантным высокопоставленным японцем!»

От одной этой мысли голова шла кругом. Однако он сумел сохранить бесстрастный вид и кивнул, глядя на книгу.

— Да, наверное, она интересная. С удовольствием прочту. Я стараюсь быть в курсе того, о чем много говорят. («Что я несу?! Признался, что интересуюсь книгой, потому что она в моде! А вдруг для них это дурной тон? Скорее всего так оно и есть».) Как известно, популярность книги

— не самый верный признак ее достоинства. Многие бестселлеры редкостная дрянь. Но эта вещь… — Он замялся.

— Вы совершенно правы, — пришла ему на помощь Бетти. — У обывателя всегда испорченный вкус.

— Так же и в музыке, — заметил Пол. — Взять, например, народный американский джаз — кто им сейчас интересуется? А вам, Роберт, нравятся Бэн Джонсон и Кид Оури? А ранний диксиленд? Я собираю джаз, у меня даже есть настоящие диски фирмы «Дженет».

— Боюсь, я недостаточно знаком с негритянской музыкой, — ответил Чилдэн. Похоже, его слова покоробили хозяев. — Предпочитаю классику: Баха, Бетховена… («Вот вам! — Он был обижен. — Попробуйте только сказать, что музыка великих европейских композиторов хуже какого–то джаза, родившегося в бистро и балаганчиках негритянских кварталов Нью–Орлеана».)

— Может, вам поставить для пробы что–нибудь из «Нью–орлеанских королей ритма»? — неуверенно предложил Пол. Он привстал, но Бетти бросила на него предостерегающий взгляд. Пол пожал плечами и сел на место.

— Скоро будем обедать, — сказала Бетти.

Пол натянуто, как показалось Чилдэну, произнес:

— Нью–орлеанский джаз — самая что ни на есть народная музыка Америки. Она родилась на этом континенте. Все остальное — например, слащавые баллады в английском стиле, которые исполнялись под лютню — пришло из Европы.

— Мы с ним вечно спорим на эту тему, — с улыбкой сказала Бетти Роберту. — Я не разделяю его любви к джазу.

Все еще держа в руках книгу, Роберт Чилдэн спросил:

— А о каком альтернативном настоящем идет здесь речь?

Чуть помедлив, Бетти ответила:

— В котором Германия и Япония проиграли войну.

Наступила тишина.

— Пора есть. — Бетти плавно поднялась. — Вставайте, господа голодные бизнесмены. Прошу к столу.

На большом столе, накрытом белоснежной скатертью, стояла серебряная и фарфоровая посуда. Из костяных колец («Ранняя американская культура», — машинально отметил Чилдэн) торчали грубые салфетки. Столовое серебро — тоже

американской работы. Темно–синие с желтым ободом чашки и блюдца — фирмы «Ройял Альберт». Такая посуда была большой редкостью, и Роберт смотрел на нее с профессиональным восхищением. А подобных тарелок он прежде не видел и не мог с уверенностью сказать, откуда они. Наверное, из Японии.

— Фарфор Имари, — заметив его любопытный взгляд, пояснил Пол. — Из Ариты. Считается одним из лучших.

Они уселись за стол.

— Кофе? — спросила Бетти у Роберта.

— Да, — ответил он. — Спасибо. Чуть позже.

Она вышла на кухню и прикатила сервировочный столик.

Обед был очень вкусным. Бетти оказалась великолепной хозяйкой. Особенно ему понравился салат: авокадо, артишоки, тертый зеленый сыр… Хорошо, что его не потчевали японскими кушаньями — с тех пор как окончилась война, овощи успели ему осточертеть.

И эти вездесущие морепродукты! Казалось, даже под пыткой он не сможет проглотить креветку или моллюска.

— А все–таки интересно, — нарушил молчание Чилдэн, — как бы выглядел мир, в котором Япо-

ния и Германия проиграли войну?

Его вопрос повис в воздухе. Спустя некоторое время Пол ответил:

— Совершенно иначе. Хотя все далеко не так просто. Лучше самому прочесть «Саранчу». Если я перескажу сюжет, вам будет неинтересно.

— Я часто размышлял на эту тему, — сказал Чилдэн, — и у меня сложилось вполне определенное мнение. Мир был бы хуже. — Его голос звучал уверенно, даже жестко. Он сам это чувствовал. — Намного хуже.

Его слова удивили молодых супругов. А может быть, не слова, а тон.

— Повсюду правили бы коммунисты, — продолжал Чилдэн.

Пол пожал плечами.

— Автор книги, мистер Абендсен, самым тщательным образом рассмотрел вопрос о беспрепятственной экспансии Советской России и пришел к выводу: даже будучи на стороне победителей, отсталая и в основном аграрная Россия неизбежно осталась бы с носом, как в Первую мировую. Россия была не страна, а пугало огородное, взять хотя бы ее войну с Японией, когда…

— А в действительности страдать и расплачиваться приходится нам, — перебил его Чилдэн. —

Но иначе не удалось бы остановить славянское нашествие.

— Не верю я ни в какие нашествия, — тихо произнесла Бетти. — Ни в славянские, ни в китайские, ни в японские. Все это болтовня. — Ее лицо оставалось безмятежным. Она превосходно владела собой — только румянец появился на щеках. И ничуть не волновалась, просто хотела выразить свое мнение.

Некоторое время они молчали.

«Опять ты свалял дурака! — выругал себя Роберт Чилдэн. — Никак не удается избежать скользких тем. Потому что они везде, о чем ни заведешь речь — о книге, случайно попавшейся на глаза, о коллекции грампластинок, о костяных колечках для салфеток… обо всей этой добыче победителей, награбленной у моих соотечественников. Да–да, надо смотреть правде в глаза. Я пытаюсь убедить себя, что я такой же, как эти японцы. Но даже если рассыпаться перед ними мелким бесом — какое счастье, благодетели мои, что вы победили, а мой народ проиграл! — между нами не возникнет духовного родства. Одни и те же слова мы воспринимаем совершенно по–разному. У них другие мозги. И души. Вот они, сидят передо мной, пьют из английских фарфоровых

чашек, едят с американского серебра, слушают негритянскую музыку. Они могут себе это позволить — у них есть деньги и власть. Но ведь все это — эрзац! Даже „Ицзин“, которую они запихали нам в глотку, — китайская книга. Позаимствованная без отдачи. Крадут у кого ни попадя обычаи, одежду, речь… С каким смаком эта парочка уплетает томленую картошку со сметанным соусом и луком — исконно американское блюдо, которое они запросто присовокупили к своему меню! Кого они хотят обмануть? Себя? Но меня вам не одурачить, уж поверьте! Только белым дано творить. И тем не менее я, плоть от плоти белой расы, должен поддакивать этим… Как тут не задуматься: а что, если бы мы победили? Стерли их с лица Земли? Только представить: Япония канула в небытие, а США — единые, могучие — в одиночку правят планетой.

Мой долг патриота — прочитать „Саранчу“, — подумал он, — как бы глупо это ни выглядело».

— Роберт, вы совсем не едите. Невкусно? — участливо спросила Бетти.

Он торопливо ткнул вилкой в тарелку.

— Нет, что вы. Я уже лет сто ничего вкуснее не пробовал.

— Спасибо. — Она явно была польщена. — Я

очень старалась, чтобы все было по–настоящему… продукты покупала на Мишн–стрит, на крошечных американских рынках.

«Ты превосходно готовишь национальные блюда, — мысленно обратился к ней Роберт Чилдэн. — Вот уж правду говорят, подражать вы мастера. Яблочный пирог, кока–кола, прогулка после кино, Глен Миллер… При желании вы могли бы соорудить искусственную Америку из жести и рисовой бумаги… На кухне — мамуля из рисовой бумаги, на диване с газетой — папуля из рисовой бумаги. В ногах у него — бэби из рисовой бумаги. И все остальное — из рисовой бумаги».

Пол не сводил с него глаз. Спохватившись, Роберт Чилдэн решил думать о чем–нибудь другом. Он положил себе на тарелку еды. «А вдруг Пол умеет читать мысли? — мелькнуло в голове. — Да ну, чепуха. А по лицу ему ни о чем не догадаться. Я все время храню бесстрастный вид». Но в этом он вовсе не был уверен.

— Роберт, — обратился к нему Пол, — поскольку вы родились и выросли в США и с детства говорите на английском, не могли бы вы разъяснить мне отдельные места из одной американской повести? Она написана в тридцатые годы.

Чилдэн ответил легким поклоном.

— Это очень редкая книга, но мне посчастливилось ее приобрести. Она называется «Подруга скорбящих». Автор — Натанаэл Уэст. Я с удовольствием ее прочитал, но понял не все.

Неожиданно для себя Роберт Чилдэн признался:

— Боюсь… я не читал этой книги. («И слыхом о ней не слыхивал», — мысленно добавил он.)

На лице Пола мелькнуло разочарование.

— Какая жалость! Это небольшая повесть о человеке, читающем письма, которые приходит в газету. Он мучительно переживает все, что ни прочтет, и в конце концов сходит с ума, возомнив себя Христом. Не припоминаете? Может быть, все–таки читали?

— Увы.

— У автора очень оригинальный взгляд на мученичество, — сказал Пол. — На проблему, которую легко решает любая религия. Христианская, например, утверждает, что с мученика снимается бремя грехов. А Уэст, видимо, имеет на этот счет другое мнение. Его герою природой предопределено мученичество, поскольку он — еврей.

— Проиграй Германия с Японией войну, евреи из Москвы и с Уолл–стрит правили бы миром.

Казалось, молодые японцы съежились. Точь–в–точь цветы, тронутые морозом, — увяли, поникли, поблекли. В комнате как будто потянуло сквозняком. Чилдэн остро почувствовал одиночество. «Что они недопоняли? Ох уж эта неспособность понять чужую культуру, образ мыслей западного человека! Чуть что им наперекор — сразу дуться. Подумаешь, трагедия! И все–таки надо что–то делать. Во что бы то ни стало вернуть ясность между нами. — Роберту Чилдэну в жизни не бывало так плохо, как сейчас, когда он расставался со своей нелепой мечтой. — С каким нетерпением я ждал этой встречи, — вспомнил он. — Как мальчишка! Словно в тумане поднимался по лестнице. Но нельзя закрывать глаза на действительность. Человек должен взрослеть. А сегодняшний вечер — хорошее отрезвляющее средство. Эти люди — на самом деле не люди. Во что бы они ни рядились, они напоминают цирковых мартышек. Они способные и все схватывают на лету — но и только.

Зачем я стелюсь перед ними? Только потому, что они — победители?

Сегодня я обнаружил один изъян в своем характере. Но ничего не поделаешь. Оказывается, у меня трогательная способность… ну, скажем,

выбирать меньшее из двух зол и все равно оставаться в дураках.

За чем мне необходимо следить, так это за языком. Не ровен час, наговорю лишнего, а они, как ни крути, победители. Чего это я так разнервничался? Они всего–навсего попросили, чтобы я разъяснил им смысл старой американской книги. Надеялись от меня, белого человека, получить ответ. А я? Разве пытался им помочь? Нет, это бесполезно, я не читал этой книги. Иначе, конечно, я бы все им объяснил».

— Может, когда–нибудь я прочитаю эту «Подругу скорбящих», — обратился он к Полу, — и мы ее обсудим.

Пол кивнул.

— К сожалению, сейчас у меня много работы, — продолжал Роберт Чилдэн. — Возможно, позднее… Уверен, это не займет много времени.

— Нет, — пробормотал Пол. — Повесть совсем короткая. — И он, и Бетти выглядели опечаленными. «Неужели они тоже почувствовали непреодолимую пропасть между нами? — подумал Чилдэн. — Хотелось бы. Они этого заслуживают. Стыд — именно то, что поможет им понять смысл книги».

И в эту минуту к нему пришел аппетит.

В тот вечер между ними больше не возникало трений. В десять вечера, выходя из квартиры Казоура, Чилдэн пребывал в приподнятом настроении и чувствовал себя уверенно. Он бодро спустился по лестнице, ничуть не боясь попасть на глаза какому–нибудь японцу, возвращавшемуся домой из общественной бани. Выйдя на темную улицу, он остановил велотакси.

«Меня всегда интересовало, как ведут себя в быту клиенты. И ничего предосудительного в этом нет, наоборот, полезно для дела. Тесное общение с людьми, стоящими выше тебя по социальной лестнице, благотворно влияет на психику. И робость перед ними проходит».

Погруженный в такие мысли, он подъехал к своему дому и выбрался из такси. Расплатившись с китайцем, Роберт Чилдэн поднялся по знакомым ступенькам.

В его гостиной сидел белый. Он удобно устроился на диване и читал газету. Увидев Чилдэна, он неохотно поднялся, сунул руку во внутренний карман пальто и достал удостоверение.

— Кэмпетай.

Перед Чилдэном стоял «буратино» — сотрудник государственной тайной полиции, организованной в Сакраменто японскими властями.

Чилдэн не на шутку испугался.

— Вы Р. Чилдэн?

— Да, сэр. — У него екнуло сердце.

— Недавно вас посетил один человек. — Полицейский сверился со своими записями. — Белый, назвавшийся доверенным лицом офицера Императорского ВМФ. Нами установлено, что он не тот, за кого себя выдавал. Ни названного им офицера, ни корабля не существует.

— Это верно, — подтвердил Чилдэн.

— К нам поступило заявление о попытке шантажа, имевшей место в районе Залива, — продолжал полицейский. — Очевидно, в нем участвовал ваш знакомый. Вы можете сообщить его приметы?

— Невысокий, довольно смуглый… — начал Чилдэн.

— Еврей?

— Да! Теперь я понял! Как я сразу не догадался…

— Взгляните. — Сотрудник кэмпетай протянул фотографию.

— Он самый, — подтвердил Чилдэн. Сходство было полное. При мысли о могуществе кэмпетай, в считанные дни вышедшей на след изображенного на фотографии человека, у него мороз

прошел по коже. — А как вы его разыскали? Я на него не заявлял, только позвонил Рэю Калвину, своему поставщику, и сказал…

Полицейский жестом велел ему замолчать.

— Мне от вас нужна только подпись. Вот тут. Простая формальность, зато вам не придется являться в суд. — Он вручил Роберту Чилдэну бумагу и авторучку. — Здесь говорится, что этот человек приходил к вам, выдавал себя за другого и так далее. Да вы сами прочтите. — Полицейский отогнул рукав и, пока Чилдэн пробегал глазами документ, смотрел на часы. — По существу верно?

— По существу — да. — Чилдэн не успел как следует вчитаться в казенные строки, к тому же он порядком устал за день. Но он точно знал: к нему под чужим именем приходил жулик, тот самый, что на фотографии. Вдобавок этот жулик, по словам сотрудника кэмпетай, еврей. Внизу на снимке стояли имя и фамилия: «Фрэнк Фринк. Урожденный Фрэнк Финк». В общем, чистокровный жид, пробу негде ставить. Да еще и фамилию изменил!

Чилдэн поставил подпись.

— Спасибо. — Полицейский взял портфель, нахлобучил шляпу, пожелал спокойной ночи и

удалился. На все дело ушли считанные минуты.

«Похоже, они его сцапают, — подумал Чилдэн. — Кем бы он ни прикидывался… Ну и славно. Хорошо ребята работают, быстро. Мы живем в обществе, где царят закон и порядок, нам не страшны паучьи сети еврейских заговоров. У нас есть надежная защита. Удивительно, как я сразу не определил его национальность? Неужели меня так легко обвести вокруг пальца? Наверное, это потому, что я не умею хитрить. Не будь закона, евреи сожрали бы меня с потрохами. Тот жид мог убедить меня в чем угодно. Они же гипнотизеры, все без исключения. Могут целый народ заставить плясать под свою дудку.

Утром поеду покупать „Саранчу“, — решил он. — Интересно, как автор представляет себе мир под пятой иудеев и коммунистов? Рейх у него, понятное дело, в развалинах, Япония — провинция России, а сама Россия раскинулась от Атлантики до Тихого океана. Не удивлюсь, если этот… сочинил войну между США и Россией. Должно быть, занятная книжка, — подумал он. — Странно, почему ее раньше никто не написал?

И все–таки эта книга дает возможность понять, как нам повезло. Несмотря на крайне невыгодное положение… Да, все могло кончиться

гораздо хуже. Из „Саранчи“ можно извлечь хороший нравственный урок. Что с того, что мы под япошками и вынуждены восстанавливать разрушенное? Зато теперь началась эпоха великих свершений — взять хотя бы колонизацию планет».

Он вспомнил: сейчас по радио должны передавать новости. Усевшись, включил репродуктор.

«Возможно, уже выбрали нового рейхсканцлера. По мне, так лучше бы Зейсс–Инкварта — он самый энергичный и с огоньком возьмется за дело. Вот бы там побывать, — мечтательно подумал он. — А что, глядишь, разбогатею, да и отправлюсь путешествовать по Европе. Сижу тут на западном побережье, кругом такое болото… А история проходит мимо».

Глава 8

В восемь утра фрейгерр Гуго Рейс, рейхсконсул в Сан–Франциско, вышел из «мерседес–бенца 220–Е» и взбежал по ступенькам консульства.

Вслед за ним поднялись двое молодых служащих МИДа. Шагнув через порог, Рейс вскинул руку, приветствуя двух телефонисток, вице–консула герра Франка и, уже в кабинете, своего секретаря Пфердхофа.

— Фрейгерр, — обратился к Рейсу Пфердхоф, — только что поступила шифрованная радиограмма из Берлина. Срочная.

Это означало: надо снять пальто и отдать его Пфердхофу.

— Десять минут назад звонил Кройц фон Меере. Просил, чтобы вы с ним связались.

— Благодарю. — Рейс уселся за столик у окна, снял салфетку с завтрака — рулет, омлет, колбаса, — налил из серебряного кофейника горячего кофе и развернул доставленную ракетой «Люфтганзы» утреннюю «Frankfurter Zeitung».[38]

Звонивший перед его приходом Кройц фон Ме-

---

[38] Примечания: 38
«Франкфуртская газета» *(нем.).*

ере был шефом Sicherheitsdienst на территории США. Его штаб–квартира (разумеется, под «липовой» вывеской) находилась в здании аэровокзала. Отношения между Рейсом и Кройцем фон Меере оставляли желать лучшего, а все потому, что их полномочия пересекались в великом множестве случаев. Вне всяких сомнений, этим они были обязаны расчетливой политике берлинских верхов. Несколько лет назад, получив почетное звание штандартенфюрера СС, Рейс формально оказался в подчинении у фон Меере. Рейс уже давно понял смысл этого хода, но так и не привык к тому, что с Кройцем фон Меере необходимо считаться.

Рейс внимательно просмотрел первую страницу газеты. Фон Ширах под домашним арестом, а может, уже убит. Паршиво. Геринг засел на учебной базе «Люфтваффе», окружив себя преданными ветеранами. Туда теперь даже мышь не проскользнет, не то что мясники из СД. А как дела у доктора Геббельса? Он, наверное, в самом центре Берлина. Как всегда, полагается только на свои мозги и неистощимое красноречие. Если Гейдрих пошлет к нему взвод солдат, Геббельс не только уговорит их нарушить приказ, но еще, того гляди, переманит к себе на службу. Сделает

из них сотрудников министерства пропаганды и общественного просвещения.

Рейс представил Геббельса в квартире какой–нибудь шикарной кинозвезды, с пренебрежением глядящего в окно, на грохочущую сапожищами солдатню. Нет, этот Kerl[39] не испугается. Будет стоять со своей знаменитой ухмылочкой… левой рукой лаская дамскую грудь, а правой строча статейку для ближайшего выпуска «Angriff».[40]

В дверь постучал секретарь, прервав раздумья Рейса.

— Прошу прощения. Опять звонит Кройц фон Меере.

Рейс поднялся, подошел к рабочему столу и взял трубку.

— Рейс слушает.

В ответ — голос шефа СД с густым баварским акцентом:

— Что–нибудь слышно об этом типе из абвера?

Вопрос фон Меере застал Рейса врасплох.

— М–м–м… — промычал он. — По моим сведениям, сейчас на Тихоокеанском побережье трое или четверо «типов из абвера».

---

[39] Примечания: 39
Парень (*нем.*).

[40] Примечания: 40
«Атака» *(нем.).*

— Я о том, который на прошлой неделе прилетел ракетой «Люфтганзы».

— А! — Прижав телефонную трубку плечом к уху, Рейс достал портсигар. — Он к нам не заходил.

— Что он сейчас делает?

— Черт, ну откуда мне знать? Спросите у Канариса.

— Давай–ка лучше звякни в МИД, попроси их связаться с Канцелярией, а те пускай прижмут Адмиралтейство и потребуют от абвера либо отозвать своих людей, либо сообщить нам, какого черта им здесь нужно.

— А вы не можете сами это сделать?

— По–твоему, у меня других забот нет?

«Ну ясно, прозевали абверовца, — решил Рейс. — Кто–то из ведомства Гейдриха велел им глаз не спускать с парня, а тот отделался от „хвоста“. И теперь я должен вытаскивать их из дерьма».

— Если придет, я кого–нибудь к нему приставлю, — пообещал Рейс. И подумал: «Интересно, с какой стати он должен сюда явиться?»

— Он прибыл под чужой фамилией, это как пить дать, — угрюмо произнес Кройц фон Меере. — Под какой — мы не знаем. Ему лет сорок.

Капитан. Аристократическая внешность. Настоящее имя — Рудольф Вегенер. Он из Восточной Пруссии, из старинного дворянского рода. Возможно, протеже фон Папена.

Рейс поудобнее устроился за столом.

Фон Меере зудел:

— Будь моя воля, я бы давно урезал флоту бюджет, чтобы эти дармоеды–монархисты не лезли…

Повесив наконец трубку, Рейс с облегчением вздохнул и уселся завтракать. Рулет успел остыть, но кофе в кофейнике остался горячим. Выпив чашку, Рейс снова взял газету.

«И так без конца, — вздохнул он, мысленно возвращаясь к разговору с Кройцем фон Меере. — Этим типам ничего не стоит позвонить и в три часа ночи — ведь в СД дежурят круглосуточно».

Приоткрылась дверь, появилась голова Пфердхофа. Увидев, что Рейс повесил трубку, секретарь сообщил:

— Только что звонили из Сакраменто. У них там паника. Оказывается, по Фриско разгуливает живой еврей.

Они посмеялись.

— Ладно, — сказал Рейс. — Позвони им, пусть успокоятся и пришлют на него бумаги. Что еще?

— Соболезнования.

— Много?

— Не очень. Если хотите прочитать, они у вас на столе. Я уже разослал ответы.

— Сегодня в час дня у нас встреча с бизнесменами, — сказал Рейс. — Мне нужно подготовиться.

— Я вам напомню, — пообещал Пфердхоф.

Рейс устроился в кресле поудобнее.

— Хотите пари?

— Только не по поводу решения Партай. Вы об этом, надо полагать?

— Изберут Вешателя.

Помявшись, Пфердхоф сказал:

— Гейдрих достиг своего потолка. Таких, как он, ни за что не допустят к руководству партией — их слишком боятся. При одной мысли об этом у партийных тузов волосы встают дыбом. Не пройдет и получаса после отъезда первого эсэсовского автомобиля от дома на Принц–Альберт–штрассе, как возникнет мощная коалиция. Финансовые воротилы вроде Круппа, Тиссена… — Он умолк.

В кабинет вошел шифровальщик с конвертом. Это была срочная радиограмма, расшифрованная и отпечатанная на машинке.

Прочитав ее, Рейс увидел вопросительно–нетерпеливое выражение на лице Пфердхофа.

Рейс скомкал листок, опустил в глиняную пепельницу и щелкнул зажигалкой.

— По их сведениям, к нам инкогнито направляется японский генерал Тедеки. Вот что, поезжай–ка в публичную библиотеку и полистай японские военные журналы, может, наткнешься на его фото. Особенно не светись. У нас здесь вряд ли найдутся сведения о нем. — Рейс встал, направился было к набитому папками шкафу, но передумал. — В общем, собирай любую информацию, не брезгуй и слухами. Может, ты хоть что–нибудь о нем помнишь?

— Кое–что помню. Он был большим забиякой. Сейчас ему, наверное, лет восемьдесят. Кажется, он отстаивал японскую космическую программу, которая потом с треском провалилась.

— Да, тут он дал маху, — кивнул Рейс.

— Не удивлюсь, если он едет сюда лечиться, — продолжал Пфердхоф. — В клинике Калифорнийского университета полно старых вояк из Японии. К их услугам немецкая хирургическая техника, которой на Родных островах днем с огнем не сыщешь. Конечно, сами они об этом не распространяются — патриотические чувства и все такое. Пожалуй, мы могли бы внедрить в университетскую больницу нашего человека,

если Берлину так интересен этот японец.

Рейс кивнул. Возможно, старый генерал участвует в коммерческих спекуляциях. Сан–Франциско ими славится. Налаженные во время службы связи могут очень пригодиться в отставке. Но в шифровке не сказано, что генерал в запасе.

— Как только раздобудешь снимок, разошли копии нашим людям в гавани и аэропорту, — велел Рейс секретарю. — Возможно, он уже здесь. Сам знаешь, как в Берлине умеют канителиться. Если генерал уже в Сан–Франциско, все шишки посыплются на наше консульство.

— Я дал квитанцию о приеме радиограммы, — сказал Пфердхоф. — Если возникнут вопросы, мы сможем указать точное время ее получения.

— Спасибо, — буркнул Рейс. Берлинские начальники — мастера перекладывать с больной головы на здоровую, а ему надоело быть мальчиком для битья. Сколько ж можно? — Да, подстраховаться не мешает. Пожалуй, стоит дать им ответ. Примерно такой: «Ваши указания запоздали. Объект уже прибыл. На данной стадии возможность перехвата исключительно мала». Как–нибудь приукрась этот текст, разбавь водичкой и отправь. Понял?

Пфердхоф кивнул.

— Отправлю немедленно. И потребую квитанцию. — Он вышел.

«Надо держать ухо востро, — подумал Рейс. — Не то не ровен час окажешься консулом у черномазой сволочи где–нибудь в Южной Африке. Заведешь себе черную кухарку, и десять негритят будут называть тебя папулей».

Он закурил египетскую сигарету «Саймон Арц 70» и аккуратно закрыл портсигар. Надеясь, что в ближайшее время его никто не потревожит, вытащил из портфеля книгу и раскрыл на отмеченном закладкой месте.

«Неужели когда–то он бродил по тихим улочкам, где неторопливо катили машины? Неужели то далекое воскресное утро в безмятежном зоопарке не было вымыслом?..» Мирная жизнь. Вкус мороженого — его уже никогда не ощутить. Теперь он радовался, когда удавалось поесть вареной крапивы.

— Боже! — вскрикнул он. — Неужели они никогда не остановятся?

По городу шли огромные английские танки.

Еще одно здание — жилой дом, а может, магазин или школа, отсюда было не разобрать, — вздрогнуло и превратилось в груду обломков. Под ними нашла могилу горстка бедолаг — и ни криков о

помощи, ни предсмертных стонов. Гибель раскинула свои крылья над здоровыми, ранеными и над мертвыми, от которых уже исходило зловоние. Смердящий, разлагающийся на глазах труп Берлина, беззвучно рассыпающиеся старинные башни, гордость города…

Мальчик взглянул на свои руки, серые от пепла. Все — живое и мертвое — превратилось в пепел.

Так думал мальчик. Больше он ни о чем не мог думать, вернее, в этой сумятице, среди воплей и канонады, все мысли сводились к одному — к еде.

Шесть дней он не ел ничего, кроме крапивы. А теперь и ее не осталось — пустырь превратился в огромную воронку, на краю которой призрачно маячили человеческие силуэты: мальчишка, женщина со старушечьим платком на голове и пустой корзиной под мышкой, однорукий инвалид с такими же пустыми, как и корзина, глазами. И девушка. Вскоре все они растаяли среди пней и нагромождения стволов погибшей рощи, где прятался маленький Эрик.

А вереница танков все ползла и ползла.

— Неужели это не кончится? — спросил мальчик, ни к кому не обращаясь. — А если кончится, что тогда? Удастся ли нам набить животы…

— Фрейгерр, — раздался над ухом голос Пфердхофа, — ужасно не хочется вас отвлекать, но…

Рейс подпрыгнул как ужаленный и захлопнул книгу.

— Ничего, я слушаю!

«Ну и здорово мужик пишет! — восхитился он. — Совсем меня заморочил. Я ведь будто своими глазами увидал, как британцы разрушают Берлин. Брр! — Он поежился. — Удивительно все–таки, как сильно литература может действовать на психику. Даже бульварщина вроде этой „Саранчи“. Дураку ясно, почему ее запретили. Я бы и сам запретил. Зря, конечно, я за нее взялся, но теперь делать нечего, нужно дочитать».

— В приемной моряки с немецкого корабля, — сообщил секретарь. — Пришли отметиться.

— Хорошо. — Рейс торопливо вышел.

В приемной сидели трое моряков в толстых серых свитерах, с пышными светлыми шевелюрами и волевыми, слегка взволнованными лицами.

Рейс поднял правую руку и со сдержанной улыбкой приветствовал их:

— Хайль Гитлер!

— Хайль Гитлер! — ответили они вразнобой и протянули Рейсу документы.

Отметив им явку в консульство, он вернулся в кабинет и снова раскрыл «Саранчу».

Раскрыл на случайной странице и не смог оторваться, вернуться туда, где остановился. Глаза сами забегали по строчкам, он почувствовал жар в затылке.

«Суд над Гитлером, — догадался он. — После капитуляции Гитлер попадает в лапы союзников. Господи Боже! И Геббельс, и Геринг, и все остальные! Процесс в Мюнхене. Гитлер отвечает обвинителю–американцу».

«…черном воспаленном мозгу, казалось, на миг ожил прежний боевой дух. Трясущееся дряблое тело выпрямилось, голова поднялась. Со слюнявых уст сорвался сиплый полулай–полушепот: „Deutchland, ich bin mit dir“.[41] И сразу тех, кто смотрел и слушал, охватило оцепенение, плотнее прижались к ушам головные телефоны, напряглись лица русских и американцев, британцев и немцев. „Да, — подумал Карл, — снова мы слышим его… Нас не только разбили — перед нами раздели догола этого сверхчеловека, показав, кто он на самом деле. Всего–навсего…“»

— Фрейгерр.

---

[41] Примечания: 41
Германия, я с тобой *(нем.)*.

Пока Рейс читал, в кабинет вновь вошел секретарь.

— Я занят, — бросил Рейс, — пытаюсь прочесть эту книгу, черт бы ее побрал!

Но злиться было бессмысленно, он это знал.

— Снова шифровка, — сообщил Пфердхоф. — Только что приняли. Она касается политической ситуации.

— А подробнее? — Рейс потер лоб.

— По радио неожиданно выступил доктор Геббельс. С очень важной речью. — Секретарь был порядком взволнован. — Нам предлагается опубликовать ее текст в здешней прессе.

— Да–да, — сказал Рейс.

Как только секретарь затворил за собой дверь, Рейс снова раскрыл книгу. «Опять, наплевав на мои инструкции, сует нос куда не следует», — подумал он о Пфердхофе и перевернул несколько страниц.

«…тишине взирал на покрытый знаменем гроб. „Вот он лежит передо мной, но на самом деле он ушел, ушел навсегда. И никакая в мире сила не вернет его нам. Человека — или все–таки übermensch[42]“, в которого Карл слепо верил и

[42] Примечания: 42
Сверхчеловек *(нем.)*.

которого боготворил даже на краю могилы.»

Адольф Гитлер почил навеки, но Карл цеплялся за жизнь.

«Ты не пойдешь за ним следом, — шептал Карлу внутренний голос. — Ты будешь жить. И восстанавливать разрушенное. Мы все будем строить. Мы должны».

К чему же привело его коварство вождя?! И теперь, когда дописана наконец невероятная летопись Рейха, остается спросить: как этому человеку удалось пройти путь из провинциального австрийского городка через тлетворную нищету в Вене, через борьбу в Партай — к посту канцлера, к тому краткому мигу, когда он считал себя чуть ли не властелином мира?

Карл знал: благодаря лжи. Адольф Гитлер лгал. Лгал всегда. Вел народ за собой, загипнотизировав пустыми речами.

«Мы раскрыли твой обман, Адольф Гитлер. И наконец узнали, кто ты на самом деле, что такое нацистская партия и для чего тебе потребовалась жуткая эпоха убийств и маниакальных фантазий. Мы поняли». Карл повернулся и пошел прочь от безмолвствующего гроба…

Закрыв книгу, Рейс некоторое время сидел неподвижно. «Надо бы хорошенько нажать на

япошек, чтобы запретили чертову книжонку. С их стороны это просто свинство, они без труда могут арестовать писаку, как там его… Абендсена, что ли? Власти у них на Среднем Западе хоть отбавляй».

Неожиданно Рейс расстроился. Его огорчила смерть Адольфа Гитлера, гибель Партай и самой Германии в книге Абендсена. Но не только это. В романе звучал истинный пафос, утраченный в мире, которым правила Германия. «Как ему это удалось? Неужели дело только в таланте?»

В арсенале этих беллетристов миллион всяких приемчиков. Взять того же доктора Геббельса — начал свою карьеру с художественной литературы, обращался к самым потаенным страстишкам, гнездящимся в любом человеке, какой бы пост он ни занимал. Да, писатель должен разбираться в людях. Знать всю их никчемность, трусость, похотливость и продажность. Стоит только писателю ударить в барабан, а уж отклик будет. Ему останется лишь похихикать над произведенным эффектом.

«Нет, вы только поглядите, как он играет на моих чувствах! — возмутился Рейс. — Именно на чувствах, а не на рассудке. И уж, конечно, не за так. Свои денежки он наверняка огреб,

Hundsfott.[43] Эти подонки о чем угодно напишут, лишь бы платили. Наворотят гору дерьма — публика сожрет, не поморщится. Ну–ка, где ее тиснули? — Рейс перевернул книгу. — Омаха, Небраска. Последний оплот издательской плутократии США, некогда процветавшей в Нью–Йорке на золото жидов и коммунистов…»

Может, и этот Абендсен — жид?

Они еще не все передохли, еще пытаются нас отравить. Judisches buch![44]

Он яростно захлопнул книгу.

Наверняка его фамилия — Абендштейн. Как пить дать, за ним охотится СД.

Надо обязательно послать кого–нибудь в ШСГ с визитом к герру Абендштейну. Не исключено, Кройц фон Меере уже получил на этот счет инструкции. А может, и нет — в Берлине сейчас кавардак… Кому есть дело до какого–то еврея? А зря.

Эта книга очень опасна. И если одним прекрасным утром мистера Абендштейна найдут подвешенным к потолку, то на тех, кто проникся его идеями, это подействует отрезвляюще. За

---

[43] Примечания: 43
Вонючий пес *(нем.)*.

[44] Примечания: 44
Еврейская книга *(нем.)*.

нами останется последнее слово. Постскриптум, так сказать.

Само собой, для такой акции нужен белый человек. Интересно, что сейчас поделывает Скорцени? — Рейс перечитал текст на обороте обложки. — Боится жидюга — забаррикадировался в своем Высоком Замке. Черта с два, мы тоже не вчера родились. Когда–нибудь выковырнем тебя оттуда.

Может, конечно, это глупо. В конце концов книга издана и разошлась. Да и территория подконтрольна японцам, случись что, желтопузые такой хай поднимут…

Но дельце можно обтяпать так, что комар носа не подточит. Нужен толковый парень…

Фрайгерр Гуго Рейс сделал пометку в записной книжке: «Обсудить этот вопрос с группенфюрером СС Отто Скорцени, а еще лучше — с Отто Олендорфом из Reichssicher heits hauptamt.[45] Кажется, это он возглавляет Einsatzgruppe D[46] в третьем Amt[47]».

---

[45] Примечания: 45
Управление службы безопасности Рейха *(нем.).*

[46] Примечания: 46
Оперативная группа Д *(нем.).*

[47] Примечания: 47
Отдел *(нем.).*

И тут его вдруг замутило от бешенства. «Неужели это будет продолжаться вечно? — подумал он. — Сколько лет прошло с войны; казалось, самое главное сделано. И вот теперь — фиаско в Африке и полоумный Зейсс–Инкварт, осуществляющий идиотские замыслы Розенберга. Герр Хоуп прав, издеваясь над нашей марсианской эпопеей. Надо же было придумать — Марс заселен евреями! А ведь мы их наверняка там встретим. Именно двухголовых и в фут ростом. Впрочем, мне на это наплевать, — решил Рейс. — Своих дел по горло. На авантюры вроде посылки айнзатцкоманды за Абендсеном просто нет времени. Хватит с меня возни с немецкими моряками и шифрованными радиограммами, пускай Абендсена ловят ищейки из СД. Им за это деньги платят. А если бы я и провернул это дельце, то еще неизвестно, где бы очутился, — может, в следственном изоляторе генерал–губернатора США или сразу в камере с „Циклоном Б“».

Он тщательно стер карандашную запись, а потом и вовсе вырвал листок и сжег его в глиняной пепельнице.

В дверь постучали, вошел секретарь с пачкой бумаг.

— Речь доктора Геббельса. Полная. — Пфердхоф

положил бумаги на стол. — Очень рекомендую ознакомиться. Отличная речь, одна из лучших.

Закурив «Саймон Арц», Рейс углубился в речь доктора Геббельса.

Глава 9

Спустя две недели почти непрерывной работы компания «Эдфрэнк» уже располагала первой партией товара. Украшения были разложены на двух лотках из фанеры, обтянутой черным бархатом. Эд Маккарти и Фрэнк Фринк обзавелись даже визитными карточками, вырезав клише своих фамилий на стирательных резинках, а рамки оттиснув с помощью детского ротапринта. Получилось очень красиво — красные фамилии в узорных рамках на плотной разноцветной бумаге для рождественских открыток.

За что бы ни брались Эд и Фрэнк, все удавалось на славу. Никакой кустарщины — украшения, визитка и лотки говорили о высоком мастерстве изготовителей. «Да и как иначе? — думал Фрэнк. — Ювелирное дело — сложная штука, но мы же профессионалы, всю жизнь не вылезали из цеха».

Он еще раз глянул на украшения: браслеты из меди, бронзы и латуни, даже из вороненой стали; кулоны, по большей части медные с серебряным узором; серьги из серебра; серебряные и медные

броши. Серебро влетело им в копеечку, даже серебряный припой увеличивал себестоимость изделий. Да и несколько полудрагоценных камней, вправленных в броши, стоили недешево. Зато как красиво смотрелись жемчуг, шпинель, яшма и осколки дымчатого опала! А если дела пойдут неплохо, Эд и Фрэнк раскошелятся на золото и пяти–шестиграновые бриллианты.

Да, на золоте можно делать большие деньги. Эд и Фрэнк уже прикидывали, где бы подешевле купить золотой лом и штампованные довоенные безделушки, не имеющие художественной ценности, — это куда дешевле, чем новое золото. Все–таки без солидного капитала к благородным металлам не подступишься. С другой стороны, продать красивую, умело сработанную золотую брошь выгоднее, чем сорок медных. За нее можно заломить большую цену… «Если вообще кто–то захочет покупать наши украшения», — скептически подумал Фрэнк.

Они еще не пытались торговать, зато разделались с основными техническими проблемами: установили на верстаке моторы, вал с дисками для черновой шлифовки и полировки. Они располагали полным комплектом инструментов и материалов, от напильников и грубых наждач-

ных кругов до основ из хлопка, льна, кожи и замши, которые можно было покрыть разными абразивами, от корунда и пемзы до самых мягких. И главное, у них были ацетиленовый сварочный аппарат, с баллонами, манометром, шлангами и масками, и превосходные ювелирные инструменты из Германии и Франции: микрометры, алмазные сверла, пилки, клещи, пинцеты, тиски, ножницы, молоточки.

Был запас сырья и фурнитуры: разнокалиберные стержни припоя, фольга, заколки для брошей, застежки для сережек. На банковском счету компании «Эдфрэнк» осталось всего двести пятьдесят долларов, зато производство было полностью организовано. Требовалось наладить сбыт.

«Ни один покупатель не станет проверять наш товар тщательнее нас самих», — подумал Фрэнк.

Вещицы, отобранные для демонстрации, и в самом деле выглядели неплохо. Сколько труда ушло на удаление заусенцев, изъянов сварки, пятен, оставленных огнем… Ведь чтобы забраковать вещь, достаточно обнаружить небольшое пятнышко или царапину от напильника. «Мы не можем схалтурить даже в мелочах, — подумал Фрэнк. — Одно черное пятнышко на серебряном

колье, замеченное продавцом, — и все труды прахом».

Магазин Роберта Чилдэна стоял первым в их списке. Но туда мог идти только Эд; Фрэнка Чилдэн наверняка запомнил.

— В основном сбыт ляжет на тебя, — сказал Фрэнку Маккарти, но идти к Чилдэну согласился. Чтобы выглядеть солиднее, он купил добротный костюм, новый галстук и белую сорочку. Но от робости избавиться не мог.

— Наш товар — загляденье, — в сотый раз повторил он, — но — чем черт не шутит…

Большинство изделий имело абстрактную форму: свитая в спирали и петли проволока, произвольно застывший металл. Некоторые были тонкими и воздушными, как паутина, другие — по–варварски массивными. На бархатных лотках лежало не так много вещей, но создавалось впечатление большого разнообразия форм. «Вот бы нашелся магазин, где все это возьмут! — мечтал Фрэнк. — С Чилдэном ничего не получится — обойдем все лавки одну за другой. Если удача нам улыбнется и вещи придутся покупателю по вкусу, нас завалят заказами на всю оставшуюся жизнь».

Эд и Фрэнк уложили обтянутые бархатом фа-

нерки на дно изящной японской корзины.

«Если ничего не выйдет — продадим металлы, — решил Фрэнк. — Да и оборудование. Всех денег не вернем, но хотя бы часть.»

Самое время обратиться к Оракулу. Спросить, чем закончится первая попытка Эда. Зря Фрэнк так нервничает. Возможно, это дурной знак. Но что бы ни сказала «Книга Перемен», выбор уже сделан: мастерская открыта, украшения готовы.

— В общем, первым делом я наведаюсь к Чилдэну, — прервал его раздумья Маккарти. — Хотя с ним мы могли бы и повременить. Ну ладно, если он мне откажет, ты сходишь к двум другим. Ты ведь поедешь со мной, а? Подождешь в машине за углом?

Когда они садились в пикап, Фрэнк подумал: «Одному Богу известно, какие из нас с Эдом торговцы. Чилдэну, конечно, можно что–нибудь продать, но для этого нужно произвести на него впечатление. Пустить пыль в глаза.

Будь здесь Джулиана, она окрутила бы Чилдэна в полминуты. Она такая соблазнительная, бойкая на язык, а главное — она женщина». Закрыв глаза, Фрэнк попытался представить, как смотрелся бы на ее руке один из браслетов. Или большое колье. Да, было бы здорово, если бы Джулиана

отправилась к Чилдэну с нашими вещичками. Ведь это женская бижутерия. Чилдэн просто упал бы в обморок при виде ее черных волос, бледной кожи, меланхоличного, скучающего взгляда, безупречной груди, чуть туже, чем следует, обтянутой джемпером, в вырезе которого поблескивает серебро…

Он представил ее так живо, будто они расстались вчера. Представил, как длинными сильными пальцами она берет безделушку и, запрокинув голову, любуется. У Джулианы хороший вкус.

«Больше всего ей подошли бы сережки, — размечтался он. — Яркие, броские, из красной меди. Волосы лучше подстричь покороче или стянуть на затылке заколкой, чтобы видны были серьги и колье. А еще неплохо бы сделать для рекламы несколько ее фотоснимков. — У них с Эдом заходила речь о проспекте для рассылки в другие города и страны. — Она бы выглядела сногсшибательно… Интересно, если я ее разыщу и предложу с нами работать, она не откажется? Не важно, что она обо мне думает, мы же не будем лезть в личную жизнь друг друга. Только общие деловые интересы. Я даже не стану ее сам фотографировать — найдем профессионального фотографа. А что, наверное, ей бы моя затея пришлась по

душе. Она всегда любила, чтоб на нее глазели и восхищались. Как дитя малое, которому всегда надо быть в центре внимания, — иначе как–то не по себе. Наверное, сейчас кто–то за ней приударяет. Говорит ей, какая она милашка. Какие у нее чудесные ноги и гладкий плоский живот».

— Что с тобой? — искоса взглянув на него, спросил Маккарти. — Нервничаешь?

— Нет, — ответил Фрэнк.

— Я не собираюсь стоять там дурак дураком, — сказал Маккарти. — У меня есть кое–какие мыслишки. Не думай, я вовсе не боюсь. Да, а не люблю рядиться под джентльмена, и мне немного не по себе. Но это пустяки. Я все равно пойду и продам наш товар этому хлыщу.

«Дай–то Бог», — подумал Фрэнк.

— Черт возьми, если б ты мог пойти к Чилдэну, как в тот раз, и снова прикинуться поверенным японского адмирала, которому нужна бижутерия… Ведь у нас отменные вещицы, верно? Оригинальной формы, самодельные…

— Не самодельные, а ручной работы, — поправил Фрэнк.

— Ну да, ручной работы. Так вот, я не отстану от Чилдэна, пока он не получит полное удовольствие за свои денежки. Дурак он будет, если

откажется, вот что я тебе скажу. Где еще делают такую бижутерию, как у нас? Да я как представлю, что он посмотрит и не купит, — у меня кулаки чешутся…

— Не забудь ему сказать, что это не покрытие. Латунные украшения целиком из латуни, медные — из меди.

— Ты уж дай мне самому решать, что говорить, — обиделся Маккарти. — Не волнуйся, молчать не буду.

«А я сделаю вот что, — подумал Фрэнк. — Выберу тайком от Эда одну–две побрякушки и пошлю Джулиане. Пусть знает, чем мы занимаемся. Пошлю по прежнему адресу, а на почте разберутся. Интересно, что она скажет, распечатав бандероль? Надо приложить записку — моя, мол, работа, а сам я — партнер в небольшом предприятии по производству бижутерии. Распалю ее воображение и намекну: если хочешь участвовать… Расскажу что–нибудь интересное о драгоценных камнях и металлах…»

— Кажется, здесь? — Маккарти притормозил. Они находились в деловом центре; по улице плотным потоком шли машины. — Пожалуй, пора искать стоянку.

— Еще пять кварталов, — сказал Фрэнк.

— У тебя найдется сигарета с марихуаной? — спросил Эд. — Надо бы малость успокоиться.

Фрэнк протянул ему пачку сигарет «Небесная музыка», к которым пристрастился в «Корпорации У–М».

«Да, наверняка она с кем–нибудь живет, — со вздохом сказал себе Фрэнк. — Спит с ним, как жена. Я ее знаю. Джулиана никак не может по–другому. С наступлением сумерек, когда на улице темно и холодно и все порядочные люди сидят в кругу семьи у камина, она просто чокнутая становится… Она не рождена для одиночества. Да и я тоже. Может, ее парень и неплохой, — думал он. — Джулиане ничего не стоит подцепить какого–нибудь студентика. Этакого маменькиного сынка, которому и невдомек, как к бабе подойти. Она не жестокая и не циничная, она может дать парнишке много хорошего. Чертовски хочется верить, что она не нашла себе кого постарше, какого–нибудь „супермена“ с вечно торчащей изо рта зубочисткой…»

Фрэнк заметил, что стал тяжело дышать, вообразив мясистого, волосатого мужика, который обращается с Джулианой как с вещью, всячески унижает и оскорбляет ее…

«Я знаю — рано или поздно она покончит с со-

бой, — подумал он. — Это у нее на роду написано. Если только не найдет себе настоящего друга, то есть нежного, внимательного, доброго, способного понять и оценить ее. Я был слишком груб с ней. — Фрэнк печально вздохнул. — Хотя я не такой уж плохой, бывают хуже. Я всегда понимал, о чем она мечтает, чего хочет, когда ей одиноко, тоскливо… И нянчился, и успокаивал… Но этого мало. Она заслуживала большего».

— Я тут остановлюсь. — Маккарти высмотрел свободное место, развернул грузовик и, оглядываясь, дал задний ход.

— Послушай, — сказал Фрэнк, — можно, я пошлю одну–две вещицы своей жене?

— Я и не знал, что ты женат, — рассеянно произнес Маккарти. — Пожалуйста, только не серебряные. Приехали. — Затянувшись напоследок, он раздавил сигарету в пепельнице. — Пожелай мне удачи.

— Удачи, — сказал Фрэнк Фринк.

— Гляди, тут на пачке вака — японское стихотворение. — Маккарти прочитал вслух:

Услышав голос кукушки,
Я взглянул туда,
Откуда доносился звук.
И что я там увидел?

Только бледную луну в рассветном небе.

Он хлопнул Фрэнка по спине, ухмыльнулся, открыл дверцу и, подхватив корзину, вышел.

— Не забудь бросить в счетчик десятицентовик. — Через секунду он затерялся среди пешеходов.

«Джулиана! — мысленно воззвал Фрэнк. — Может быть, тебе сейчас так же одиноко, как и мне?»

Он вылез из пикапа и бросил монетку — плату за стоянку — в счетчик.

«Боюсь, — подумал Фрэнк. — Боюсь за наше дело. А вдруг — неудача? Вдруг Эд ничего не сумеет продать? А если над нами посмеются… Что тогда?»

Джулиана лежала на простыне, на полу гостиной, в объятиях Джо Чиннаделлы. В комнате, залитой лучами послеполуденного солнца, было душно. Тела Джулианы и лежащего на ней мужчины были скользкими от пота. Со лба Джо скатилась капля, задержалась на скуле и упала Джулиане на шею.

— С тебя капает, — прошептала она.

Джо промолчал. Он ровно, глубоко дышал. «Как океан», — подумала Джулиана.

— У нас внутри нет ничего, кроме воды. И те-

перь придется отлипать друг от друга.

Джо пошевелился.

— Уже встаешь? — Она прижала его к себе. — Погоди.

— Тебе не пора в спортзал?

«Не пойду в спортзал, — решила Джулиана. — Неужели ты еще не понял? Мы не останемся здесь, мы куда–нибудь уедем. Куда–нибудь, где не были прежде».

Она чувствовала, как Джо поднимается на колени. Ладони Джулианы скользнули по его влажным бокам. Джо отошел, шлепая по полу босыми ногами. В ванную, конечно.

«Все кончилось, — вздохнула Джулиана. — Ну и ладно».

— Слышу, слышу, — сказал Джо из ванной. — Опять стонешь. Постоянная депрессия, верно? Тревога, страх и подозрительность. По отношению ко мне и ко всему миру… — Он появился в дверях весь в мыле, улыбающийся. — Как насчет путешествия?

У нее быстрее забилось сердце.

— Куда?

— В какой–нибудь большой город. Можно махнуть на север, в Денвер. Гульнем на всю катушку. Будет тебе и концерт, и ресторан, и такси, и ве-

чернее платье — все, что захочешь. О'кей?

В это было трудно поверить. Но поверить очень хотелось.

— Твой «студик» не развалится по дороге?

— Еще чего! — возмутилась она.

— Купим приличную одежду и кутнем, может, впервые за всю жизнь. Тебе надо хорошенько отдохнуть, не то сломаешься.

— А где мы денег возьмем?

— У меня есть, — улыбнулся Джо. — Погляди в саквояже.

Джо затворил дверь в ванную. Он что–то еще говорил, но Джулиана за шумом воды не слышала.

Отворив дверцу платяного шкафа, она достала обшарпанный, засаленный саквояж. Запустив в него руку, почти сразу наткнулась на конверт с крупными банкнотами Рейхсбанка, имеющими хождение практически везде.

«Да, на это можно кутнуть, — подумала она, считая деньги. — А мне казалось, он просто лапшу на уши вешает. Вот бы забраться к нему в башку, поглядеть, что там творится».

Под конвертом лежала огромная поршневая авторучка цилиндрической формы. Во всяком случае, внешне предмет походил на авторучку. Но был непривычно тяжелым. Джулиана

поспешно отвинтила колпачок. Да, с золотым пером. Но…

— Что это? — спросила она, когда Джо вышел из ванной.

Он забрал авторучку и положил в саквояж. «Как бережно он с ней обращается!» — мелькнула мысль.

— Опять болезненная мнительность? — спросил Джо.

Таким беззаботным она его еще не видела. С громким возгласом он схватил ее за талию, поднял и закружил по комнате. Потом поставил на ноги и прижимал к себе, пристально глядя в глаза и обдавая теплым дыханием, пока она не ответила:

— Нет. Просто я тяжелая на подъем.

«Все–таки я тебя побаиваюсь, — подумала Джулиана. — Так побаиваюсь, что даже признаться тебе в этом не могу».

— В окно! — воскликнул Джо, неся ее на руках через всю гостиную. — Вот куда мы выйдем!

— Ну пожалуйста! — взмолилась она.

— Шучу, — хмыкнул он. — Слушай, а давай отправимся в поход, вроде марша на Рим! Помнишь? Их вел сам дуче, моего дядю Карло в том числе… А теперь у нас будет маленький марш,

но не такой знаменитый, не для учебников истории. — Наклонившись, он так крепко поцеловал Джулиану, что они стукнулись зубами. — Как шикарно мы будем смотреться в обновках! И ты мне объяснишь, как надо себя вести в обществе, ладно? Научишь хорошим манерам.

— Ты нормально держишься, — сказала Джулиана. — Даже лучше, чем я.

— Нет! — Он сразу помрачнел. — Я паршиво говорю. За версту слыхать макаронника. Разве не заметила акцента еще в кафе?

— Вроде есть немножко. — Для нее это не имело значения.

— Только женщины разбираются в светских условностях. — Джо отнес Джулиану назад и с шумом уронил на диван. — Не будь женщин, мы бы только и говорили о лошадях и гоночных машинах да несли похабщину.

«Что это на тебя нашло? — размышляла Джулиана. — Пока не придумал этот „марш“, ходил как неприкаянный. А теперь прыгаешь по комнате, ошалев от радости. Что в самом деле тебе нужно? Ты бы мог спокойно смыться, бросив меня здесь. Да я и не стала бы тебя удерживать, мне не впервой».

— Это твой заработок? — Она кивнула на кон-

верт. — Сбережения? — Денег в конверте было слишком много. Впрочем, говорят, на востоке их куры не клюют. — Мне случалось разговаривать с водителями грузовиков. Им…

— С чего ты взяла, что я водитель? — перебил ее Джо, одеваясь. — У меня в этом рейсе другая работа. Я охраняю груз от бандитов, а прикидываюсь вторым водителем, дрыхнущем в кабине. — Он рухнул в кресло, откинул голову, приоткрыл рот и захрапел. — Понятно?

Вдруг она увидела в его руке нож — тонкий, вроде кухонного для чистки картофеля.

«О Господи! — испугалась Джулиана. — Откуда он взялся? Из рукава? Из воздуха?»

— Вот почему меня приняли в «Фольксваген». Служебная анкета помогла. Во время войны мы столкнулись с Хазельденом и его коммандос. — Черные глаза Джо заблестели. — Угадай, кто в конце концов прикончил полковника? Как–то ночью, спустя несколько месяцев после каирской битвы, мы встретились с англичанами на Ниле. У них кончился бензин, и Хазельден с четырьмя людьми из «дезерт груп» напал на нас. Я стоял часовым. Хазельден подполз, как змея, весь в черной краске, даже руки. В этот раз у них не было проволоки, только гранаты и автоматы.

Слишком шумное оружие. Он попытался сломать мне шею, да не вышло. — Джо вскочил и, хохоча, бросился к Джулиане. — Давай собирайся. Позвони в спортзал, скажи, что берешь отпуск на несколько дней.

Рассказ показался Джулиане неубедительным. «Какие бандиты? — недоумевала она. Ей никогда не приходилось слышать, чтобы проходящие через Каньон–Сити грузовики с восточного побережья сопровождала профессиональная охрана из бывших солдат. Может, он и в США никогда не жил? И в Северной Африке не был, не сражался на стороне Оси и вообще не воевал? Просто сочинил романтическую историю, чтобы запудрить мне мозги? Не исключено, он сумасшедший… Смешно, — подумала Джулиана, — спрашивается, зачем мне дзюдо, если я не пытаюсь защититься? Защититься — от чего? От посягательства на невинность? Нет, — сказала она себе, — на жизнь. Впрочем, скорее всего он просто полунищий макаронник, всю жизнь месивший грязь в мечтах о шикарной жизни. Теперь ударится в загул, промотает денежки и вернется в свое болото. А помочь ему в этом должна шикарная баба».

— Хорошо, — сказала она, — я позвоню в спортзал.

По пути в коридор, где стоял телефон, Джулиана думала: «Ну ладно, он оденет меня с иголочки и поселит в роскошном отеле. Каждый мужик мечтает хотя бы раз в жизни пройтись с хорошо одетой женщиной, пусть даже самому придется раскошелиться и нарядить ее. Наверное, такой кутеж — давнишняя мечта Джо Чиннаделлы. А ведь он умный — умеет заглянуть в душу. Стоит мне увидеть мужественного парня, как начинается мандраж. Это еще Фрэнк замечал. Потому–то мы и расстались. Потому–то я и маюсь последние годы и не доверяю никому».

Вернувшись, Джулиана увидела, что Джо снова углубился в «Саранчу». Читая, он морщил лоб и не замечал ничего вокруг.

— Кажется, ты хотел, чтобы я ее прочла? — сказала она.

— Давай по дороге, — не отрываясь от страницы, буркнул он.

— Ты собираешься вести? Но ведь это моя машина.

Он не ответил. Похоже, просто не услышал.

Стоя возле кассы, Роберт Чилдэн поглядел на высокого, худощавого, темноволосого человека, переступившего порог магазина.

Гость был в костюме, недавно вышедшем из

моды, в руке держал плетеную корзину. Мелкий торговец. Однако вместо заискивающей улыбки на его лице было решительное, даже мрачное выражение. Он скорее напоминал водопроводчика или электрика.

Проводив до дверей покупателя, Чилдэн обратился к вошедшему:

— Вы от кого?

— «Эдфрэнк. Ювелирные изделия», — пробормотал худощавый и поставил корзину на прилавок.

— Никогда не слыхал.

Делая множество лишних движений, торговец отстегнул и поднял крышку корзины.

— Ручная работа. Каждое изделие — уникально. Медь, латунь, серебро. Даже кованое и вороненое железо.

Чилдэн заглянул в корзину, увидел блеск металла на черном бархате.

— Спасибо. Это не по моей части.

— Но ведь это американское искусство. Современное.

Отрицательно покачав головой, Чилдэн отошел к кассе.

Некоторое время посетитель возился со своими поделками и корзиной. Похоже, он не знал, что

делать дальше. Сложив руки на груди, Чилдэн наблюдал за ним, думая о предстоящих делах. В два часа — встреча с покупателем, просившим показать несколько чашек раннего периода. В три из университетской лаборатории вернется очередная партия товара, отправленная на экспертизу. За две недели, после того грязного инцидента с кольтом сорок четвертого калибра, он проверил уйму вещей.

— Это не покрытие, — сказал торговец, протягивая Чилдэну браслет. — Цельная медь.

Чилдэн кивнул. Торговец еще немного поторчит в магазине, позвякивая безделушками, и уйдет.

Зазвонил телефон. Чилдэн взял трубку. Клиент справлялся об очень дорогом старинном кресле–качалке, которое Чилдэн взялся реставрировать, но не управился в срок. Пришлось оправдываться.

Глядя сквозь витрину на проносящиеся машины, он успокаивал заказчика и уговаривал повременить. Наконец умиротворенный клиент повесил трубку.

«Нет, — сказал себе Чилдэн, мысленно возвращаясь к злосчастному кольту, — впредь никаких сомнительных сделок».

Теперь он без прежнего трепета смотрел на свой товар. Происшествия вроде этого глубоко западают в душу, подобно впечатлениям раннего детства. Открывают глаза. «Такое чувство, будто под сомнением оказалась подлинность не товаров, а моего свидетельства о рождении или моих воспоминаний об отце. Или, к примеру, о ФДР.[48] Я лично могу не помнить Рузвельта, но во мне живет его собирательный образ, созданный со слов многих людей, легенда, незаметно проникшая в сознание. Словно легенда о Чиппендейле.[49] Или Хэпплуайте.[50] Или о том, что таким–то серебряным ножом (вилкой, ложкой) пользовался Авраам Линкольн».

А за соседним прилавком все еще возился незадачливый торговец.

— Мы можем делать бижутерию на заказ, — сипло произнес он. — На любой вкус. Если вашим клиентам захочется чего–нибудь этакого. — Худощавый откашлялся, глядя то на Чилдэна, то на

---

[48] Примечания: 48

ФДР — Франклин Делано Рузвельт, принятое в США сокращение имен президентов.

[49] Примечания: 49

Чиппендейл (1718–1779).

[50] Примечания: 50

Хэпплуайт (ум. 1786) — английские мастера мебельного искусства.

вещицу, которую держал в руках.

Чилдэн улыбался и молчал.

«Это не мое дело, — подумал он. — Пусть сам ломает голову, как убраться отсюда, не потеряв лица. Кой черт тебя дернул пойти в торговцы? Ах, как нам неудобно. Ну ничего, всем живется несладко. Взгляни хотя бы на меня. Весь день уходит на япошек вроде Тагоми. А им ничего не стоит щелкнуть тебя по носу — достаточно изменить гласную в твоей фамилии».

И тут у него мелькнула мысль: «Парень–то, по всему видать, простак. Может, взять у него чего–нибудь на комиссию? Чем черт не шутит?»

— Эй, постойте! — сказал он.

Торговец быстро обернулся. Приблизившись к нему со сложенными на груди руками, Чилдэн произнес:

— Вы здесь добрых полчаса. Ладно, ничего обещать не буду, но взглянуть на ваши вещицы, пожалуй, могу. — Он указал место на прилавке.

Кивнув, посетитель торопливо открыл корзинку и стал неловко доставать лотки.

«Сейчас начнет раскладывать безделушки, — с тоской подумал Чилдэн. — Провозится целый час. Надеясь. Молясь. Бросая косые взгляды, чтобы узнать, удалось ли хоть чуть–чуть меня заинте-

ресовать. Все они одинаковы».

— Когда закончите, я взгляну, если останется время.

Торговец засуетился, будто его подстегнули.

В магазин один за другим вошли несколько посетителей, и пока Чилдэн здоровался и обменивался с ними любезностями, он напрочь забыл о торговце. Тот заметил это, и его движения стали спокойнее. Он старался не привлекать к себе внимания. Чилдэн продал стакан для бритья, договорился о продаже коврика ручной работы и взял задаток за вязаный платок. Время шло. Наконец ушел последний посетитель, в магазине остались только Чилдэн и торговец.

Тот закончил раскладывать товар. На прилавке лежали два черных бархатных лотка с украшениями.

Неторопливо подойдя к прилавку, Роберт Чилдэн закурил сигарету «Страна улыбок». Постоял, покачиваясь на каблуках и мурлыча себе под нос. Торговец молчал.

Наконец Чилдэн протянул руку и коснулся броши.

— Мне нравится, — сказал он.

— Хорошая штучка, — зачастил торговец. — Ни пятнышка, ни царапинки. Она отполирована и

не тускнеет. Мы покрыли ее синтетическим лаком, он долго держится. Это самый лучший лак.

Чилдэн кивнул.

— Мы использовали промышленную технологию, — продолжал торговец. — Насколько мне известно, до этого еще никто не додумался. Никакого литья в изложницы, только сварка, пайка и работа металлом по металлу. — Он помолчал и добавил: — Заколка припаяна вручную.

Чилдэн взял два браслета и брошь. Затем еще одну брошь. Подержал в руках и отложил в сторону.

В глазах торговца вспыхнула надежда.

Внимательно рассмотрев ярлычок на ожерелье, Чилдэн произнес:

— Это, надо полагать…

— Цена. Но вы нам выплатите всего пятьдесят процентов. Если возьмете товара на сотню долларов, мы сделаем скидку — скажем, еще процента на два.

Чилдэн отложил еще несколько украшений. Волнуясь, торговец говорил все быстрее, часто повторяясь и неся порой явную чушь. «Видимо, решил, что дело в шляпе», — подумал Чилдэн. Сам он оставался бесстрастным и делал вид, будто и впрямь решил кое–что приобрести.

— Отличная штуковина, — пробубнил худощавый, когда Чилдэн двумя пальцами взял большой кулон. — У вас превосходный вкус, сэр. Вы отобрали самое лучшее. — Он засмеялся. У него бегали глаза. Он прикидывал в уме, сколько ему сейчас заплатят.

— Имея дело с незнакомыми поставщиками, мы соглашаемся только на комиссионную торговлю, — сказал Чилдэн.

Худощавый умолк и непонимающе уставился на него. Чилдэн улыбнулся.

— Комиссионную… — растерянно пробубнил торговец.

— Не хотите оставлять? — поднял брови Чилдэн.

Запинаясь, торговец пробормотал:

— То есть я оставлю, а вы заплатите потом, когда…

— Вы получите две трети от вырученной суммы. Подумайте, это выгодно. Придется, конечно, подождать, но… — Чилдэн пожал плечами. — Смотрите сами. Я мог бы, пожалуй, отвести для ваших изделий застекленный прилавок. Если товар разойдется, через месяц–другой мы сможем договориться о новой партии, а то и о непосредственной покупке.

«Он здесь больше часа со своими побрякушками, — прикинул Чилдэн. — И выложил все. На лотках полная неразбериха; чтобы снова разложить вещи для показа, нужен еще час».

В магазине царила тишина.

— Вот эти, отложенные… — промямлил торговец. — Вы их выбрали?

— Да, можете оставить. — Чилдэн прошел в свой кабинет и произнес оттуда: — Я выпишу квитанцию. Вы будете знать, что у меня оставили. — Выйдя из кабинета с квитанционной книжкой, Чилдэн добавил: — Надеюсь, вы понимаете: принимая вещи на комиссию, наш магазин не несет ответственности за их сохранность.

«Вообще–то квитанция не более чем бумажка. Если, получив непроданный товар обратно, торговец чего–нибудь недосчитается, значит, это украдено, — решил про себя Чилдэн. — В магазине частенько случаются кражи, особенно всякой мелочи вроде бижутерии».

Роберт Чилдэн никогда не останется внакладе. Ему не придется платить торговцу вперед: для таких сомнительных сделок у него нет свободного капитала. Если что–нибудь удастся продать, он получит прибыль, если нет — вернет товар

хозяину.

Чилдэн заполнил бланк, поставил порядковые номера, подписался и вручил торговцу копию квитанции.

— Примерно через месяц можете позвонить и справиться, как уходит товар.

Он унес отобранную бижутерию в свой кабинет, а торговец стал укладывать в корзину оставшееся.

«Никогда не знаешь заранее, как оно обернется, — подумал Чилдэн, — а потому стоит попробовать».

Выглянув из кабинета, он увидел, что прилавок опустел. Но торговец направился не к выходу, а к Чилдэну, держа что–то в вытянутой руке.

— Да? — раздраженно спросил Чилдэн. Ему надо было разобрать почту.

— Хочу оставить свою визитку. — Худощавый положил перед Чилдэном карточку с красным и серым тиснением. — «Эдфрэнк. Ювелирные изделия на заказ». Здесь наш адрес и телефон. На тот случай, если мы вам понадобимся.

Чилдэн с улыбкой кивнул и склонился над столом. Через некоторое время он оторвался от почты и выглянул в зал.

Торговец ушел.

Опустив монетку в щель автомата, Чилдэн дождался, когда наполнится чашка. Затем сел и, прихлебывая горячий чай, задумался.

«Вряд ли удастся что–нибудь продать. Но все–таки неплохая работа. В жизни не встречал ничего подобного. — Он внимательно рассмотрел брошь. — Здорово придумано. Сразу видно профессионала. Надо поменять ярлыки. — Поставить цены повыше. Вписать: „Миниатюрная скульптура. Уникальное произведение искусства. Ручная работа“».

И другая мысль созрела в мозгу Роберта Чилдэна: «С этим товаром не возникнет проблемы подлинности, из–за которой не сегодня так завтра торговцы американским антиквариатом вылетят в трубу. Никогда не следует ставить все деньги на одну лошадь. Визит еврейского жулика — дурная примета. Если сейчас потихоньку запастись предметами современного искусства, без каких–либо претензий на историческую ценность, мне, быть может, вновь удастся обскакать конкурентов. К тому же, заведомо ничего не теряя…»

Он удобно откинулся на спинку стула и размышлял с чашкой в руках.

«Времена меняются, надо уметь меняться вместе с ними. Всегда выходить сухим из воды.

Приспосабливаться. Закон естественного отбора: держи ухо востро, смотри в оба. Не упускай момент. Будь холодным и спокойным, иньским, как говорят на Востоке. Ах эти черные иньские глаза… — Внезапно — даже дух захватило — его озарила потрясающая мысль. — Ух ты! Двух зайцев — одним выстрелом! — Он вскочил. — Упаковать лучшие украшении. Сняв, разумеется, ярлычки. Браслет, подвеску или брошь — что–нибудь поинтереснее. Раз придется уходить из магазина к двум часам, почему бы не заехать к Казоура? Мистер Казоура, Пол, будет на службе. Зато вполне возможно, что дома окажется миссис Казоура.

Скромный подарок — новое оригинальное произведение американского искусства. Мои щедрые похвалы, надеюсь, дойдут до ушей знати. Вот так и рождается новая мода. „Это вам, Бетти. Правда, прелесть? А у меня в магазине целая подборка таких вещей“. Ну, и так далее. Великолепный предлог. — Он затрепетал. — В квартире только я и она. Среди бела дня. Муж на работе. Аж дух захватывает!»

Приготовив коробочку, оберточную бумагу и ленту, Чилдэн стал выбирать подарок для Бетти. Чтобы не ошибиться, он мысленно представил

ее: смуглая, привлекательная, в элегантном платье восточного покроя, на высоких каблуках… А может, сегодня на ней легкая синяя блузка в стиле кули. Японки любят их носить в домашней обстановке…

И все–таки не слишком ли это смело? Полу может не понравиться. Пронюхает и устроит какую–нибудь пакость. Не стоит перегибать. Может, отнести подарок к нему в учреждение? И расхвалить, если не перед женой, так перед ним самим? А Пол без всяких подозрений передаст подарок Бетти. «Ага, — лукаво подумал Роберт Чилдэн. — А завтра–послезавтра я сам ей позвоню — спрошу, понравилось или нет…»

Увидев своего компаньона, понуро бредущего по тротуару, Фрэнк сразу понял, что радоваться нечему.

— Тебя только за смертью посылать. Что стряслось? — спросил он, принимая из рук Маккарти корзину. — Неужели ему понадобилось полтора часа, чтобы сказать «нет»?

— Он не сказал «нет», — буркнул Маккарти, усаживаясь в кабину. Он выглядел очень усталым.

— А что сказал? — Фрэнк открыл корзину. — Ого, много взял. Так в чем дело, Эд?

— Предложил оставить кое–что на комиссию, —

ответил Маккарти.

— И ты согласился? Мы же договаривались…

— Сам не пойму, как это вышло.

— Господи Боже! — выдохнул Фрэнк.

— Прости, дружище. Он сделал вид, будто собирается покупать. Отложил целую кучу. Я думал, купит…

Они долго сидели в грузовике, не говоря ни слова.

Глава 10

Две последующие недели Бэйнс провел как на иголках. Ежедневно в полдень он звонил из гостиницы в Торгпредство и справлялся, не прибыл ли пожилой господин. И получал один и тот же ответ: «Нет». С каждым днем тон Тагоми становился все холоднее. Взяв трубку, чтобы позвонить в шестнадцатый раз, Бэйнс подумал: «Придет день, когда мне скажут, что мистер Тагоми вышел и просил его не беспокоить».

Что случилось? Где Ятабе?

Он находил только одно объяснение: на Токио ошеломляюще подействовала смерть Мартина Бормана. Вероятно, Ятабе отправился в плавание, но спустя день–другой получил новые инструкции и возвратился на Родные острова.

«Невезение, — подумал Бэйнс, — и возможно, роковое». Но в любом случае он должен остаться в Сан–Франциско. Попытаться наладить контакт, ради которого он сюда прилетел. Сорок пять минут на борту ракеты — и он здесь. Какие непостижимые времена! Можно улететь куда захочешь, даже на другую планету. Но зачем?

Чтобы целыми днями сидеть на месте, постепенно теряя надежду? Впадая в бесконечную тоску?

«А те, другие, не сидят на месте, — горько подумал он. — Они действуют».

Мистер Бэйнс развернул дневной выпуск «Ниппон таймс» и прочитал:

ДОКТОР ГЕББЕЛЬС ИЗБРАН РЕЙХСКАНЦЛЕРОМ

Неожиданное решение Партийной Комиссии. Энергичное выступление по радио. Ликующие толпы в Берлине. Ожидается официальное заявление. Геринг может стать шефом полиции вместо Гейдриха.

Он перечитал статью. Затем отложил газету, взял трубку и набрал номер Торгпредства.

— Это Бэйнс. Можно поговорить с мистером Тагоми?

— Одну секунду, сэр.

Секунда затянулась надолго.

— Тагоми слушает.

Набрав полную грудь воздуха, Бэйнс произнес:

— Простите, что снова вас беспокою…

— А, это вы, мистер Бэйнс.

— Мне очень жаль, что приходится злоупотреблять вашим гостеприимством, но когда–нибудь, надеюсь, вы поймете, почему я с таким нетерпением ожидаю господина Ятабе, с которым у меня

назначена встреча…

— К сожалению, он еще не прибыл.

Бэйнс закрыл глаза.

— Я думал, со вчерашнего дня…

— Боюсь, что нет, сэр. — Тон — сама вежливость. — Прошу простить меня, мистер Бэйнс. Неотложные дела.

— Всего хорошего, сэр.

В трубке послышались гудки. Сегодня Тагоми даже не попрощался. Бэйнс медленно опустил трубку.

«Хватит ждать. Надо действовать».

Ему было категорически запрещено вступать в прямой контакт с абвером. Ни при каких обстоятельствах! Он должен только дождаться военного представителя Японии, провести с ним совещание и вернуться в Берлин. Но никто из начальства не предвидел столь несвоевременной смерти Бормана. Следовательно…

Учитывая ситуацию, придется изменить план по своему усмотрению, поскольку советоваться не с кем. В ТША действуют по меньшей мере десять резидентов абвера, но часть из них, если не все, на крючке у Бруно Кройца фон Меере, руководителя регионального отделения СД.

Несколько лет назад Бэйнс видел Бруно на

партийном собрании. В полиции о нем ходила дурная слава: в сорок третьем Бруно спас Рейхарда Гейдриха, сорвав британо–чешское покушение на Вешателя. В те дни Кройц фон Меере быстро поднимался по ступенькам аппаратной лестницы СД. Он был не просто партийным бюрократом — он был очень опасным человеком.

Даже если абвер в Берлине и токкока в Токио примут все меры предосторожности, остается опасность, что СД пронюхает о готовящейся встрече. Правда, здесь у власти японцы, и СД не посмеет вмешаться официально. Она сможет арестовать германского подданного — то есть Бэйнса, — едва он снова ступит на землю Рейха, но вряд ли СД отважится устранить его здесь или сорвать встречу. Во всяком случае, хочется в это верить.

Неужели СД все–таки рискнула и сумела перехватить старика?

«Если его схватили, — подумал Бэйнс, — значит, скоро доберутся и до меня!»

И все же ситуация небезнадежная. Пока Бэйнс днями и ночами сидел в номере гостиницы «Абхирати», в его голове созрел план.

«Лучше передать информацию Тагоми, чем возвращаться в Берлин с пустыми руками. Все–

таки это шанс — хоть и весьма призрачный — сообщить мои сведения нужным людям. Но, к сожалению, Тагоми может только выслушать, намотать на ус и, вернувшись на Родные острова, передать кому следует. Тому же Ятабе, если он там.

Но все же это лучше, чем сидеть сложа руки. Времени осталось в обрез. Надо начинать все сначала, запастись терпением на несколько месяцев и упорно, кропотливо готовить встречу заинтересованных лиц в Германии с заинтересованными лицами в Японии…

То–то удивится Тагоми, — ехидно подумал Бэйнс, — узнав, какое бремя ни с того ни с сего легло ему на плечи. Ничего общего с технологией литья под давлением…

Не исключено, что с ним случится нервный шок. Он может проболтаться кому–нибудь из своих служащих или сделает вид, что его это не касается. Просто откажется мне верить. Едва я начну, встанет, поклонится и уйдет.

„Простите, вы обращаетесь не по адресу, — так он ответит. — Это не в моей компетенции“.

Только и всего, — подумал Бэйнс. — Уклонится, не рассуждая. Хотел бы я быть на его месте!

Но все–таки это не выход даже для Тагоми.

Все мы одной веревочкой связаны. Он может заткнуть уши. Может не придавать значения моим словам. До поры до времени. Пока слова не перестанут быть просто словами. А это неизбежно произойдет. Вот что необходимо ему внушить.

Или тому, с кем мне в конце концов придется иметь дело…»

Выйдя из гостиничного номера, Бэйнс спустился в вестибюль. Швейцар подозвал для него велотакси, и скоро китаец, энергично крутя педали, вез его по Маркет–стрит.

— Остановитесь здесь, — велел Бэйнс, увидев нужную вывеску.

Велотакси остановилось. Бэйнс расплатился с рикшей и огляделся. Похоже, «хвоста» нет. Он пересек улицу и вместе с несколькими прохожими вошел в огромный универмаг «Фуга».

Там было полно народу. Стояли бесконечные ряды прилавков, за ними — продавцы, преимущественно белые, но встречались и японцы, заведующие отделами. Шум стоял ужасающий.

Бэйнс в замешательстве потоптался на месте, но, заметив секцию мужской одежды, подошел к ряду вешалок и стал рассматривать брюки. Вскоре к нему вышел белый юноша–продавец и поздоровался.

— Вчера я присмотрел у вас широкие брюки из темно–коричневого сукна, — обратился к нему Бэйнс. Встретившись с продавцом взглядом, он добавил: — Здесь был другой продавец. Ростом повыше вас, худощавый, с рыжими усами. На пиджаке — карточка с именем Ларри.

— Он только что ушел перекусить. Скоро вернется.

— Ну, так я зайду в примерочную, посмотрю, как они на мне сидят. — Бэйнс снял брюки с вешалки.

— Пожалуйста, сэр. — Продавец указал на свободную кабинку и направился к следующему покупателю.

Бэйнс закрылся в кабинке, сел на один из двух стульев и стал ждать.

Через несколько минут постучали. Дверь кабинки отворилась, вошел маленький, средних лет японец.

— Вы иностранец, сэр? — обратился он к Бэйнсу. — Мне бы хотелось убедиться в вашей платежеспособности. И удостоверение личности, если не возражаете.

Бэйнс протянул бумажник. Усевшись на свободный стул, японец стал изучать его содержимое. Дойдя до фотографии девушки, он кивнул:

— Очень хорошенькая.

— Моя дочь. Марта.

— Мою дочь тоже зовут Мартой, — сказал японец. — Она сейчас в Чикаго, учится играть на фортепьяно.

— А моя уже невеста.

Японец вернул бумажник и выжидающе посмотрел Бэйнсу в глаза.

— Я здесь две недели, а мистера Ятабе все еще нет, — сказал Бэйнс. — Я должен знать, прибудет ли он. Если нет, что мне делать?

— Приходите завтра после обеда, — сказал японец. Он встал, Бэйнс тоже поднялся. — До свидания.

— До свидания.

Бэйнс вышел из примерочной, повесил брюки на вешалку и покинул универмаг «Фуга».

«А быстро я управился, — думал он, шагая по тротуару людной центральной улицы. — Неужели он действительно все устроит? Свяжется с Берлином, передаст мои вопросы, зашифрует, расшифрует, все как положено? Наверное. Жаль, что я раньше не вышел на этого агента. Не пришлось бы столько волноваться. Да и риск, по–видимому, невелик — все прошло без сучка, без задоринки».

Бэйнс неторопливо шел по улице, заглядывал

в витрины магазинов. У него словно гора с плеч свалилась. У одной из витрин он задержался и, усмехаясь, долго рассматривал загаженные мухами фотографии танцовщиц ночного кабаре — голых баб с грудями, как спущенные волейбольные мячи.

Мимо по своим делам шли пешеходы.

Наконец–то хоть что–то сдвинулось!

Джулиана читала, привалившись боком к дверце «студебеккера». За рулем, выставив локоть в окошко, сидел Джо. Баранку он держал одной рукой, к нижней губе прилипла сигарета. Джо неплохо водил. У Джулианы было время в этом убедиться — они отъехали от Каньон–Сити на порядочное расстояние.

По радио передавали слащавую музыку. Какой–то заурядный оркестр наяривал на аккордеонах польки да шотландские танцы.

— Мексика, — буркнул Джо, дослушав очередную мелодию. — Знаешь, я неплохо разбираюсь в музыке. Сказать тебе, кто действительно был великим дирижером? Артуро Тосканини. Ты, наверное, о нем и не слыхала.

— Нет, — сказала Джулиана, не отрываясь от книги.

— Он итальянец. Но после войны фашисты не

дали ему дирижировать. Из–за политических взглядов. Он уже помер. А фон Кароян, этот бессменный дирижер Нью–Йоркской филармонии, мне не нравится. Нас всем поселком сгоняли на его концерты. А знаешь, кого я люблю, как всякий макаронник? — Он покосился на нее и спросил: — Ну, как книга?

— Занятная.

— Мне нравятся Верди и Пуччини. А в Нью–Йорке нас изводили тяжелым, напыщенным Вагнером. И Орфом. А еще раз в неделю заставляли ходить в Мэдисон–сквер–гарден, там Националистическая партия США устраивала дурацкие шоу с флагами, трубами, барабанами и факелами. Еще там нараспев, как «Отче наш», читали историю готских племен и прочую ерунду — это называлось «просвещением». Ты бывала в Нью–Йорке до войны?

— Да, — ответила она, пытаясь сосредоточиться.

— Правда, что там был шикарный театр? Да–а, теперь все. Сценическое искусство там же, где кинопромышленность, — в лапах берлинского картеля. За тринадцать лет, что я был в Нью–Йорке, ни новой музыки, ни пьес не…

— Слушай, не мешай, а? — перебила Джули-

ана.

— И с книгами то же самое, — как ни в чем не бывало продолжал Джо. — Все издательства в Мюнхене. В Нью–Йорке только типографии. А говорят, до войны Нью–Йорк был центром мировой книгопромышленности.

Джулиана заткнула уши пальцами. Она уже дошла до того места, где рассказывалось о пресловутом телевидении. Эта тема ее живо интересовала. Особенно понравилась идея насчет недорогих маленьких аппаратов для жителей удаленных уголков Африки и Азии.

«...только благодаря американской технологии и конвейерному производству, налаженному в Детройте, Чикаго и Кливленде, произошло это чудо благотворительности — непрерывный поток дешевых (не дороже китайского доллара) телевизоров во все города и веси Востока. И что же смотрел тощий паренек с беспокойной душой, получая от щедрых американцев крохотный приемник на батарейках? Что смотрели остальные жители деревни, сбившиеся в кучу у экрана? Прежде всего — уроки чтения. А затем и другие полезные передачи: как вырыть колодец поглубже, вспахать глубокую борозду, очистить питьевую воду, вылечить больного. А в небе,

рассылая телесигнал истосковавшимся по знаниям народам Востока, проносился американский искусственный спутник».

— Ты все подряд читаешь? — спросил Джо. — Или перескакиваешь?

— Как здорово! В этой книге мы дарим пищу и знания миллионам азиатов, всем без исключения!

— Благотворительность в мировом масштабе? — усмехнулся Джо.

— Да. Новый курс президента Тагуэлла: повышение жизнеспособного уровня масс. Вот, послушай:

«Чем был доселе Китай? Нищей, раздираемой противоречиями страной, с тоской глядящей на Запад. Его великий президент, демократ Чан Кайши, за которым народ шел в войну, объявил Десятилетие Реконструкции. Но реконструировать в этой огромной равнинной стране было нечего. Надо было пробуждать ее от векового сна, раскрывать ей глаза на современный мир с его реактивными самолетами, атомной энергией, автомагистралями, фабриками и медициной. Но откуда должен грянуть гром, который разбудит гиганта? На этот вопрос Чан мог ответить еще в ту пору, когда громил японцев. Из Соединенных

Штатов. К началу пятидесятых во всех провинциях Китая можно было встретить американских инженеров, учителей, врачей, агрономов».

— Знаешь, что он сделал? — перебил Джо. — Взял все лучшее у нацизма, у национал–социалистической партии, у Организации Тодта, добавил экономические успехи Шпеера — вот тебе и новый курс. А всю дрянь — эсесовцев, расовый геноцид и сегрегацию — выкинул. Утопия? Утопия. Думаешь, если бы союзнички победили, вам и впрямь удалось бы с этим Новым курсом оживить экономику и осуществить социальные реформы во всем мире? Черта с два! Вдуматься, так этот Абендсен проповедует государственный синдикализм, корпоративное государство вроде того, что мы создали при дуче. Дескать, победи мы, во всем мире осталось бы только хорошее, никакого…

— Может, хватит? — вспылила Джулиана. — Не даешь читать.

Он пожал плечами и умолк. Она стала читать дальше — теперь уже про себя.

«…Чтобы насытить товарами бескрайний китайский рынок, детройтским и чикагским заводам приходилось работать денно и нощно. Но огромное чрево было ненасытно. Столетиями

миллионы китайцев не имели ни грузовиков, ни кирпича, ни стального проката, ни одежды, ни пишущих машинок, ни консервированного горошка, ни часов, ни капель от насморка. В шестидесятом году уровень жизни американского рабочего стал самым высоким в мире, а все благодаря репутации, которую Америка заслужила в торговле с Востоком. Войска Соединенных Штатов покинули Японию, и все же факт оставался фактом: в Кантоне, Токио и Шанхае покупали американские, а не британские товары. И каждая новая сделка увеличивала доход балтиморского, лос–анджелесского или атлантского рабочего. Тем, кто вынашивал и воплощал в жизнь благородные замыслы — политикам из Белого дома, — казалось, что они почти добились своей цели. Делаются первые робкие шаги в космонавтике, скоро в космическую высь взлетят ракеты, оставляя планету, почти исцеленную от вековых язв: голода, болезней, войн, дискриминации. Не желая отставать от Америки, Британская империя осуществляет социальные и экономические преобразования в Индии, Бирме, Африке и на Ближнем Востоке. Рурские, манчестерские и саарские фабрики, бакинские нефтедобывающие предприятия срастутся в единую эффективную

сеть; народам Европы предстоит…»

— Думаю, не мы, а они задавали бы тон, — сказала Джулиана. — У них это всегда лучше получалось. Я о британцах.

Вопреки ее ожиданиям Джо не ответил. Джулиана снова уткнулась в книгу.

«…реализация глобальных замыслов: выравнивание культурных уровней и примирение соперничающих этносов, которые со времен падения Рима раздирали на части Европу. Сбывается мечта Чемберлена о едином союзе христианских стран, живущих в согласии не только друг с другом, но и со всем миром. И все же… Остается только одна незаживающая язва. Сингапур.

Среди жителей государств Юго–Восточной Азии немало китайцев. В основном это бизнесмены. И вот эти преуспевающие буржуа видят, что американская администрация Китая обращается с так называемыми туземцами справедливее, чем англичане. Под властью англичан для цветных недоступны ни государственные клубы, ни гостиницы, ни хорошие рестораны; как и в былые времена, для них отводятся специальные места в поездах, автобусах и — что всего хуже — ограничивается выбор места жительства. Из разговоров и газет „туземцы“ знают, что в Соединенных

Штатах проблема цветных решена еще в конце сороковых. Везде, даже на Юге, белые и негры живут и трудятся в равных условиях. Вторая мировая война покончила с дискриминацией…»

— А потом началась заваруха? — спросила Джулиана.

Джо что–то проворчал, не отрывая глаз от дороги.

— Расскажи, что там дальше, — попросила она. — Похоже, я не дочитаю — скоро Денвер. Наверное, Америка сцепилась с Британией, а победившая страна получила весь мир?

— Кое в чем это неплохая книга, — ни с того ни с сего сказал Джо. — Абендсен продумал все до мелочей: Соединенным Штатам достается Тихий океан, ни дать ни взять — наша Восточно–Азиатская сфера процветания. Россию они делят между собой. Все это длится лет десять, а потом, естественно, заваривается каша…

— Почему — естественно?

— Такова человеческая натура, — пояснил Джо. — Натура государств. Подозрительность, алчность, страх. Черчиллю кажется, будто янки, взывая к проамерикански настроенному большинству китайского народа, подрывают британскую власть в Южной Азии. Появляются

так называемые профилактические изоляторы — другими словами, концлагеря для тысяч неблагонадежных китайцев. Их обвиняют в саботаже и враждебной пропаганде. Черчилль…

— А Черчилль все еще у власти? Ведь ему уже под девяносто!

— Вот тут–то американцы и дали маху, — ухмыльнулся Джо. — Британцы поступили умнее. Через каждые восемь лет лидеру Соединенных Штатов, будь он хоть семи пядей во лбу, дают пинка. А вот Черчилль остается в своем кресле. Прогнав Тагуэлла, американцы второго такого умника не находят. У руля становятся всякие бездари. А Черчилль чем старее, тем жестче и круче правит. К началу шестидесятых он точь–в–точь древний восточный владыка — слова ему поперек не скажи! Двадцать лет премьер–министр — привык к власти.

— О Боже! — воскликнула Джулиана и заглянула в конец книги — убедиться, что Джо не соврал.

— Тут я согласен, — продолжал Джо. — В войну Черчилль здорово правил Англией. Британцы много бы потеряли, вынудив его уйти в отставку. Запомни мои слова: государство не может быть лучше, чем его правитель. Führerprinzip

— принцип лидерства, как говорят фашисты. И они правы. С этим даже Абендсен согласен. Ясное дело, после войны Америка легко расширяет сферу экономического влияния — еще бы, она отхватила у япошек такой громадный рынок в Азии! — но этого недостаточно. У Штатов нет духовной основы, нет ее и у британцев. И то и другое общество — плутократические, наверху стоят богачи. Побеждая, плутократы думают только о том, как делать деньги. Абендсен ошибается: не нужны им никакие социальные реформы, никакие благотворительные программы. Напротив, англосаксонская олигархия в жизни бы ничего такого не допустила.

«Говорит, как убежденный фашист», — неприязненно подумала Джулиана.

Видимо, Джо прочел эту мысль на ее лице — он вдруг притормозил, полуобернулся и, поглядывая одним глазом на Джулиану, а другим на дорогу, сказал:

— Послушай, я не интеллигент — фашистам интеллигенты ни к чему. Для них важно дело. Теория вытекает из практики. В плане мозгов наше корпоративное государство требует от нас только одного — понимания движущих сил истории. Ясно? Так вот: я их понимаю. — Он говорил

серьезным, чуть ли не умоляющим тоном. — У всех этих прогнивших денежных империй — Британии, Франции, США, хотя последняя не совсем империя, а так, недоношенное дитя с непомерным аппетитом — не было души, а значит, и будущего. Им не суждено было выжить. Я знаю: нацисты — это банда головорезов. Правильно? Ты согласна? — Он так быстро говорил, с таким количеством итальянских жестов, что Джулиана не удержалась от улыбки. — Это Абендсену не все равно, кто выиграет последнюю битву — США или Англия. Да и какая разница?! Слава, заслуги, история — это только слова! Пусть они победят вшестером, вдесятером — что меняется? Ты читала когда–нибудь статьи дуче? Красиво написано. Вдохновенно. Красивый мужчина. Раскрывает подоплеку практически любого события. Старое против нового — вот настоящая причина войны. Деньги — вот почему фашисты некстати втянули в это дело еврейский вопрос — против массового сознания, которое немцы называют Gemeinschaft. К этому пришли и Советы. Коммуния. Согласна? Большевики украли у Петра Великого идеи панславянской империи и строили ее, прикрываясь социальными реформами.

«Точь–в–точь Муссолини», — подумала Джу-

лиана.

— Нацистская резня — это, конечно, трагедия, — задумчиво продолжал Джо, обгоняя грузовик. — Но ведь проигравший платит, так всегда было. Возьмем любую из прежних революций, французскую, например, или кромвельскую с войнами против ирландцев. В немецком характере слишком много философии, да и театра, пожалуй. Взять хотя бы эти бесконечные митинги. А настоящего фашиста никогда не поймаешь на болтовне. Он говорит только по делу. Как я, верно?

— Боже, да ты как помелом метешь! — со смехом ответила Джулиана.

— Я тебе объясняю фашистскую теорию действия! — закричал Джо.

Она промолчала, давясь от смеха. Но сидевшему рядом человеку ее слова не казались смешными. Джо побагровел, глаза горели, на лбу вздулись вены; его даже трясло. Он снова вспахал пальцами шевелюру и молча, зло посмотрел не Джулиану.

— Не дуйся, — сказала она.

Ей показалось, что Джо ударит ее. Он поднял руку, но спохватился и, выругавшись, включил радио. Они ехали дальше. Из репродуктора сквозь помехи прорывалась эстрадная музыка. Джулиа-

на снова уткнулась в книгу.

— Ты права, — буркнул Джо, когда прошло довольно много времени.

— Насчет чего?

— Насчет завалящей империи. С вождем–шутом. Неудивительно, что от войны нам не было проку.

Джулиана похлопала его по руке.

— Мура все это, правда, Джулиана? Нет на свете ни истины, ни справедливости. Верно?

— Может быть, — рассеянно ответила она, опустив глаза.

— Побеждает Британия, — сказал Джо, ткнув пальцем в книгу. — Я тебе расскажу, не беспокойся. США теряют часть колоний, Англия вовсю хапает, тащит, расширяется — удерживает инициативу. Можешь дальше не читать.

— Надеюсь, в Денвере нам удастся развлечься, — закрыв книгу, произнесла Джулиана. — Тебе нужно отдохнуть. «Если ты не отдохнешь, лопнешь и разлетишься на куски, как изношенная пружина, — подумала Джулиана. — А что тогда будет со мной? Как я вернусь назад? А может… взять и бросить тебя? Мне очень хочется развлечься, как ты обещал. Но я не желаю, чтобы меня надули. Со мной это часто случалось, слиш-

ком часто».

— Отдохнем, не волнуйся. — Джо долго испытующе смотрел ей в глаза. — Слушай, я вижу, тебе запала в душу эта «Саранча». Как думаешь, авторам бестселлеров, таким как Абендсен… читатели шлют письма? Бьюсь об заклад — его завалили письмами, а может, к нему даже приезжают потолковать.

Она поняла.

— Джо, это всего–навсего лишняя сотня километров!

У него заблестели глаза. Он лучезарно улыбался. Раздражения как не бывало.

— За чем же дело стало! — воскликнула Джулиана. — Ты — отличный водитель, мигом туда домчим.

— Вообще–то не думаю, чтобы знаменитости пускали к себе кого ни попадя, — задумчиво произнес Джо. — Особенно когда поклонников слишком много.

— А почему бы не попытаться? — Она схватила его за плечо и настойчиво добавила: — В худшем случае он нас выгонит. Ну, пожалуйста, Джо!

— Хорошо. Но сначала купим все что нужно и оденемся с иголочки, — рассудительно ответил Джо. — Внешний вид — это очень важно, по

одежке встречают… А еще, может быть, возьмем в Шайенне напрокат новую машину?

— Да, — кивнула Джулиана. — А еще ты подстрижешься. И я выберу тебе одежду, ладно? Я привыкла одевать Фрэнка — мужчины в этом деле ничего не понимают.

— Да, у тебя хороший вкус, — произнес Джо, бросая взгляды на дорогу. — Да и в остальном… Пожалуй, будет лучше, если ты сначала ему позвонишь. Познакомишься.

— Себе я тоже сделаю прическу, — мечтательно протянула Джулиана. — Конечно. Я даже не побоюсь подняться к нему и нажать на звонок, — похвасталась она. — Только раз живем, верно? Наш брат не из пугливых. Абендсен — такой же человек, как и все мы. Может, он даже обрадуется, узнав, что кому–то не лень было ехать к нему в такую даль, чтобы поделиться восторгом по поводу книги. Скажем: «Мы приехали за автографом, будьте любезны, распишитесь на форзаце…» Правда, эта книга для автографа не годится, очень уж затрепана, надо купить новую.

— Купим все, что пожелаешь, — пообещал Джо. — Мелочи сама продумай — какие слова говорить и что делать. Ты сможешь, я знаю. Красивая девчонка кого хочешь окрутит. Да он

настежь распахнет дверь, как только увидит, какая ты красотуля! Только вот что: давай без дураков.

— Ты о чем?

— Скажешь, что мы женаты. Не хочу, чтобы ты с ним то да се… ну, сама понимаешь. Слишком большая плата за гостеприимство. Гляди у меня, Джулиана.

— Ты сможешь поспорить с ним насчет предательства Италии, — продолжала она. — Как со мной спорил, помнишь?

— Обязательно. Мы это еще обсудим. — Джо кивнул и надавил на акселератор.

На следующее утро Тагоми встал с постели в семь часов и направился было в ванную, но передумал и раскрыл Оракула. Скрестив ноги на полу, Тагоми стал перебрасывать из ладони в ладонь черенки тысячелистника. Он торопился — ему казалось, будто от ответа Оракула зависит очень многое. Наконец перед ним выстроились все шесть черт. О Боже! Гексаграмма пятьдесят один!

«Божественное приходит под знаком действия. Свершение. Гром и молния — невольно зажмешь уши ладонями. Ха–ха! Хо–хо! Великое потрясение заставит человека вздрогнуть и зажмуриться.

Ящерица кинется прочь, а тигр заревет — и проявится Божественная Сущность!»[51]

Что это значит? Он нервно оглядел гостиную. Что–то произойдет? Что? Он вскочил и, тяжело дыша, застыл, выжидая.

Ничего. Стук сердца. Автоматическая реакция на шок дыхательного и всех соматических процессов, в том числе контролируемых подкоркой: поступление в кровь адреналина, увеличение сокращений, выброс гормонов из надпочечника, расширение зрачков, сухость в горле. Медвежья болезнь…

Что делать? Бежать? Куда и зачем? Как это характерно для современного человека: тело сжалось в комок в предчувствии опасности, а разум не сознает ее.

Он прошел в ванную и намылил щеки.

Зазвонил телефон.

— Вот оно! — произнес Тагоми и положил бритву на умывальник. Быстро вернувшись в гостиную и сказав себе «Я готов», он взял трубку. — Тагоми. — Получилось хрипло. Он откашлялся.

Пауза. Затем тихий, сухой голос — словно шуршание опавшей осенней листвы.

---

[51] Примечания: 51

Перевод текста «Ицзина» сделан по Рихарду Вильгельму.

— Сэр, с вами говорит Синьиро Ятабе. Я в Сан–Франциско.

— Приветствую вас от имени Торгпредства, — сказал Тагоми. — Чрезвычайно рад. Надеюсь, вы в добром здравии? Не устали?

— Все хорошо, мистер Тагоми. Когда я смогу вас увидеть?

— Я буду готов через полчаса. — Тагоми напряженно всмотрелся в стрелки часов, висящих в спальне. — Я должен связаться с третьим участником, мистером Бэйнсом. Возможно, он задержится, но…

— Вы не против, если мы встретимся через два часа, сэр? — спросил Ятабе.

— К вашим услугам. — Тагоми машинально поклонился.

— В «Ниппон Таймс Билдинг», у вас в кабинете.

Тагоми снова отбил поклон.

Щелчок. Ятабе повесил трубку.

«Как обрадуется Бэйнс, — подумал Тагоми. — Просто запрыгает от восторга. Как кот, получивший жирный осетровый хвост».

Он набрал номер отеля.

— Конец вашим мучениям, — произнес Тагоми, услышав в трубке сонный голос Бэйнса.

Сон с того как рукой сняло:

— Он здесь?!

— У меня в кабинете, — сказал Тагоми. — В десять двадцать. До свидания. — Он положил трубку и бросился в ванную — добриваться. Завтракать некогда, надо распорядиться, чтобы Рамсей раздобыл чего–нибудь поесть к тому времени, как закончится совещание. Бреясь, он мысленно составлял меню завтрака на троих.

Бэйнс стоял в пижаме у телефона, тер лоб и думал: «Зря я поддался панике и вышел на связь с тем агентом. Еще бы денек подождать. Если я не приду, это может вызвать цепную реакцию. Решат, что я убит или похищен. Попытаются меня найти. Впрочем, это не столь важно. Главное — Ятабе здесь. Наконец–то. Больше не придется ждать».

Бэйнс быстро прошел в ванную и достал бритвенный прибор.

«В том, что Тагоми его сразу узнает, можно не сомневаться. Пожалуй, псевдоним „мистер Ятабе“ будет ни к чему. В сущности, нам обоим не нужны сейчас ни вымышленные имена, ни легенды».

Побрившись, Бэйнс встал под душ и под шум воды запел во все горло:

Wer reitet so spät
Durch Nacht und den Wind?
Es ist der Vater
Mit seinem Kind.[52]

СД уже ничего не сумеет предпринять. Даже если что–нибудь пронюхает. Не надо больше шарахаться от каждой тени, трястись за свою шкуру.

Что касается остального… Все только начинается.

---

[52] Примечания: 52
Кто скачет, кто мчится
под хладною мглой?
Ездок запоздалый,
с ним сын молодой.
(Гете,
«Лесной царь», пер. Жуковского).

Глава 11

Для рейхсконсула в Сан–Франциско фрейгерра Гуго Рейса этот день начался с треволнений. Войдя в приемную консульства, он увидел посетителя — рябого здоровяка с тяжелой челюстью и черными кустистыми бровями, сдвинутыми к переносице. При появлении Рейса он встал и, задрав руку, буркнул: «Хайль!»

— Хайль! — Рейс внутренне застонал, но сумел растянуть губы в официально–вежливую улыбку. — Герр Кройц фон Меере. Я удивлен. Зайдете? — Он отпер дверь кабинета, раздраженно подумав, где же шляется вице–консул и какой мерзавец впустил в приемную шефа СД. Впрочем, раз он здесь, ничего не поделаешь.

Не вынимая рук из карманов пальто, Кройц фон Меере прошел вслед за ним в кабинет.

— Вот что, фрейгерр, мы засекли того парня из абвера, Рудольфа Вегенера, на старой абверовской явке. — Кройц фон Меере хохотнул, блеснув огромными золотыми зубами. — Ну и, понятное дело, проводили до гостиницы.

— Прекрасно, — сказал Рейс, заметив, что почта

лежит на столе. Значит, Пфердхоф где–то поблизости. Видимо, он запер кабинет, чтобы удержать шефа СД от искушения провести маленький неофициальный шмон.

— Все это очень серьезно, — сказал Кройц фон Меере. — Я уже доложил Кальтенбруннеру. Дело государственной важности. В любую минуту может поступить приказ из Берлина. Если только наши доморощенные Unratfressers[53] не спутают все карты. — Он уселся за стол консула, вытащил из кармана пальто пачку бумаг и, сосредоточенно шевеля губами, развернул одну из них. — Липовая фамилия — Бэйнс. По легенде — швед, не то промышленник, не то коммерсант. В общем, что–то связанное с пластмассами. Сегодня утром, в восемь десять, ему позвонили из японского учреждения и назначили встречу на десять двадцать в конторе у одного япошки. Мы пытаемся выяснить, откуда был звонок. Надеюсь, через полчаса выясним. Я велел позвонить сюда, если что.

— Понятно, — сказал Рейс.

— Короче говоря, парня нужно брать, — продолжал Кройц фон Меере. — Если мы его возьмет, то первым же ракетопланом «Люфтганзы» от-

---

[53] Примечания: 53
Дармоеды *(нем.).*

правим обратно. Но япошки или «буратино» из Сакраменто могут рыпнуться, даже попытаться нам помешать. Если будут протестовать, обратятся к тебе. Вообще–то они могут доставить нам уйму хлопот. И уж наверняка пришлют в аэропорт целый грузовик громил из токкоки.

— А нельзя все сделать по–тихому?

— Поздно. Он уже в пути. Не исключено, придется брать его на месте. Ворваться, схватить и уносить ноги.

— Мне это не нравится, — сказал Рейс. — А вдруг у него встреча с очень важными японскими чиновниками? Ходят слухи, в Сан–Франциско прибыл личный представитель Императора…

— Плевать, — перебил его Кройц фон Меере. — На Вегенера распространяются законы Рейха.

«Знаем мы эти законы Рейха», — подумал Рейс.

— У меня наготове отряд коммандос, — сказал Кройц фон Меере. — Пятеро хороших парней. — Он снова хохотнул. — Все как один — красавчики вроде тебя.

«Вот уж спасибо!» — подумал Рейс.

— Строгие, аскетичные лица. Такие, знаешь, одухотворенные. Как у студентов–богословов. Япошки примут их за струнный квартет.

— Квинтет, — поправил его Рейс.

— Ну да. Эти ребята войдут, поднимутся на нужный этаж…

Сейчас они переодеваются. Поднимутся у всех на виду — прямо к Вегенеру. Окружат его, будто хотят что–то сообщить. Что–то важное, — бубнил Кройц фон Меере, пока консул разбирал почту. — Никакого насилия, вежливо: «Герр Вегенер, пройдите с нами, пожалуйста. Вы понимаете?» И — чик тонюсенькой иголочкой между позвонками. Обратимый паралич нервных узлов.

— Ты слушаешь?

Рейс кивнул:

— Ganzbestimmt.[54]

— И сразу выйдут. Засунут его в машину. Вернутся ко мне в контору. Япошки, конечно, встанут на уши, но будут вежливы до конца. — Кройц фон Меере неуклюже изобразил японский поклон. — Обманывать нас очень некрасиво, герр Кройц фон Меере. Как бы там ни было, до свидания, герр Вегенер.

— Бэйнс, — поправил Рейс. — Он живет под этой фамилией.

— …Бэйнс. Очень жаль, что вы улетаете. Надеюсь, нам удастся поговорить в следующий

---

[54] Примечания: 54
Так точно *(нем.)*.

раз… — На столе у Рейса зазвонил телефон, и Кройц фон Меере перестал кривляться. — Должно быть, меня. — Он протянул руку к трубке, но Рейс успел схватить ее первым.

— Рейс слушает.

— Консул, это Ausland Fernsprechamt[55] в новой Шотландии. Вас срочно вызывает Берлин по трансатлантическому кабелю.

— Хорошо, — сказал Рейс.

— Одну секунду, консул. — Шуршание и потрескивание в трубке, затем — другой голос, женский:

— Kanzlei.[56]

— Ausland Fernsprechamt, Новая Шотландия. Вы просили рейхсконсула Гуго Рейса, Сан–Франциско. Консул на линии. Подождите. — Пока длилась пауза, Рейс продолжал свободной рукой перебирать почту. Кройц фон Меере ждал с безмятежным видом.

— Простите, что отрываю вас от работы, герр консул, — прозвучало вдруг в трубке. «Мужской голос, — отметил Рейс. — Баритон. Знакомая отточенная речь. — У Рейса кровь застыла в жи-

---

[55] Примечания: 55
Зарубежная телефонная станция *(нем.).*

[56] Примечания: 56
Канцелярия *(нем.).*

лах. — Доктор Геббельс!»

— Да, канцлер.

Сидевший напротив Кройц фон Меере расплылся в улыбке. Отвисшая челюсть поджалась.

— Только что ко мне обратился рейхсфюрер Гейдрих и попросил позвонить вам. В Сан–Франциско находится агент абвера. Его зовут Рудольф Вегенер. Во всем, что касается его, вы должны помогать полиции. Посвящать вас в подробности нет времени. Предоставьте здание консульства в распоряжение СД. Ich danke Ihnen sehr dabei.[57]

— Я понял вас, герр канцлер, — сказал Рейс.

— Желаю удачи, консул. — Рейхсканцлер повесил трубку.

Кройц фон Меере пристально посмотрел на Рейса.

— Я был прав?

Рейс пожал плечами.

— Что от меня требуется?

— Нужно, чтобы ты санкционировал принудительное возвращение Вегенера в Германию.

Рейс взял ручку, заполнил бланк и, подписав, вручил шефу СД.

— Спасибо, — буркнул Кройц фон Меере. — И

---

[57] Примечания: 57
Премного благодарен *(нем.)*.

еще: когда япошки позвонят и станут ныть…

— Если позвонят.

Кройц фон Меере бросил на него хмурый взгляд.

— Позвонят. Больше того, сами к тебе наведаются, не пройдет и четверти часа после того, как мы сцапаем Вегенера. — Он больше не острил, в голосе не было и тени юмора.

— Ни о каком струнном квинтете я и слыхом не слыхивал, — заверил Рейс.

Казалось, Кройц фон Меере пропустил его слова мимо ушей.

— Мы его обязательно возьмем, так что будь наготове. Скажешь япошкам, что он гомик или фальшивомонетчик. Что–нибудь в этом роде. Скрывается от наказания за тяжкое преступление. Не вздумай ляпнуть, что он политический. Ты же знаешь, они не признают девяноста процентов национал–социалистических законов.

— Знаю. И что делать, знаю. — В Рейсе поднялось раздражение. «Опять через мою голову! — со злостью подумал он. — Опять напрямую связался с Канцелярией, ублюдок! — У него затряслись руки. Не от звонка ли Геббельса? — Что это? Боязнь начальства или негодование? Черт бы побрал эту полицию! С каждым днем у нее все

больше власти. Вот уже сам доктор Геббельс на нее работает. СД — вот настоящее правительство Рейха! Но что я могу поделать? Да и кто я такой? Лучше не ерепениться. Может, по возвращении в Берлин удастся скомпрометировать эту скотину, благо врагов у него хватает, а сейчас не время собачиться с СД».

— Вас нельзя обвинить в недооценке важности дела, герр полицайфюрер. По–видимому, от того, насколько быстро удастся обезвредить этого шпиона или предателя, зависит безопасность Германии. — Ему стало не по себе от собственных слов. Зато Кройцу фон Меере они явно пришлись по вкусу.

— Ну, спасибо, консул.

— Возможно, вы спасете нас всех.

— Погоди, мы еще его не сцапали, — проворчал шеф СД. — Я жду звонка.

— Японцев я беру на себя, — пообещал Рейс. — Вы знаете, по этой части у меня большой опыт. Их жалобы…

— Ну–ка, помолчи, — перебил его Кройц фон Меере. — Мне надо подумать.

«Видимо, и тебя взволновал звонок из Берлина. И на тебя лег груз ответственности. А что, если парню удастся уйти? Тебя выгонят? — размышлял

Гуго Рейс. — Что поделаешь, такая у нас работа. В любую минуту можем оказаться на улице. Никакой уверенности в завтрашнем дне.

Вообще–то было бы нелишне разок–другой подставить вам ногу, герр полицайфюрер, но так, чтоб никто не докопался. Например, когда япошки придут жаловаться, можно намекнуть, что парня силком увозят на ракете „Люфтганзы“. Или все отрицать, но с такой презрительной ухмылочкой — мол, чего вы ко мне привязались, желтопузые, кто в Рейхе всерьез станет рассматривать ваши жалобы? Ведь япошки такие обидчивые. Стоит их разозлить, могут обратиться к самому Геббельсу. Все в моих руках. Без моей помощи полиции не вывезти парня из ТША. Надо только поточнее нанести удар… Терпеть не могу, когда лезут через мою голову. Так нервничаю, что ночью не заснуть, а не выспавшись — какая работа? Значит, надо позаботиться, чтобы начальство избавило меня от этой неприятности. Если баварского чурбана отзовут домой и усадят писать объяснительные, я буду чувствовать себя куда лучше. Но сейчас — не время. Пока я придумываю, как…»

Зазвонил телефон. Трубку взял Кройц фон Меере. Рейс не осмелился его остановить.

— Алло? — спросил шеф СД.

«Как? Уже?» — подумал Рейс.

Но Кройц фон Меере протянул ему трубку.

— Тебя.

У Рейса отлегло от сердца. Он поднес трубку к уху.

— Какой–то школьный учитель, — пояснил Кройц фон Меере. — Спрашивает, не найдется ли у тебя австрийских театральных афиш для его класса.

Около одиннадцати утра Роберт Чилдэн закрыл магазин и отправился в офис Пола Казоура.

Ему повезло — Пол не был занят. Он вежливо поздоровался с Чилдэном и предложил чаю.

— Не хочу вас задерживать, — сказал Чилдэн, когда они уселись за столик.

Кабинет Пола, хотя и небольшой, был обставлен просто, современно и со вкусом. На стене висела превосходная репродукция картины Моккея «Тигр» — шедевра конца тринадцатого века.

— Роберт, я всегда рад вас видеть.

В голосе Пола, как показалось Чилдэну, сквозило равнодушие. «А может, я слишком мнителен? — Чилдэн повертел в руках чашку. — Он выглядит вполне дружелюбно».

И все же… что–то в его отношении к Чилдэну

изменилось.

— Очевидно, ваша супруга разочарована моим безвкусным подарком. Наверное, мне следовало бы расстроиться, но, даря кому–нибудь необычную, ранее не встречавшуюся вещь, нельзя, как я уже говорил, не понимать, что идешь на риск. Вам с Бетти куда легче судить, чем мне.

— Бетти не разочарована. Роберт, я не показывал ей ваш подарок. — Пол вытащил из ящика белую коробочку. — Он не покидал стен моего кабинета.

«Все понял, — решил Чилдэн. — Ни слова ей не сказал. Сообразительный. Остается надеяться, что он не задушит меня. И не обвинит в попытке соблазнить его жену».

Чилдэну удалось скрыть испуг. Не меняясь в лице, он прихлебывал чай.

— Вот как? — спросил он. — Интересно.

Достав из коробочки брошь, Пол долго рассматривал ее, вертя и поднимая к свету.

— Я показал вашу вещь кое–кому из знакомых. Эти люди разделяют мои вкусы во всем, что касается американской старины и вообще предметов, имеющих художественную ценность. — Он поглядел Чилдэну в глаза. — Разумеется, прежде никто из них не встречал ничего подобного.

Впрочем, вы уже объяснили, что такие вещи до недавнего времени не изготавливались. Помнится, вы сказали, будто никто, кроме вас, не располагает такими украшениями.

— Совершенно верно, — подтвердил Чилдэн.

— Хотите узнать реакцию моих знакомых?

Чилдэн кивнул.

— Они посмеялись.

Чилдэн промолчал.

— Я и сам в душе смеялся, когда вы принесли эту вещь, — сказал Пол. — Но не подал виду, чтобы вас не обидеть. Наверное, вы помните, я старался выглядеть равнодушным?

Чилдэн кивнул. Рассматривая брошь, Пол продолжал:

— Наша реакция вполне объяснима. Какие еще чувства может вызвать бесформенный кусочек расплавленного и застывшего металла? Ведь он ничего не символизирует, не олицетворяет никакой идеи, не воплощает замысла художника. Короче говоря, не имеет смысла. Аморфный предмет. Или, точнее, содержание, не имеющее формы.

Чилдэн снова кивнул.

— И все–таки сам не знаю почему, но при виде этой вещи я испытываю эмоциональную теплоту.

В чем дело? Ведь я даже не пытаюсь, как в немецких психологических тестах, спроецировать на нее свою психику, не вижу в ней ни символов, ни форм. Все дело в том, что она сопричастна с Дао. Понимаете? В ней есть внутреннее равновесие. Гармония. Образно выражаясь, эта вещь пребывает в мире со Вселенной.

Чилдэн кивнул и взглянул на брошь. Пол говорил, не глядя на него:

— Она не имеет ваби и не может иметь. Но, — он коснулся броши ногтем, — Роберт, этот предмет обладает ву.

— Да, вы правы. — Чилдэн попытался вспомнить, что такое ву. «Кажется, это не японское, а китайское слово. Наверное, мудрость, — решил он. — Или чувство истины. Как бы то ни было, это весьма неплохо».

— Руки художника, — продолжал Пол, — обладали ву и влили ву в эту вещь. Быть может, только он сам и знает, что символизирует эта брошь. Она совершенна, Роберт. Созерцая ее, мы получаем ву, испытываем благоговение, но не такое, как от произведения искусства, а, скорее, такое, как при взгляде на святыню. Я вспоминаю усыпальницу в Хиросиме, где выставлена берцовая кость средневекового святого. Там — реликвия, а это

— произведение искусства. То осталось со мной навсегда, тогда как это живет, пока я смотрю на брошь. Благодаря долгой медитации я сумел понять ценность, которой она обладает, несмотря на неисторичность. Как видите, я нахожусь под большим впечатлением.

— Да–а… — растерянно протянул Чилдэн.

— Не иметь историчности, а значит, художественной, эстетической ценности, и тем не менее задевать некие высокие струны души — это чудо. Именно то, что с виду эта безделушка — жалкая, дешевая подделка, и говорит о том, что она обладает ву. Ибо известно, ву спрятано в наименее заметных вещах, или, как гласит христианский афоризм, в камнях, от которых отказался строитель.[58] Кто–то ощущает присутствие ву в старой трости или ржавой жестянке из–под пива, найденной в придорожной канаве. Правда, в таких случаях ву заключено в самом видящем, это суть религиозного ощущения. А здесь художник вложил ву в предмет, который изначально не обладал им. — Пол поднял взгляд. — Я понятно изъясняюсь?

— Да, — твердо сказал Чилдэн.

---

[58] Примечания: 58

«Камень, который отвергли строители, сделался главою угла. Это — от Господа, и есть дивно в очах наших». (Псалтирь, 115, 22–23).

— Другими словами, эта вещь открывает дверь в новый мир. Имя ему не искусство — ибо она не обладает формой — и не религия. Что же это? Я долго размышлял и не мог найти ответ. Очевидно, у нас отсутствует определение для такого рода предметов. А значит, вы правы, Роберт, это подлинно новая вещь на лике мира.

«Подлинно новая, — подумал Чилдэн. — Да, именно так я это понимаю. Что касается остального…»

— Поразмыслив над тем, какую из этого можно извлечь пользу, я обратился к тем же знакомым ценителям. Я изложил им свою точку зрения, не заботясь о производимом эффекте. Этот предмет побуждает пренебречь формальными приличиями, столь велико желание добиться понимания окружающих. И я заставил выслушать меня.

Чилдэн понимал, что для японца почти немыслимо навязывать кому–либо свое мнение.

— Результат оправдал мои ожидания, — продолжал Пол. — Мою точку зрения в основном поняли и приняли. На этом, Роберт, моя миссия закончена. — Он положил брошь в коробочку. — Все, что зависело от меня, сделано. Я выдохся. — Он придвинул коробочку к Чилдэну.

— Сэр, она ваша, — озадаченно пробормотал

Чилдэн. Он не ожидал такого поворота событий. Вначале высокопоставленный японец расхваливает до небес поднесенный ему подарок, а затем возвращает.

Чилдэн не знал, что делать, и сидел, теребя рукав пиджака.

— Роберт, вы не должны прятать голову в песок, — тихо произнес Пол.

Бледнея, Чилдэн пробормотал:

— Боюсь, я несколько сбит с толку, сэр.

Пол встал, глядя на него.

— Держитесь. Отныне эта задача — ваша. Судьба броши и других подобных вещей в ваших руках. Не торопитесь. Побудьте некоторое время наедине с собой, помедитируйте, посоветуйтесь с Оракулом. Взгляните как бы со стороны на свой товар, на рекламу, на методы торговли.

Чилдэн ошарашенно посмотрел на него.

— Вы увидите свой путь, — убеждал Пол. — Вы должны постараться, чтобы эти вещи дошли до людей.

Роберт Чилдэн окаменел.

«По его словам, я должен взять на себя моральную ответственность за судьбу бижутерии „Эдфрэнк“? Вот оно, извращенное, невротическое мировоззрение японцев: для Пола Казоура все

отступает на задний план перед духовным смыслом украшений!

И, что хуже всего, Пол беседовал на эту тему с влиятельными знатоками древней японской культуры и традиций.

Ответственность, — горько подумал Чилдэн. — Раз возложенная, она останется со мной на всю жизнь. До гробовой доски. Пол утверждает, что он выполнил свою задачу. Но моя работа будет бесконечной.

Все они чокнутые, — сказал себе Чилдэн. — Они, к примеру, никогда не помогут поверженному наземь подняться — это, видите ли, унизит достоинство побитого. Да и чего еще ожидать от нации, которая, взявшись копировать английский эсминец, копирует даже заплаты на паровом котле».

Пол пристально смотрел на него. К счастью, Чилдэн давно научился скрывать свои чувства. На его лице застыло вежливо–внимательное выражение.

«Это ужасно, — подумал Чилдэн. — Катастрофа. Лучше бы Пол решил, что я хочу соблазнить его жену… Бетти. Теперь ей не увидеть эту брошь. Мой план сорвался. Ву несовместимо с похотью, оно, по словам Пола, свято и чисто, как реликвия».

— Я раздал своим собеседникам ваши визитки, — предупредил Пол.

— Простите?.. — рассеянно спросил Чилдэн.

— Визитки. Чтобы они могли прийти и поглядеть на ваш товар.

— Спасибо.

— И еще, — сказал Пол. — У одного из моих знакомых есть к вам деловое предложение. Вот его имя и адрес. — Пол вручил Чилдэну визитную карточку. — Он бизнесмен. Массовый экспорт и импорт, в основном в Южной Америке. Радиоаппаратура, фотоаппараты, бинокли и тому подобное.

Чилдэн взглянул на визитку.

— Разумеется, он торгует крупными партиями, — продолжал Пол. — Его компания владеет предприятиями, производящими продукцию с низкой себестоимостью для массового потребления. Почти все они расположены на Востоке, где рабочая сила дешевле.

— А почему он… — начал Чилдэн.

— Подобные вещи, — Пол еще раз взял коробочку, закрыл крышку и вернул коробочку Чилдэну, — могут быть скопированы из металла или пластика. В любом количестве. Горячая штамповка.

После затяжной паузы Чилдэн спросил:

— А как насчет ву? Оно останется в копиях?

Пол промолчал.

— Вы советуете увидеться с ним?

— Да, — сказал Пол.

— Зачем?

— Амулеты, приносящие удачу, — пояснил Пол. — Вы же знаете, многие люди в Латинской Америке и Южной Азии верят в волшебство, заклинания, колдовские зелья и прочее. Мне сказали, это принесет большой доход. — Лицо японца застыло, голос поблек.

— Похоже, на этом можно хорошо заработать, — медленно произнес Чилдэн.

Пол кивнул.

— Это ваша идея?

— Нет, — кратко ответил Пол.

«Значит, твоего шефа, — подумал Чилдэн. — Ты показал брошь начальнику или еще кому–то, богатому и влиятельному, а он связался с этим бизнесменом. Вот почему ты вернул мне брошь — не хочешь участвовать в этом. Но ведь ты знаешь, что я сделаю. Мне придется. Выбора нет. Я продам или уступлю за процент от прибыли эскизы, мы с ним обязательно поладим. А ты умываешь руки. Ты ни при чем. Тебе кажется дурным

тоном отговаривать меня или останавливать».

— У вас есть серьезный шанс разбогатеть, — произнес Пол, глядя в сторону.

— Мне эта идея не очень понятна, — сказал Чилдэн. — Зачем делать амулеты из произведений искусства? Не понимаю.

— Бизнес не интересуется данным аспектом проблемы. В секрет этой вещи посвящены только мы с вами и те люди, которые скоро посетят ваш магазин, — я уже говорил о них.

— Как бы вы поступили на моем месте? — поинтересовался Чилдэн.

— Не стоит пренебрегать возможностью, которую предоставляет судьба. Почтенный бизнесмен — практичный человек. Мы с вами даже представить не можем, сколько на свете необразованных людей. Штампованные безделушки подарят им радость, недоступную нашему пониманию. Тогда как нам нужны уникальные или, на худой конец, очень редкие вещи. И, безусловно, подлинные. — Он помолчал, все еще глядя сквозь Чилдэна. — А не копии, которые продаются десятками тысяч.

«Что он имеет в виду? — насторожился Чилдэн. — Может быть, подделки, что продаются в магазинах вроде моего? Похоже, это намек. Говорит в ироническом тоне как бы об одном,

а получается совсем другое. Двусмысленность, какую любит Оракул, — качество, свойственное восточному уму. Пол словно задает вопрос: кто ты, Роберт? Тот, кого Оракул называет „ничтожным человеком“, или тот, кому предназначены его добрые советы? Надо решать. Ты можешь избрать тот или иной путь, но только один. Выбирай.

А каким путем, по мнению Пола Казоура, пойдет „благородный человек“? — спросил себя Чилдэн. Правда, его мнение далеко не то же самое, что совет освященного тысячелетиями свода мудрости, это всего лишь точка зрения одного смертного — молодого японского бизнесмена. Вот она — суть. Ву, как говорит Пол. Ву в этой ситуации таково: какими бы ни были твои личные пристрастия, истина заключается в предложении почтенного импортера. Конечно, это не совсем то, чего бы мне хотелось, но, как советует Оракул, нам следует подчиняться ситуации. В конце концов оригиналы можно продавать знатокам — скажем, друзьям Пола».

— Вы боретесь с собой, — заметил Пол. — Несомненно, это та ситуация, когда хочется побыть одному. — Он направился к выходу.

— Я уже решил.

У Пола блеснули глаза.

Помедлив, Чилдэн сказал:

— Я последую вашему совету и обращусь к этому бизнесмену. — Он взял коробочку.

Странно, но, казалось, Пола это не обрадовало. Он что–то пробормотал и вернулся к столу. «Скрывает эмоции, — решил Чилдэн. — Воистину, сдержанность у них в крови».

— Большое вам спасибо за помощь. Я не забуду и постараюсь отблагодарить, — сказал Чилдэн.

Но Казоура оставался бесстрастным. «Да, они непроницаемы», — подумал Чилдэн.

У двери Пол внезапно спросил:

— Американские художники сделали эту вещь сами, верно?

— Да, от эскиза до окончательной шлифовки.

— Сэр, а согласятся ли они с вашим решением? Мне кажется, они мечтают о другой участи для своих изделий.

— Уверен, их можно убедить. — Эта проблема казалась Чилдэну пустяковой.

— Да, — вздохнул Пол. — Видимо, вы правы.

Что–то в его тоне заставило Чилдэна насторожиться. И вдруг до него дошло. «Это уже не двусмысленность, — понял он. — Ну конечно! Это предложение направлено на искоренение американской культуры. Проклятие! Я с такой

легкостью проглотил крючок вместе с леской и грузилом… Шаг за шагом он подвел меня к согласию, провел по мощеной дорожке к решению: предметы американского искусства не годны ни на что иное, кроме как на образцы для дешевых амулетов. Вот как правят нами японцы — не жестокостью, а тонким, расчетливым коварством. Господи, мы действительно варвары по сравнению с ними! Мы теряемся перед их витийством. Пол не сказал — он никогда не скажет, — что наше искусство ничего не стоит. Он сделал так, что я сказал это сам. А под конец он еще и пожурил меня за недомыслие. Едва заметный жест сожаления цивилизованного человека. Он сломал меня! — Чилдэн едва не произнес это вслух. — Унизил меня и мою расу. И я ничего не могу поделать. Я беспомощен. Нас унижают так тонко, что мы едва понимаем это. По сути, нам необходим еще один виток эволюции, чтобы осознать, насколько мы унижены. Какие еще нужны доказательства превосходства японцев? — Теперь его подмывало рассмеяться. — Да, — язвительно думал он, усмехаясь про себя, словно услышал остроумный анекдот. — Это надо запомнить, намотать на ус, чтобы потом рассказать кому–нибудь. Но кому? Вот вопрос. Это слишком личное».

В углу кабинета стояла корзина для мусора. «Туда, — подумал Чилдэн. — Вот самое подходящее место для изделий „Эдфрэнк“. Смогу ли я это сделать? Выбросить у Пола на глазах? Раз и навсегда покончить с проблемой?

Нет, я даже выбросить не смогу, — понял он, сжимая коробочку. — Иначе — конец приятельским отношениям с высокопоставленным японцем. — Его порыв угас. — …Будьте вы прокляты! Даже поддавшись порыву, я не в силах избавиться от навязанных вами привычек».

Пол молча смотрел на него, не дожидаясь ответа. Да и зачем ответ? Человек и без слов достаточно выразителен.

«Он поймал меня в западню, — с горечью подумал Чилдэн. — Невидимой цепью приковал безделушку к моей душе. Наверно, я слишком долго живу среди них. Поздно рваться на свободу, поздно пытаться жить, как подобает белому человеку».

Вслух он сказал:

— Пол… — Голос его был глух и невыразителен.

— Да, Роберт.

— Пол, я… Я глубоко оскорблен.

Комната поплыла у него перед глазами.

— Почему, Роберт? — Участливый, но отчужденный тон. По ту сторону добра и зла.

— Сейчас, Пол… — Чилдэн вытащил брошь, мгновенно ставшую скользкой от пота. — Я… я горжусь этим произведением искусства. Мне и в голову не пришло бы отдать его для штамповки дешевых амулетов. Я отказываюсь.

И снова он не смог определить, как воспринял его слова Казоура — на лице японца все то же бесстрастие.

— Благодарю за предложение, — говорил Чилдэн, — но я вынужден отказаться. — Он поклонился. — Эти вещи сделали гордые американские художники. И я с ними заодно. Вашу идею — использовать эти творения для массового производства амулетов — я считаю оскорбительной. И прошу вас принести извинения. — Чилдэн внутренне похолодел.

Последовала невыносимо долгая пауза.

Пол не сводил с него глаз. Одна бровь приподнялась, тонкие губы скривились. В улыбке?

— Я требую, — произнес Чилдэн. Больше говорить ему было нечего. Оставалось ждать.

«Ну пожалуйста! — мысленно взмолился он. — Попроси прощения!»

— Простите мне высокомерный тон, — сказал

Пол, протягивая руку.

— Хорошо, — кивнул Роберт Чилдэн. Он пожал руку японца, и в сердце его пришел покой. «Я все переживу, — сказал он себе. — Все–все. Благодарение Богу — Он наставил меня в миг выбора. Он приходит к каждому в трудную минуту. Будет ли мне дарован еще один шанс разбогатеть? Вряд ли».

Сейчас, приняв столь трудное решение, он испытывал полное безразличие ко всему окружающему. «Я словно поднялся на поверхность и созерцаю рябь на воде, — пришла вялая мысль. — Жизнь коротка. А искусство и все то, что над жизнью, — бессмертно, почти вечно. Я стою перед бетонной стеной, и ни прохода, ни лестницы, чтобы перебраться на ту сторону. Хватит. Больше не буду стоять».

Взяв коробочку с ювелирным изделием «Компании Эдфрэнк», он опустил ее в карман пальто.

Глава 12

— Мистер Тагоми, это мистер Ятабе. — Рамсей отошел к двери кабинета, а к столу Тагоми направился подтянутый пожилой человек.

Хозяин кабинета поднялся из–за стола и подал руку:

— Рад нашей встрече, сэр.

Легкие, хрупкие пальцы скользнули в его ладонь. Тагоми осторожно пожал руку гостя и сразу отпустил, подумав при этом: «Надеюсь, я ничего не сломал?» Старик вызывал симпатию. Какая твердость, уверенность во взгляде! Чувствуется ясный, цепкий ум. Не человек, а само воплощение суровых традиций. И тут до Тагоми дошло, что перед ним генерал Тедеки, бывший начальник Императорского генштаба собственной персоной.

— Генерал. — Тагоми низко поклонился.

— А где третий участник переговоров? — спросил Тедеки.

— Вот–вот должен появиться, — заверил Тагоми. — Я лично звонил ему в гостиницу.

Мысли путались. Как был, в поклоне, он отсту-

пил на несколько шагов и застыл. Да и вряд ли он смог бы выпрямиться в эту минуту.

Рамсей, очевидно, не понял, кто их гость, и, не выказывая робости, помог генералу сесть в кресло. Помедлив, Тагоми опустился в кресло напротив.

— Теряем время, — заметил Тедеки. — Жаль, конечно, но ничего не поделаешь.

— Вы правы, — согласился Тагоми.

Прошло минут десять. Все молчали.

— Простите, сэр, — забеспокоился Рамсей. — Если я не нужен, нельзя ли мне уйти?

Тагоми кивнул, и Рамсей удалился.

— Чаю, генерал? — спросил Тагоми.

— Нет, сэр.

— Сэр, — сказал Тагоми, — признаюсь, мне не по себе. Я чувствую, что узнаю сейчас нечто особенное.

Генерал кивнул.

— Прибывший сюда по делам мистер Бэйнс выдает себя за шведа. Но, приглядевшись внимательнее, я решил, что он скорее всего высокопоставленный немец. Я говорю вам об этом потому, что… — Тагоми замялся.

— Продолжайте, пожалуйста.

— Благодарю. Генерал, его беспокойство гово-

рит о том, что наша встреча связана с политическими изменениями в Рейхе. — Тагоми утаил от генерала, что догадывается о причине его задержки.

— Все это предположения, сэр, — сказал генерал, — а не информация. — В глазах Тедеки не было ничего, кроме отеческой доброты.

Тагоми проглотил упрек.

— Скажите, сэр, мое присутствие на этой встрече — простая формальность? Конспиративный прием?

— Естественно, мы заинтересованы в соблюдении конспирации. Мистер Бэйнс — обыкновенный бизнесмен, представитель стокгольмской фирмы «Тор–Ам». А я — Синьиро Ятабе.

«А я — Тагоми, — подумал Тагоми. — Играю самого себя».

— Несомненно, нацисты следят за перемещениями мистера Бэйнса, — продолжал генерал. Он сидел, расправив плечи, положив руки на колени. «Словно принюхивается к невесть откуда доносящемуся запаху бульона», — мелькнула мысль у Тагоми. — Но разоблачить его могут только законными путями. В этом–то и состоит его задача: не играть с ними в кошки–мышки, а соблюдать формальности на тот случай, если

его засекут. Если это случится, у него надежная «крыша».

— Понимаю, — сказал Тагоми.

«Все–таки это плохая игра, — подумал он. — Хотя, наверное, она не лишена смысла. Наши штабисты хорошо разбираются в психологии наци».

На столе загудел селектор. Раздался голос Рамсея:

— Сэр, пришел мистер Бэйнс. Пригласить?

— Да! — воскликнул Тагоми.

Вошел Бэйнс в безукоризненно модном костюме. Он был совершенно спокоен.

Навстречу ему поднялся генерал Тедеки. Тагоми тоже встал. Они раскланялись.

— Сэр, — обратился к генералу Бэйнс, — я — капитан Рудольф Вегенер из военно–морской разведки. Хочу заявить, что я не представляю здесь никого, кроме себя и нескольких частных лиц, пожелавших остаться неизвестными. Никакие службы или учреждения Рейха к моему визиту не причастны.

— Я понял, что вы не являетесь официальным представителем Рейха, герр Вегенер, — сказал генерал. — Я тоже прибыл сюда неофициально. Но, благодаря своему прежнему посту в Импе-

раторской армии, я имею некоторое влияние в Токио и сумею довести ваши слова до сведения тех, кто в этом заинтересован.

«Странная беседа, — подумал Тагоми, — есть в ней какая–то музыка. Расслабляющая и успокаивающая».

— Мне бы хотелось сразу перейти к делу, — произнес Бэйнс. — Прошу передать тем, к кому вы имеете доступ, что в Рейхе готовится реализация плана под названием операция «Одуванчик».

Генерал кивнул с таким видом, словно слышал об этом. Но Тагоми заметил, что он с нетерпением ждет продолжения.

— «Одуванчик» начнется с конфликта на границе Штатов Скалистых Гор и Соединенных Штатов Америки.

Генерал вновь кивнул и улыбнулся уголком рта.

— Нападению подвергнутся войска США. Они перейдут в наступление, оттеснят войска ШСГ за линию границы и вступят в бой с частями противника, заранее стянутыми в зону конфликта. У офицеров армии США есть подробные карты с указанием оборонительных объектов Среднего Запада. На помощь войскам США придет парашютный десант добровольцев вермахта. Но это

тоже камуфляж.

— Ясно, — кивнул генерал.

— Основная цель операции «Одуванчик» — массированный атомный удар по Родным островам. Без каких–либо предупреждений. — Бэйнс замолчал.

— С целью уничтожения августейшей семьи, армии самообороны, Императорского флота, гражданского населения, промышленности и ресурсов, — задумчиво продолжил за него генерал Тедеки. — И последующего захвата всех наших колоний.

Бэйнс промолчал.

— Что еще? — спросил генерал.

Бэйнс не понял.

— Дата, сэр, — пояснил генерал.

— Все даты изменены, — вздохнул Бэйнс. — В связи со смертью Мартина Бормана. Сейчас у меня нет контактов с абвером.

— Продолжайте, герр Вегенер, — попросил генерал.

— Мы рекомендуем внимательно изучить ситуацию, сложившуюся в Рейхе, — сказал тот и сразу поправился: — То есть я рекомендую. В высших эшелонах власти есть сторонники операции «Одуванчик», но есть и противники. Была

надежда, что со смертью рейхсканцлера Бормана последние придут к власти.

— Но пока вы здесь находились, герр Борман умер и проблема решилась сама собой, — заметил генерал. — Выбор сделан. Рейхсканцлером стал доктор Геббельс.

— Доктор Геббельс — ярый сторонник «Одуванчика», — предупредил Бэйнс.

Ни он, ни генерал не заметили, что Тагоми закрыл глаза.

— А кто ему противостоит? — спросил Тедеки.

Тагоми смутно расслышал ответ:

— Рейхсфюрер СС Гейдрих.

— Весьма удивлен, — признался Тедеки. — Это точная информация или мнение ваших коллег?

— Административное управление территориями, ныне находящимися под контролем Японии, будет передано министерству иностранных дел. Точнее — людям Розенберга, связанным с Канцелярией напрямую. В течение минувшего года об этом постоянно спорили на совещаниях руководства. В подтверждение своих слов я могу представить фотокопии стенограмм. Вторым претендентом на власть была полиция, но она не добилась успеха. Ей отдан на откуп космос — Марс, Луна, Венера. Полиция ведает колониза-

цией планет. Как только утрясли вопрос о власти, полиция стала противодействовать плану «Одуванчик» и добиваться передачи всех средств для осуществления космических программ.

— Соперничество, — произнес генерал Тедеки. — Одна команда играет против другой. Но обе — за сильного лидера. Значит, он ничем не рискует.

— Вы правы, — кивнул Бэйнс. — И поэтому я здесь и прошу вас о вмешательстве. Возможность пока есть — ситуация еще зыбкая. Пройдет не один месяц, пока доктор Геббельс окончательно утвердится в должности. Ему придется сломать хребет полиции, к тому же, возможно, устранить Гейдриха и высших офицеров СС и СД. Как только это случится…

— Следовательно, мы должны поддерживать Sicherheitsdienst? — перебил его Тедеки. — Самую зловещую касту в Германии?

— Совершенно верно.

— Император не одобрит такую политику, — заявил Тедеки. — «Мертвые головы», черные мундиры, «система замков» — все это он считает воплощением зла.

«Зло, — подумал Тагоми. — Да, именно так. Имеем ли мы право, даже ради спасения соб-

ственной жизни, поддерживать зло? Не в этом ли главный парадокс нашего суетного мира? Мне этой проблемы не решить. Человек не может существовать в вечной неопределенности. А в этом мире все пути ведут в тупик. Все смешалось: свет и тьма, иллюзия и реальность».

— Вермахт — единственный в Рейхе обладатель водородной бомбы, — продолжал Бэйнс. — Случается, ее используют чернорубашечники, но только под надзором армии. Когда у власти стоял Борман, полицейских к ядерным заводам и складам и близко не подпускали. Операцию «Одуванчик» будет осуществлять главное командование вермахта.

— Это мне ясно, — кивнул Тедеки.

— Чернорубашечники всегда превосходили вермахт жестокостью. Но власти у них меньше. Наши решения должны основываться на реальности, а не на исповедуемых нами этических нормах.

— Да, надо быть реалистами, — вслух согласился Тагоми. Бэйнс и генерал оглянулись.

— Конкретно, что вы предлагаете? — спросил генерал у Бэйнса. — Установить контакт с местной резидентурой СД? Напрямую связаться с… ее шефом? Не знаю его имени, но уверен, это оттал-

кивающий тип.

— В здешнем отделении СД ничего не знают, — сказал Бэйнс. — Шеф местной полиции Бруно Кройц фон Меере — партиец старой закваски. Ein Altparteigenosse.[59] Имбецил. В Берлине никому и в голову не пришло бы раскрыть перед ним карты.

— Тогда с кем нам связываться? — В голосе генерала зазвучало раздражение. — Со здешним консулом или с рейхсконсулом в Токио?

«Разговор ни к чему не приведет, — уныло подумал Тагоми. — Какой бы огромной ни была ставка, мы не должны лезть в чудовищную, шизофреническую трясину нацистской междоусобицы. Наш разум просто не выдержит».

— Надо действовать очень осторожно, — ответил Бэйнс. — Через ряд промежуточных лиц вам следует выйти на кого–нибудь из приближенных Гейдриха, находящихся за пределами Рейха, в нейтральной стране. Или на человека, которому часто приходится летать из Берлина в Токио.

— У вас есть кто–нибудь на примете?

— Итальянский министр иностранных дел граф Чиано. Интеллигентный, надежный и очень

---

[59] Примечания: 59
Старый партиец *(нем.)*.

смелый человек. К тому же он прекрасно разбирается в международной обстановке. Правда, у него нет прямых контактов с аппаратом СД, но в случае необходимости он может действовать по другим каналам. Через заинтересованных промышленников вроде Круппа или через генерала Шпейделя, даже через руководство Ваффен–СС. В Ваффен–СС не такие фанатики, им близки интересы немецкого народа.

— А разве нельзя обратиться к Гейдриху через вашу организацию, я имею в виду абвер?

— Чернорубашечники нас на дух не переносят. Вот уже двадцать лет, как они добиваются у Партай нашего роспуска.

— А лично вам не грозит опасность с их стороны? — спросил генерал Тедеки. — Насколько мне известно, здесь, на Тихоокеанском побережье, они очень деятельны.

— Деятельны, но неумелы, — возразил Бэйнс. — Правда, Рейс, представитель МИДа, способный малый, но не в ладах с СД.

— Мне бы хотелось получить от вас фотокопии стенограмм, — сказал генерал Тедеки, — чтобы передать их моему правительству. И вообще, для нас будут не лишними любые материалы, касающиеся этого вопроса. И… — он помедлил, —

доказательства. Объективные.

— Ну конечно. — Бэйнс извлек из кармана плоский серебряный портсигар и протянул Тедеки. — В каждой сигарете контейнер с микропленкой.

— А сам портсигар? — спросил генерал, повертев его в руках. — Похоже, он весьма недешев.

— Портсигар — тоже. — Бэйнс улыбнулся.

— Благодарю вас. — Улыбнувшись в ответ, генерал убрал портсигар в карман пальто.

Загудел селектор. Тагоми нажал кнопку.

— Сэр, в нижнем вестибюле люди из СД, — послышался взволнованный голос Рамсея. — Они пытаются захватить здание. Сейчас дерутся с охраной «Таймс». — Под окнами кабинета заревела сирена. — К нам едет подмога из МП[60] и кэмпетай.

— Спасибо, мистер Рамсей, — поблагодарил Тагоми. — Вы поступаете благородно, не поддаваясь панике. — Бэйнс и Тедеки напряженно прислушивались к разговору. — Не беспокойтесь, господа, — сказал им Тагоми. Уверен, головорезам из СД не добраться до нашего этажа. Их просто перебьют по пути. — И — в селектор: — Мистер

---

[60] Примечания: 60
Military Police, военная полиция.

Рамсей, отключите, пожалуйста, лифты.

— Хорошо, мистер Тагоми.

— Будем ждать, — сказал Тагоми. Он выдвинул ящик стола и достал шкатулку тикового дерева. Поднял крышку, извлек прекрасно сохранившийся револьвер времен Гражданской войны — кольт сорок четвертого калибра выпуска тысяча восемьсот шестидесятого года, предмет гордости коллекционера. Затем достал жестянку с порохом, пули, капсюли и стал заряжать револьвер на глазах у опешивших Бэйнса и генерала. — Это из моей коллекции, — пояснил он. — У меня мальчишеская страсть — стрельба по–ковбойски. Я долго учился палить с бедра — на досуге, конечно — и, если судить по результатам состязаний с другими энтузиастами, добился некоторого успеха. Но всерьез этим пользоваться мне еще не приходилось.

Сидя за верстаком, Фрэнк Фринк шлифовал серебряную сережку в виде раковины улитки. Мельчайшие крошки окалины летели ему в очки, оставляли черные пятнышки на ногтях. От трения серьга жгла пальцы, но Фрэнк все сильнее прижимал ее к поверхности круга.

— Смотри не перестарайся, — предупредил Маккарти. — Выступы сними, а впадины пусть

остаются как есть.

Фрэнк пробормотал что–то неразборчивое.

— Серебро с чернью легче сбыть, — пояснил Маккарти. — Оно выглядит старше.

«Сбыть», — с горечью подумал Фрэнк.

Они еще ничего не продали. Кроме Чилдэна, взявшего кое–что на комиссию, никто ничего не купил. А ведь они побывали в пяти магазинах.

«Мы еще ничего не заработали, — думал Фрэнк. — Все делаем и делаем новые вещи, а они остаются в мастерской». Сережка зацепилась ушком за ткань, выскользнула из пальцев и полетела на пол. Он выключил мотор.

— Ты ими не разбрасывайся, — укорил Маккарти, возившийся с паяльной лампой.

— Господи, да она с горошину! Как ее удержишь?

— Все равно отыщи.

«Черт бы ее побрал», — мысленно выругался Фрэнк.

— В чем дело? — спросил Маккарти, видя, что Фрэнк не трогается с места.

— Ничего нам с тобой не продать, — угрюмо сказал Фрэнк. — Что бы мы ни сделали.

— Это верно, чего не сделали — не продать.

— Вообще ничего не продадим!

— Пять магазинов — это капля в море, — возразил Маккарти.

— Хватит, чтобы понять спрос.

— Не падай духом.

— А я и не падаю, — буркнул Фрэнк.

— Ты к чему ведешь? — спросил Маккарти.

— К тому, что пора сбывать лом.

— Ну ладно, остынь.

— Уже остыл.

— Раз так, буду продолжать в одиночку, — проворчал Маккарти, зажигая паяльную лампу.

— А как поделим барахло?

— Не знаю. Придумаем.

— Выплати мне мою долю, — потребовал Фрэнк.

— Черта с два.

— Отдай шестьсот долларов, — настаивал Фрэнк.

— Нет. Можешь взять половину оборудования.

— Полмотора?

Наступила тишина.

— Еще три магазина, — сказал наконец Маккарти. — А потом вернемся к этому разговору.

Он опустил на глаза щиток и стал припаивать медное звено к браслету.

Фрэнк встал из–за верстака, нашарил на полу

сережку и положил ее в коробку с заготовками.

— Пойду покурю, — буркнул он и направился к лестнице.

«Все кончено», — сказал он себе. Он стоял под козырьком двери, часто затягиваясь дымом марихуаны и провожая рассеянным взглядом снующие машины. К нему приблизился белый средних лет, заурядной наружности.

— Мистер Фринк? Фрэнк Фринк?

— Верно, — ответил Фрэнк.

Человек достал из кармана сложенный листок и удостоверение.

— Департамент полиции Сан–Франциско. У меня ордер на ваш арест.

Фрэнк и глазом моргнуть не успел, как незнакомец сжал его локоть.

— За что? — пролепетал Фрэнк.

— За мошенничество. Вы обманули мистера Чилдэна, владельца «Художественных промыслов Америки».

Появились еще двое легавых в штатском и встали по бокам. Полицейский потащил Фрэнка за собой по тротуару.

Его затолкали в неброский «тойопет», приткнувшийся у обочины.

«Вот какие испытания готовит нам судьба, —

подумал Фрэнк, сдавленный с двух сторон телами полицейских. Хлопнула дверца, и машина вклинилась в автомобильный поток. — И таким сукиным сынам приходится подчиняться!»

— У вас есть адвокат? — спросил один из фараонов.

— Нет, — ответил он.

— В отделении вам предложат из списка на выбор.

— Спасибо.

— Как вы поступили с деньгами? — спросил другой полицейский, когда они въезжали в гараж отделения на Керни–стрит.

— Истратил, — ответил Фрэнк.

— Все?

Он промолчал.

Полицейский пожал ему руку и одобрительно засмеялся. Когда они вышли из машины, другой фараон спросил:

— Твоя настоящая фамилия — Финк?

У Фрэнка душа ушла в пятки.

— Финк, — повторил фараон. — Ты ведь жид? — Он раскрыл большую серую папку. — Сбежал из Европы.

— Я родился в Нью–Йорке, — возразил Фрэнк.

— Нет, ты удрал от наци, — ухмыльнулся фара-

он. — Знаешь, чем это пахнет?

Фрэнк вырвался и бросился бежать. Фараоны заорали, и у выхода из гаража полицейская машина преградила ему дорогу. Сидевшие в ней люди улыбались. Один из них вышел, держа в руке пистолет, и защелкнул наручник на запястье Фрэнка.

— Домой, в Германию, — ласково сказал фараон в штатском.

— Я американец, — пробормотал Фрэнк Фринк.

— Ты еврей, — настойчиво сказал фараон.

— Его здесь кокнут? — спросил кто–то, когда Фрэнка вели наверх.

— Нет, сдадим консулу. Немцы судят евреев по законам Германии.

Списка адвокатов Фрэнк так и не увидел.

Минут двадцать Тагоми неподвижно просидел за столом, держа дверь под прицелом. Бэйнс ходил по кабинету. После некоторых раздумий старый генерал взял трубку телефона и позвонил в японское посольство. Но барона Кэлемакуле он не застал; по словам сотрудников посольства, его не было в городе.

Генерал решил дозвониться до Токио по тихоокеанской линии.

— Я позвоню в военную академию, — объяснил

он Бэйнсу. — Они свяжутся с частями Императорских вооруженных сил, расквартированных поблизости.

«Короче говоря, нас выручат через несколько часов, — подумал Тагоми. — Наверное, пришлют морскую пехоту с авианосца, вооруженную пулеметами и минометами. Действуя по официальным каналам, можно добиться эффективных результатов… Но для этого, к сожалению, требуется время. А помощь нужна сейчас, когда бандиты–чернорубашечники избивают внизу клерков и секретарей».

— А может, стоит связаться с германским консулом? — предложил Бэйнс.

Перед глазами Тагоми мигом возникла сцена, как он диктует мисс Эфрикян решительный протест, адресованный Рейсу.

— Я могу позвонить рейхсконсулу Рейсу по другому телефону, — сказал он.

— Попробуйте, — сказал Бэйнс.

Не опуская кольта, Тагоми нажал кнопку на поверхности стола. Тотчас появился аппарат, предназначенный для секретных разговоров. Тагоми набрал номер германского консульства.

— Добрый день. Кто говорит? — решительный, отрывистый голос с легким акцентом. Очевидно,

кто–то из служащих.

— Его превосходительство герра Рейса, пожалуйста, — потребовал Тагоми. — Это срочно. Тагоми. — Он говорил жестким, не терпящим отказа тоном.

— Да, сэр. Одну секунду, сэр. — Долгая пауза. В трубке ни звука, ни шороха. «Стоит рядом и ждет, — догадался Тагоми. — Типичная нордическая изворотливость».

— Меня дурачат, это ясно, — сообщил он генералу Тедеки и Бэйнсу.

— Простите, мистер Тагоми, что заставил вас ждать, — служащий наконец подал голос.

— Ничего, пустяки.

— Консул на совещании. Если…

Тагоми бросил трубку.

— Напрасная трата времени, — удрученно заключил он. — Куда бы еще обратиться? Токкока в курсе, в береговую военную полицию тоже нет смысла звонить. Прямо в Берлин? Рейхсканцлеру Геббельсу? В Напа, на аэродром Императорских Военно–Воздушных Сил? Я позвоню шефу СД Кройцу фон Меере, — решил он. — Начну с жалобы, если не поможет — перейду на брань и крик.

Тагоми набрал номер, принадлежавший, если верить телефонному справочнику, отделу охра-

ны ценных грузов аэропорта «Люфтганзы». Пока в трубке звучали гудки, Тагоми добавил:

— Сейчас вы услышите ругань на грани истерики.

— Да, устройте ему спектакль, — улыбнулся генерал.

В трубке раздался резкий голос:

— Кто это?

«Звучит решительнее моего», — подумал Тагоми.

— Ну, поживее! — поторопил голос.

— Я требую арестовать и отдать под суд шайку головорезов и дегенератов, ваших белокурых бестий–берсерков! — заорал в трубку Тагоми. — Знаешь, кто тебе звонит, Kerl?[61] Тагоми, торговый атташе Имперского правительства! Даю пять секунд, чтобы ты их отозвал! Иначе спецкоманда морской пехоты забросает их фосфорными гранатами!

На другом конце линии что–то бессвязно пролепетали. Тагоми подмигнул Бэйнсу.

— …нам ничего не известно, — услышал он наконец.

— Лжец! — закричал мистер Тагоми. — Ну что

---

[61] Примечания: 61
Болван *(нем.).*

ж, нам ничего другого не остается. — Он бросил трубку. — Конечно, это всего лишь блеф, но он не повредит. Приятно понервировать СД.

Едва генерал Тедеки открыл рот, чтобы заговорить, как снаружи оглушительно забарабанили в дверь. Через секунду она распахнулась. В кабинет ввалились двое коренастых белых с пистолетами. Они сразу направились к Бэйнсу.

— Das ist er![62] — сказал один из них.

Сидевший за столом Тагоми поднял коллекционный кольт сорок четвертого калибра и нажал спуск. Один фашист рухнул на пол, другой мгновенно вскинул пистолет с глушителем. Тагоми не услышал хлопка, только свист пули. Сам он с бешеной скоростью взводил курок кольта и стрелял снова и снова. У немца разлетелась челюсть. Как в замедленном кино, в воздухе поплыли осколки кости и зубов, куски плоти и брызги крови. «В рот попал! — понял Тагоми. — Ужасный результат, особенно если стреляешь в упор».

В глазах изувеченного фашиста еще теплилась жизнь.

«Он меня видит», — подумал Тагоми.

В следующее мгновение глаза потухли, немец

---

[62] Примечания: 62
Это он! *(нем.)*

выронил пистолет и, страшно клокоча горлом, рухнул.

— Какое отвратительное зрелище, — пробормотал Тагоми.

В дверном проеме больше никто не появлялся.

— Наверно, все кончено, — сказал генерал.

Отведя три минуты утомительной процедуре перезарядки оружия, Тагоми нажал кнопку селектора.

— У меня здесь тяжелораненый бандит, — сказал он. — Пожалуйста, вызовите «скорую помощь».

Никакого ответа. Только тихое гудение.

Бэйнс подобрал оба пистолета. Один отдал генералу, другой взял на изготовку.

— Теперь они нам и вовсе не страшны. — Тагоми уселся, как прежде, с кольтом в руке.

— Сдавайтесь, немецкие бандиты! — закричали в коридоре.

— Мы с ними уже справились! — крикнул в ответ Тагоми. — Входите, не бойтесь.

В дверях появилась группа служащих «Ниппон таймс». Некоторые успели вооружиться топорами, ружьями и гранатами со слезоточивым газом.

— Cause celebre,[63] — сказал Тагоми. — Правительство ТША в Сакраменто может тотчас объявлять войну Рейху. — Он переломил револьвер.

— Немцы будут все отрицать, — покачал головой Бэйнс. — Стандартный прием. Сколько раз так было. — Он положил на стол Тагоми пистолет с глушителем. — Сделано в Японии.

Тагоми внимательно рассмотрел оружие. Бэйнс не ошибся — пистолет изготовлен в Японии. Спортивный, последняя модель.

— Кроме того, они не подданные Рейха, — продолжал Бэйнс. Он успел заглянуть в бумажник убитого. — Гражданин ТША. Проживает в Сан–Хосе. Ничего общего с СД. Имя — Джек Сандерс.

— Я понял, — кивнул Тагоми. — Заурядный налет. Цель — очистить мой сейф. Политические мотивы отсутствуют. — Он с трудом поднялся. «Как бы там ни было, попытка вашего убийства или похищения не удалась. Во всяком случае, первая. Но в СД, несомненно, знают, кто такой мистер Бэйнс и для чего он прилетел».

— Перспективы малоутешительные, — произнес он вслух. «Может, нам посодействует

---

[63] Примечания: 63
Громкое дело, сенсационный судебный процесс *(фр.)*.

Оракул? — подумал он. — Предостережет, защитит, даст добрый совет?»

Едва держась на ногах, он взял черенки тысячелистника.

«В целом ситуация весьма запутана и необычна, — решил он. — Человеческий разум не в состоянии в ней разобраться; это под силу только мудрости пяти тысячелетий. Немецкое тоталитарное общество напоминает некую жизненную форму, которая по ошибке явилась на свет. Оно отвратительно во всех своих проявлениях. Квинтэссенция бессмысленности. Местное отделение СД — инструмент политики, не имеющий ничего общего с политикой берлинского руководства. Где истина? Что такое Германия на самом деле? Чем была прежде? Мерзкая гниющая пародия на государство, к которой чем пристальнее присматриваешься, тем большее отвращение испытываешь. Но Оракул и здесь сумеет помочь, подсказать. Даже в этом дьявольском клубке взбесившихся котов для него нет тайн».

Наблюдая за Тагоми, рассеянно перебирающим пригоршню черенков, Бэйнс понял, насколько велико смятение этого человека. Для него убить или изувечить кого–нибудь не просто ужасно — немыслимо.

«Какими словами его подбодрить? Он стрелял, защищая меня, а значит, ответственность за погубленные жизни ложится на мои плечи. И я должен ее принять».

К Бэйнсу подошел генерал Тедеки и шепнул на ухо:

— Вы видите: мистер Тагоми в отчаянии. Очевидно, он вырос в религиозной семье. Все живое для буддиста священно, никого нельзя убивать. Подобная среда глубоко влияет на мировоззрение.

Бэйнс кивнул.

— К нему вернется душевное равновесие, — продолжал генерал. — Но не сразу. Сейчас у него нет твердой опоры, чтобы осознать, обдумать свой поступок. А книга поможет ему, укажет путь.

— Понимаю, — кивнул Бэйнс. «Другой критерий оценки, который мог бы ему помочь, — учение о первородном грехе. Но вряд ли Тагоми о нем слышал. Все мы обречены творить зло и насилие. Таково наше предназначение. Наша карма.

Чтобы спасти одну жизнь, Тагоми пришлось погубить две. Труднейшее испытание для уравновешенного, трезвомыслящего разума. Такому человеку, как Тагоми, оно грозит безумием. И

все–таки решающий момент не в настоящем. Не в моей смерти и не в смерти двух негодяев из СД. Он в будущем. Случившееся здесь оправдано или будет оправдано в дальнейшем. Кто знает, может, мы спасем жизнь миллионам — фактически всем японцам. Но человеку, глядящему на стебельки, подобные мысли не приходят в голову. Действительность слишком осязаема. На полу его кабинета лежат мертвый и умирающий.

Генерал прав — только время вернет мистеру Тагоми душевное равновесие. Иначе он погрузится во мрак безумия, навсегда утратит связь с реальностью.

А ведь мы ничем от него не отличаемся. В наших мозгах точно такая же путаница. Поэтому, к сожалению, мы не в силах помочь Тагоми. Мы можем только ждать, надеясь, что в конце концов он придет в себя».

Глава 13

В Денвере они посетили шикарные современные магазины. Одежда стоила безумно дорого, но оказалось, что для Джо это не имело значения. Что бы Джулиана ни выбрала, он расплачивался, не моргнув глазом. Во второй половине дня, перемерив уйму нарядов, Джулиана выбрала голубое итальянское платье с рукавами–буфами и умопомрачительно глубоким декольте. Совсем недавно она видела такое платье — лучший фасон года — в европейском журнале мод. За него пришлось выложить почти две сотни долларов.

В придачу к платью Джулиане понадобились три пары туфель, новые нейлоновые чулки, несколько шляпок и черная кожаная сумочка ручной работы. Кроме того, она обнаружила, что декольте итальянского платья требует нового лифчика, прикрывающего только нижнюю часть груди. Поглядев на себя в большое, в полный рост, зеркало, Джулиана подумала, что нагибаться будет небезопасно. Но продавщица клятвенно заверила ее, что, несмотря на отсутствие бретелек, новый бюстгальтер подходит как нельзя

лучше. «Только соски и прикрывает, — подумала Джулиана, рассматривая себя в тиши примерочной. — Ни миллиметра выше».

Бюстгальтер тоже влетел Джо в копеечку — импортная вещь, объяснила продавщица, к тому же ручной работы. По просьбе Джулианы продавщица показала спортивные костюмы, шорты, купальники и махровый халат. Но тут Джо занервничал, и они пошли дальше.

— Ты не находишь, что я буду выглядеть сногсшибательно? — спросила она.

— Да, — рассеянно ответил он, загружая в машину пакеты и свертки. — Особенно платье. Наденешь, когда поедем к Абендсену, понятно?

Последнюю фразу он произнес резким тоном, как приказ. Это ее неприятно удивило.

— У меня двенадцатый — четырнадцатый размер, — сказала она продавщице в следующем магазине.

С предупредительной улыбкой девушка проводила их к рядам вешалок.

«Что бы еще выбрать? — гадала Джулиана. — Надо купить побольше…»

У нее разбегались глаза. Чего только не было в этом магазине: блузки, юбки, свитера, свободные брюки, пальто.

— Джо, мне нужно пальто, — сказала она. — Только не суконное.

Они выбрали немецкую шубу из синтетического меха, ноского и не такого дорогого, как настоящий.

Покупка не привела Джулиану в восторг, и, чтобы утешиться, она решила приобрести что–нибудь из бижутерии. Но разложенные на прилавке товары поражали невзрачностью и заурядностью.

— Мне нужны украшения к голубому платью, — сказала она Джо. — Хотя бы сережки или брошь. — Джулиана взяла его под руку и повела к ювелирной лавке. — Да! — вспомнила она виновато. — Про тебя я и забыла. Ничего, еще разок пройдем по магазинам.

Пока она рассматривала украшения, Джо отлучился в парикмахерскую. Увидев его через полчаса, Джулиана была потрясена: он не только постригся, но и покрасил волосы. Джулиана с трудом узнала его в стройном, широкоплечем блондине. «Боже! — подумала она, с изумлением глядя на него. — Зачем?»

— Надоело быть макаронником, — пояснил Джо, пожав плечами.

Они вошли в магазин мужской одежды и ку-

пили превосходный костюм фирмы «Дюпон» из новой синтетической ткани — дакрона. К нему — носки, нижнее белье и остроносые туфли. «Что еще? — подумала Джулиана. — Рубашки. И галстуки». Вместе с продавцом они выбрали две сорочки с французскими манжетами, несколько французских галстуков и серебряные запонки. На все ушло минут сорок. — «До чего это, оказывается, просто», — удивилась Джулиана.

«Пожалуй, надо поменять ему костюм», — подумала она, но Джо снова занервничал и торопливо расплатился с продавцом банкнотами Рейхсбанка.

«Тогда — новый бумажник», — решила она, видя, как он сует оставшиеся деньги в карман. Они выбрали черный бумажник из крокодиловой кожи и вернулись к машине. К половине пятого у них было все, что нужно.

— Не приталить ли немного твой пиджак? — предложила она, когда они тронулись в путь.

— Нет. — Его голос звучал отрывисто и глухо.

Джулиана удивилась. «Что–нибудь не так? Может, я слишком много всего набрала? Наверное, так и есть, — решила она. — Наша прогулка по магазинам ударила его по карману».

— Я могу вернуть несколько юбок.

— Поедем лучше обедать, — буркнул он.

— О Боже! — воскликнула она. — Я забыла ночные рубашки!

Джо метнул в нее яростный взгляд.

— Разве ты не хочешь подарить мне несколько красивых пеньюаров? — удивилась она. — Чтобы я всегда была свежей и…

Он отрицательно покачал головой.

— Брось. Лучше поищем, где бы нам перекусить.

— Сначала надо зарегистрироваться в гостинице, — уверенно сказала Джулиана. — Там переоденемся, а уж потом можно и пообедать.

«Отель должен быть самый шикарный, — подумала она. — Иначе кутеж будет испорчен. В гостинице надо спросить, где находится лучший в Денвере ресторан. А потом махнуть в ночной клуб, на какое–нибудь потрясающее шоу с участием не местных „самородков“, а европейских знаменитостей вроде Элеонор Перес или Вилли Бека. На меньшее не согласна».

Пока они разыскивали подходящую гостиницу, Джулиана то и дело бросала взгляд на своего спутника. Светлые, коротко подстриженные волосы и новый костюм делали его непохожим на себя.

«Не пойму, лучше он стал выглядеть или нет?

Скоро тоже сделаю новую прическу, и тогда мы оба станем сотворенными из ничего, а точнее, из денег. Да, прическа необходима», — решила она.

В деловом центре Денвера они нашли роскошную гостиницу со швейцаром у дверей, взявшим на себя заботу о парковке их машины. Это было как раз то, чего хотелось Джулиане. Коридорный — здоровенный парень, почему–то одетый в матросский костюм, сгреб в охапку их покупки. Джулиане и Джо осталось лишь подняться по широченной лестнице, устланной ковром, и через двери из стекла и красного дерева пройти в вестибюль.

Джулиане сразу бросились в глаза выстроившиеся вдоль стен киоски с цветами и сувенирами, стойка приема почты, огромные растения в кадках и толстый, мягкий ковер под ногами. Куда ни глянь, горели неоновые надписи: «Ресторан», «Коктейль–холл», «Буфет», прогуливались хорошо одетые люди.

Пока Джо договаривался с администратором и расписывался в регистрационном журнале, Джулиана отошла к прилавку с книгами — посмотреть, нет ли здесь «Саранчи». Ее ожидания оправдались — на прилавке лежала целая кипа экземпляров в ярких обложках, рядом стояла

афишка, объясняющая, насколько это интересная и популярная книга. Упоминалось, что она запрещена в подвластных Германии странах.

Джулиану обслужила улыбчивая продавщица, похожая на ласковую бабушку. Книга стоила баз малого четыре доллара. «Дорого!» — подумала Джулиана, но вытащила из новенькой сумочки банкноту Рейхсбанка, заплатила и поспешила вернуться к Джо.

За нагруженным покупками коридорным они проследовали к лифту, поднялись на второй этаж и прошли по ковру в шикарный, хорошо натопленный номер. Коридорный отпер дверь, проверил, хорошо ли раздвигаются занавески на окнах, включил и выключил свет. Затем, получив от Джо чаевые, удалился.

— Сколько мы здесь проживем? — спросила Джулиана.

Джо не ответил. Он сосредоточенно перебирал содержимое саквояжа.

— День? Два? — спросила она, снимая шубку. — А может, три?

— Уедем сегодня. Вечером, — бросил Джо.

Сначала она не поняла, а когда поняла, не поверила. На ее изумленный взгляд Джо ответил мрачной улыбкой. Он застыл над охапкой своего

белья. Казалось, его разбил паралич.

— После ресторана, — добавил он.

Она не нашлась, что ответить.

— Одевайся, — велел Джо. — Надень то дорогое платье, которое тебе так понравилось. Голубое. Поняла? — Он стал расстегивать рубашку. — А я пока побреюсь и залезу под душ. — В голосе появился металлический тембр, словно Джо говорил издалека по радио или телефону. Повернувшись, он на негнущихся ногах двинулся в ванную.

— Но сегодня поздно! — растерянно пробормотала Джулиана.

— Нет. Успеем пообедать до половины шестого, самое позднее, до шести. До Шайенна два часа езды, ну, два с половиной. Будем там к восьми тридцати. Для ровного счета — к девяти. Сейчас ты позвонишь Абендсену и предупредишь о нашем приезде. Скажи так: мы едем на западное побережье и остановились переночевать в Денвере, но тебе так нравится его книга, что мы не удержались и решили заехать к нему. Только для того, чтобы…

— Для чего? — перебила Джулиана. У нее непроизвольно сжались кулаки — как в детстве, большими пальцами внутрь, — задрожал подбо-

родок, из глаз брызнули слезы.

— Не хочу я сегодня к нему ехать и не поеду. — Она едва слышала собственный голос. — И завтра не поеду, и вообще. Я хочу здесь отдохнуть. Как ты обещал. — И тут грудь Джулианы снова сжал необъяснимый, слепой страх, который с тех пор, как она встретила Джо, никогда полностью на покидал ее, даже в самые радостные минуты.

— Да не волнуйся ты. — Джо говорил успокаивающим и вместе с тем равнодушным тоном, словно повторял заученный текст.

— Нет, — произнесла она.

— Надень голубое платье. — Джо разворошил покупки, взял самый большой сверток, развязал бечевку и аккуратно разложил платье на кровати. Он не торопился. — Ладно? От тебя будет глаз не оторвать. Купим еще бутылку хорошего шотландского виски и в путь.

«Фрэнк! — мысленно воззвала она. — Помоги! Я ничего не понимаю!»

— Шайенн гораздо дальше, чем тебе кажется, — возразила она вслух. — Я смотрела на карте. Мы туда доберемся не раньше одиннадцати, а то и за полночь.

— Надень платье, — приказал он. — Не то убью!

Джулиана нервно хихикнула, закрыв глаза. «Дзюдо, — подумала она. — Наконец–то оно сослужит мне службу. Ну что ж, поглядим, убьет он меня или я успею нащупать нерв у него на шее и изувечу на всю жизнь. Правда, он тоже когда–то все это изучал, он ведь дрался с английскими десантниками».

— Я знаю, что ты можешь меня швырнуть, — сказал Джо. — Если получится.

— Не буду я тебя швырять, — огрызнулась Джулиана. — Просто сделаю калекой. Не сомневайся, сумею. Я жила на Западном побережье и училась у японцев. В Сиэтле. Езжай, если хочешь, я останусь здесь. И не вздумай ко мне лезть! Я тебя боюсь, поэтому способна на все! — У нее задрожал голос. — Попробуй только тронь меня! Не знаю, что с тобой сделаю!

— Слушай, хватит, а? Надень это проклятое платье, и дело с концом. Заладила: убью! искалечу! Что я такого сказал? Всего–навсего предложил после обеда сесть в машину и съездить к тому парню, Абендсену, автору книги, которая тебе так…

Раздался стук в дверь. Джо отворил. На пороге стоял молодой человек в ливрее.

— Утюжка одежды, сэр. Вы обращались к адми-

нистратору, сэр.

— Да, верно. — Джо вернулся к кровати, сгреб новые сорочки и отдал слуге. — Уложитесь в полчаса?

— Если не стирать, а только гладить — успею, сэр.

— Откуда ты знаешь, что новые сорочки надо выгладить, прежде чем надевать? — спросила Джулиана, когда Джо закрыл дверь.

Он молча пожал плечами.

— А вот я об этом забыла, — сказала Джулиана, — хотя женщине полагается помнить… Когда достаешь сорочку из целлофана, она обязательно в складках…

— В молодости мне случалось бывать в приличном обществе.

— А откуда ты узнал, что в гостинице можно отдать одежду в утюжку? Я–то не знала. А ты в самом деле стригся и красил волосы? Сдается мне, они всегда были светлыми, только ты носил парик. Угадала?

Он снова пожал плечами.

— Должно быть, ты из СД, — продолжала Джулиана. — А прикидываешься макаронником, водителем грузовика. И в Северной Африке ты никогда не был, верно? А здесь для того, чтобы

убить Абендсена, так? Видишь, я все поняла, хотя и круглая дура.

Помолчав, Джо возразил:

— Я воевал в Северной Африке. Правда, не на батарее майора Парди, а в Бранденбургском полку. Диверсионно–десантное подразделение вермахта, — пояснил он. — Мы проникали в расположение британских штабов. Не вижу разницы — нам тоже хватило дел. Я и под Каиром был — заслужил там медаль, упоминание в списках отличившихся и звание ефрейтора.

— Твоя авторучка — оружие?

Он не ответил.

— Бомба! — догадалась Джулиана. — Бомба–ловушка, ее можно установить на взрыв от соприкосновения.

— Нет. Это двухваттная рация, — нехотя пояснил Джо. — Для связи со своими. На тот случай, если политическая ситуация в Берлине потребует изменения плана.

— И перед тем как сделать дело, ты получишь у своих «добро». На всякий случай.

Он кивнул.

— Ты не итальянец. Ты немец. А мой муж — еврей, — сказала она.

— Меня не интересует, кто твой муж. От тебя

мне нужно одно: чтобы ты надела платье и привела себя в порядок. Нам пора в парикмахерскую… Может, в гостинице она еще открыта? Спустись туда, а я приму душ и дождусь рубашек.

— Как ты намерен его убить?

— Джулиана, пожалуйста, надень платье. А я позвоню в парикмахерскую. — Он подошел к телефону.

— Ну зачем я тебе понадобилась?

— У нас на Абендсена досье, — ответил Джо, набирая номер. — Похоже, ему нравятся смуглые, страстные девушки. Особенно ближневосточного или средиземноморского типа.

Пока он разговаривал по телефону, Джулиана вытянулась на кровати, закрыла глаза и прижала к лицу ладони.

— Здесь есть парикмахер, — сообщил Джо, положив трубку. — Она тебя ждет. Спустись в салон. — Джо вложил ей что–то в ладонь. Джулиана открыла глаза и увидела в своей руке банкноты.

— Оставь меня в покое. Ну, пожалуйста!

Он озабоченно посмотрел ей в глаза.

— Не случись в Сиэтле большого пожара, он был бы похож на Фриско, — бормотала Джулиана. — Такие же старые дома из бревен и кирпича на холмах. Японцы поселились в Сиэтле задолго

до войны. Там целый район очень старых зданий с конторами, магазинами и всем остальным... И порт. Я жила там с одним парнем из торгового флота и от нечего делать брала уроки у маленького старого японца. Его звали Минору Ихоясу. Он носил жилет и галстук. Кругленький такой старичок, как йо–йо. Его школа находилась на последнем этаже какого–то японского учреждения; на двери висела старомодная табличка с золотыми буквами, а приемная напоминала зубоврачебный кабинет. А на журнальном столике лежали последние номера «Нэшнл джиогрэфик».

Джо взял ее под мышки и усадил.

— Ну, в чем дело? Заболела, что ли? — Он вгляделся в ее лицо.

— Я умираю.

— Это приступ хандры. С тобой такое часто случается, ведь верно? Тут должна быть аптечка, я дам успокоительное. Как насчет фенобарбитала? Кстати, мы сегодня с десяти утра не ели — может, от этого? Ничего, все будет в порядке. У Абендсена тебе ничего не надо будет делать, только постоишь рядом со мной. Говорить я буду сам. А ты только улыбайся и будь с ним поласковее. Если понадобится, поддержи беседу, чтобы он не затворил дверь. Он нас обязательно впустит, как

только увидит тебя, особенно в этом платье. На его месте я бы тебя обязательно впустил.

— Дай пройти в ванную, — попросила Джулиана. — Ну, пожалуйста. Меня тошнит. — Она попыталась высвободиться из его рук. — Сейчас вырвет… Пусти!

Джо выпустил ее, и Джулиана побрела в ванную. «У меня получится», — подумала она, затворяя за собой дверь. Нашарила кнопку выключателя. Вспыхнул яркий свет, она болезненно сощурилась. В туалетном шкафчике — спасибо предусмотрительному персоналу гостиницы — лежала пачка бритвенных лезвий, мыло и зубная паста.

«Односторонние», — подумала Джулиана, вскрывая конвертик с синеватой полосочкой стали. Из душа шла вода. Джулиана шагнула под нее — и спохватилась: «Господи Боже, я в одежде! Все пропало!»

Платье прилипло к телу. Волосы намокли.

Насмерть перепуганная, она отшатнулась и едва не упала. По чулкам бежали струйки воды. Она заплакала.

Когда вошел Джо, она стояла совершенно голая, опираясь одной рукой на раковину умывальника. Лицо у нее было измученное.

— Господи Иисусе! — захныкала она. — Что теперь делать? Пропал костюм. Он из шерсти. — Она показала себе под ноги. Там мокрой грудой лежала одежда.

Очень спокойно, но с перекошенным лицом, Джо произнес:

— Не расстраивайся, костюм тебе все равно не понадобится.

Он вытер ее белым мохнатым полотенцем и отвел в теплую, устланную ковром гостиную.

— Надень белье и что–нибудь сверху. Я позвоню парикмахерше, попрошу подняться. Она не откажет, здесь есть все необходимое.

— Ты предлагал какие–то таблетки, — сказала Джулиана, когда он договорился с парикмахером.

— Забыл. Сейчас позвоню в аптечный киоск. Впрочем, погоди, у меня у самого кое–что найдется. Нембутал или еще какая–то чертовщина. — Джо схватил саквояж и стал в нем рыться.

Когда он протянул Джулиане две желтые капсулы, та спросила:

— Я от них не сдохну?

— Что?! — У него дернулась щека.

«Пусть сгниет мое чрево, — подумала она, — усохнет лоно».

— Не бойся. Это порошки фирмы «А.Г. Хемикален», их глотает весь Рейх. Я сам иногда их пью от бессонницы. Сейчас принесу стакан воды. — Джо бегом бросился в ванную.

«Лезвие, — подумала она. — Я проглотила его, и оно навеки останется разрезать мои чресла… Кара. Замужем за евреем и снюхалась с гестаповцем–террористом. — Она чувствовала, как по щекам ручьями бегут слезы. — За все мои грехи — погибель».

— Пошли, — сказала она, поднимаясь на ноги. — В парикмахерскую.

— Ты не одета!

Джо усадил ее и попытался натянуть на нее трусики, но безуспешно.

— Нужно сделать что–нибудь с твоими волосами, — простонал он. — Где эта Hure,[64] эта женщина?!

Медленно, с трудом выговаривая слова, Джулиана произнесла:

— Как веревочке ни виться, а кончик все равно… Прячься не прячься, а от Бога не уйдешь. Все под ним ходим, все мы у него на крючке…

«Больно… Это все капсулы. Разъедают меня. На-

---

[64] Примечания: 64
Сука *(нем.)*.

верное, в них была серная кислота. Встретились в животе и образовали дьявольскую смесь, чтобы мучить меня веки вечные».

Джо не сводил с нее глаз. Он был белее мела.

«Читает мои мысли, — решила Джулиана. — У него есть машинка для чтения мыслей. Только не знаю, где она спрятана».

— Ну и порошки, — сказала она. — Голова от них кругом.

— Но ты их не проглотила!

Он ткнул пальцем ей в кулак. Разжав ладонь, Джулиана увидела капсулы.

— У тебя нервный припадок. — Джо вдруг стал тяжелым, медлительным. — Ты больна! Мы не сможем ехать! Нужен врач.

— Не надо врача, — пролепетала Джулиана. — Все пройдет.

Она попыталась улыбнуться. Чтобы узнать, удалось это или нет, вгляделась в его лицо. «Как он смотрит… Это, наверно, излучение его мозга превращает мои мысли в кашу…»

— Я не могу взять тебя к Абендсену, — произнес он. — Сегодня ничего не выйдет. Отложим на завтра. Может, тебе полегчает. Завтра попробуем. Надо.

— Можно, я еще разок схожу в ванную?

Он рассеянно кивнул, думая о своем. Оказавшись в ванной, Джулиана достала из тумбочки еще одно лезвие, спрятала в ладони и вышла.

— До свидания, — сказала она.

Когда она отворяла дверь в коридор, Джо с криком подскочил и схватил ее за плечо.

Вжик.

— Какой ужас! — изумилась Джулиана. — Вы способны на насилие! Мне следовало это знать.

«Держитесь теперь, ночные грабители и бродяги! Я любому дам отпор! Кстати, а куда девался этот? Схватился за шею и пустился в пляс!»

— Не стой у меня на пути, если не хочешь получить взбучку, — сказала она. — Не смотри, что я женщина. — Подняв руку с лезвием, она другой рукой отворила дверь. Джо сидел на полу, обеими руками держась за горло.

— Прощай. — Джулиана хлопнула дверью и оказалась в коридоре.

Навстречу, опустив голову и что–то напевая, катила тележку женщина в белом халате. Поравнявшись с Джулианой, она подняла голову, чтобы взглянуть на номер двери. Глаза ее выпучились, а челюсть отвисла.

— Ох ты, миленькая моя! — затараторила она. — Ну и набралась же ты! Не парикмахер тебе

нужен, а… Ступай–ка в номер и натяни на себя что–нибудь, пока тебя не выставили из гостиницы. Господи Боже! Пусть дружок приведет тебя в чувство, а я пока спущусь вниз и скажу, чтобы тебе принесли горячего кофе. Ну–ка, не стой здесь, заходи! — Она затолкала Джулиану обратно в номер. Послышалось удаляющееся шуршание колес тележки.

«Парикмахерша», — догадалась Джулиана. Опустив глаза, она поняла, почему женщина приняла ее за пьяную — Джулиана стояла в чем мать родила.

— Джо, меня не выпускают, — пожаловалась она. Затем нашла свой чемодан и вытряхнула одежду. Нижнее белье, блузка, юбка… туфли на низком каблуке.

— Приведем себя в порядок, — пробормотала она. Отыскала расческу, расчесала волосы, встала и пошла искать зеркало. — Так лучше? — Она нашла зеркало на дверце стенного шкафа, оглядела себя со всех сторон, даже встала на цыпочки. — У меня в голове такая неразбериха! — сообщила она, оглянувшись. — Почти не соображаю, что делаю. Ты, наверное, меня чем–то опоил. Не лекарством, а отравой.

— Слушай, — прохрипел Джо. Он все еще сидел

на полу, держась за горло. — Ну и дрянь же ты! Перерезала мне аорту на шее.

Джулиана захихикала, прижав ладонь к губам.

— Господи, какой же ты чудак. Все перепутал. Аорта на груди. Ты имеешь в виду сонную артерию.

— Если я встану, то за две минуты истеку кровью. Ты это знаешь. Мне нужен врач или «скорая помощь». Понимаешь? Позвони или приведи кого–нибудь.

Поразмыслив, она кивнула:

— Попробую.

— Вот и хорошо. Скажи им… приведи кого–нибудь… спаси меня… — бормотал он.

— Иди сам.

— У меня кровь хлещет.

Кровь и в самом деле просачивалась между пальцами и стекала по запястьям. На полу образовалась лужа.

— Я не могу идти! Я подожду здесь.

Джулиана надела шубку, застегнула кожаную сумочку, взяла чемодан и большую коробку с итальянским платьем и направилась к выходу. Отворяя дверь, она обернулась и сказала:

— Может, я скажу администратору. Внизу.

— Угу, — промычал он.

— Так и быть, скажу. Не ищи меня в Каньон-Сити, я туда не вернусь. Да и незачем мне туда возвращаться. Я ведь взяла твои деньги. Все не так уж и плохо. Прощай. Извини. — Она хлопнула дверью и со всех ног бросилась по коридору.

В лифте ей помогли пожилой бизнесмен и его жена. Они взяли у Джулианы свертки, а внизу, в вестибюле, позвали коридорного.

Носильщик вынес ее вещи на улицу и объяснил, как получить машину из гаража. Через несколько минут она стояла возле своего «студебеккера».

Служащий развернул машину, Джулиана вытащила из кошелька мелочь, расплатилась, уселась за руль и по залитому желтым светом пандусу выехала на улицу, в царство фонарей, автомобилей и неоновых вывесок.

Швейцар в ливрее собственноручно уложил ее вещи в багажник и улыбнулся столь лучезарно, что Джулиана не удержалась и дала ему огромные чаевые.

К немалому ее удивлению, никто не попытался преградить ей путь. «Должно быть, верят, что Джо уплатит, — решила она. — А может, уплатил вперед».

Затормозив у светофора, она вспомнила, что не

сказала администратору о Джо. «Так и прождет до конца света, — подумала она. — А может, дотянет до завтра, когда придет горничная с уборкой. Вернуться, что ли? Или позвонить? Пожалуй, надо остановиться у ближайшей телефонной кабины. Как все глупо, — размышляла она, отыскивая взглядом место для стоянки. — Кто бы мог подумать? Еще час назад мы бродили по магазинам, входили в гостиницу. Мы уже почти оделись, собрались в ресторан, а то и в ночной клуб. — Джулиана вдруг почувствовала, как по щекам текут слезы и капают на блузку. — Как жаль, что я не посоветовалась с Оракулом, он бы меня предостерег, объяснил, как быть. И почему я о нем забыла? Сколько раз могла к нему обратиться — и в пути, и даже перед отъездом».

Она невольно застонала: звук этот, тихое поскуливание, впервые в жизни вырвавшийся из груди, испугал Джулиану. Но, даже стиснув зубы, она не смогла его подавить.

Она притормозила у обочины, но осталась сидеть в машине, дрожа и сжимая кулаки в карманах шубки. Двигатель тихонько урчал. «Боже, — всхлипнула она. — Какая я дура! Но все–таки надо понять, что происходит».

Джулиана выбралась из машины, достала из

багажника чемодан и затащила его на заднее сиденье. Порывшись в тряпках, извлекла два черных тома Оракула. В тусклом свете витрины универмага она стала подбрасывать три скалистогорских десятицентовика. «Что мне делать? — спросила. — Пожалуйста, скажи, что мне делать?»

Выпала гексаграмма сорок два, «Приумножение», с чертами развития на второй, третьей, четвертой и верхней позиции. Значит, сорок вторая гексаграмма переходит в сорок третью. Она пробежала текст взглядом, задерживаясь на благоприятных местах, чтобы обдумать и понять их. И вновь чудо — перед ее глазами предстали события последнего дня, краткий, схематичный конспект случившегося:

«Благоприятно иметь, куда выступить.

Благоприятен брод через великую реку».

«Не следует здесь оставаться, надо отправиться в путешествие и совершить что–то важное. Теперь черты…» — Губы Джулианы беззвучно шевелились, глаза искали нужные строки.

«Можно умножить то, в чем недостаток.

Черепаха–оракул, ценой в десять тысяч связок монет.

От ее указаний невозможно уклониться.

Вечная стойкость к счастью.

Царю надо проникнуть с жертвами к богам.

Счастье».

Теперь «шестерка» на третьем месте. У Джулианы закружилась голова.

«Приумножай и в случае несчастливых событий.

Хулы не будет, если, обладая правдой, пойдешь верным путем,

если заявишь об этом князю и поступишь по его мановению».

«Князь… это, конечно, Абендсен. Черепаха — новый, дорогой экземпляр „Саранчи“. Несчастливые события — Оракул знает, что с ней случилось, этот ужас с Джо или кто он там…» — Она прочла комментарий к «шестерке» на четвертой позиции:

«Если, идя верным путем, заявишь об этом князю,

то все пойдут за тобой».

«Я должна ехать к Абендсену, — поняла Джулиана. — Даже если Джо поедет следом». Она торопливо проглядела текст последней черты развития — верхней «девятки».

«Ничего не приумножит этого, а, пожалуй, разобьет его.

При воспитании сердец не будь косным.

Несчастье!»

«О Господи, — подумала она, — это означает убийц из гестапо. Оракул говорит, что рано или поздно Джо или кто–нибудь еще доберется до Абендсена и убьет его». Она поспешно заглянула в сорок третью гексаграмму. «Выход».

«Поднимешься до царского двора.

Правдиво возглашай.

А если будет опасность, то говори и от своего города.

Неблагоприятно браться за оружие.

Благоприятно иметь, куда выступить».

«Значит, нет смысла возвращаться в гостиницу и доводить дело до конца. Это бесполезно — вместо Джо пришлют других. Оракул настойчиво советует иное: добраться до Шайенна и предупредить Абендсена. Я должна сказать ему всю правду».

Она закрыла книгу и пересела за руль. Вскоре Денвер остался позади, а перед Джулианой уходило к горизонту широкое шоссе. Она до отказа выжимала газ, двигатель то и дело взревывал, отчего вздрагивало сиденье и погромыхивало в бардачке. «Благодарение Богу за доктора Тодта и его автострады», — подумала Джулиана. Она

неслась сквозь тьму и в свете фар видела только белую полосу на дороге. К десяти вечера ей еще не удалось добраться до Шайенна — сказались усталость и нервное перенапряжение. Ничего не оставалось, как сбросить скорость и поискать ночлег.

Вскоре ей попался на глаза дорожный указатель: «Грили — 5 миль».

«Завтра утром доеду», — решила Джулиана, сворачивая к Грили.

Ей сразу встретилось несколько мотелей с яркими неоновыми вывесками, так что с ночлегом не возникло проблем. «Сегодня же позвоню Абендсену и предупрежу о приезде», — решила она.

На стоянке она выбралась из машины и устало потянулась. Все–таки как приятно после долгих часов езды снова встать на ноги. Заметив круглосуточно работающую аптеку, Джулиана сунула руки в карманы и направилась к ней. Вскоре она стояла в телефонной кабине и просила телефонистку соединить ее с Шайенном.

Слава Богу! Телефон Абендсенов нашелся в списках абонентов.

— Будьте любезны, соедините, — попросила Джулиана и опустила в щель несколько четвертаков.

— Алло? — прозвучал неожиданно в трубке приятный женский голос. Видимо, его обладательница была одного возраста с Джулианой.

— Миссис Абендсен? — спросила Джулиана. — Могу я поговорить с мистером Абендсеном?

— А кто вы?

— Я прочла его книгу и весь день ехала из Каньон–Сити, штат Колорадо. Сейчас я в Грили. Думала, доберусь к вам еще сегодня, но не получилось. Я хочу узнать, можно ли мне завтра увидеться с мистером Абендсеном.

После паузы миссис Абендсен произнесла все тем же приятным голосом:

— Да, конечно, но… Скажите, а… у вас есть какая–нибудь особая причина для встречи с моим мужем? Видите ли, он очень занят.

— Я хочу с ним поговорить, — сказала Джулиана. Собственный голос показался ей каким–то тусклым, деревянным. Разглядывая стену кабины, она не знала, что бы еще сказать. У нее ныло все тело, во рту пересохло. За стеклом кабины она видела аптекаря, взбивающего молочный коктейль для четырех подростков. Джулиане здесь нравилось: она едва реагировала на вопросы миссис Абендсен. Ей захотелось остаться в аптеке, заказать прохладительный напиток и к

нему сандвич с салатом и курицей.

— Готорн работает совершенно бессистемно, — звучал в трубке живой, звонкий голос миссис Абендсен. — Насчет встречи я ничего не могу обещать — возможно, ему захочется проработать весь день. Но если вы отдавали себе в этом отчет, когда отправлялись в путь…

— Да, — подтвердила Джулиана.

— Я уверена, он с радостью потолкует с вами, если выкроит несколько минут, — продолжала миссис Абендсен.

— Я прочла его книгу, и она мне очень понравилась, — сказала Джулиана. — Она у меня с собой.

— Понимаю, — произнесла миссис Абендсен благожелательным тоном.

— Я много времени потеряла в Денвере на магазины.

«Нет, — подумала Джулиана. — Надо не так».

— Видите ли, тут все дело в Оракуле, — призналась она. — Это он велел мне ехать в Шайенн.

— О Господи! — воскликнула миссис Абендсен.

— Я вам прочту. — Джулиана захватила Оракул в кабину. Положив том на полочку под аппаратом, она торопливо стала искать нужную страницу. — Секундочку. — Отыскав нужное место, она зачитала текст сорок второй гексаграммы.

Дойдя до «девятки» наверху, там, где говорилось о несчастье, услышала на другом конце провода сдавленный возглас. — Простите? — спросила Джулиана.

— Продолжайте, — произнесла миссис Абендсен. Голос ее, как заметила Джулиана, зазвучал напряженнее, в нем появилась тревога. Казалось, собеседница поняла серьезность ситуации.

Джулиана прочитала текст гексаграммы сорок три, где говорилось об опасности, и умолкла. В трубке тоже молчали.

— Ну что ж, — наконец сказала миссис Абендсен, — в таком случае завтра увидимся. Не могли бы вы представиться?

— Джулиана Фринк, — сказала Джулиана. — Большое спасибо, миссис Абендсен.

Тут вмешалась телефонистка, возмущаясь, что время разговора давно истекло. Джулиана повесила трубку и, забрав кошелек и два тома Оракула, направилась к буфетной стойке.

Заказав сандвич с кока–колой и закурив сигарету, она с ужасом осознала, что ничего не сказала миссис Абендсен об этом гестаповце, или эсэсовце, или кто он там — словом, о Джо Чиннаделла, которого она бросила в гостиничном номере.

«Забыла! — упрекнула она себя. — Напрочь

вылетело из головы. Как это могло случиться? Должно быть, я спятила. Чокнутая дурища. Она бы мне просто не поверила», — попыталась успокоить себя Джулиана, но безуспешно. Она порылась в сумочке, ища мелочь для повторного звонка.

«Нет, — решила она, вставая из–за стола. — Сегодня больше не буду звонить. Сейчас чертовски поздно. Я устала, да и они, наверное, уже спят. Будь что будет». Она съела сандвич, выпила кока–колу и отправилась в ближайший мотель, где взяла номер и заснула, едва добравшись до постели.

Глава 14

«Ответа нет, — размышлял Тагоми. — Даже в Оракуле все непонятно. И все же мне предстоит жить дальше. День за днем. Надо снова обрести цель в жизни, хотя бы крошечную...»

Как обычно, он попрощался с женой и вышел из дому. Но на сей раз Тагоми направился не в «Ниппон Таймс Билдинг».

«Может, отдохнуть, развлечься? Съездить в парк Золотые Ворота, поглазеть на зверей и рыб? Побывать среди живых тварей, не умеющих думать, но способных радоваться? Да будет так.

Путь туда не близок и мне хватит времени для постижения внутренней правды. Если можно так выразиться. Но деревья и твари земные — безлики, а мне нужно ухватиться за человеческую жизнь. Или стать ребенком? Возможно, это и неплохой выход. Мне бы не повредило вернуться в детство».

Рикша бодро крутил педали, веломобиль ехал по Керни–стрит к деловому центру Сан–Франциско. «Прокатиться по канатной дороге? — подумал вдруг Тагоми. — Детское удовольствие в чи-

стом виде — восхитительное путешествие на транспортном средстве, которому полагалось бы исчезнуть еще в начале века, но которое, как ни странно, дотянуло до наших дней».

Он отпустил велотакси и направился к ближайшей вышке.

«Быть может, — думал он, — я никогда не вернусь в „Ниппон Таймс Билдинг“, где пахнет смертью. Карьера окончена, но это пустяки. Мне найдут замену. Но человек по имени Тагоми все еще ходит, дышит, помнит каждую мелочь. Значит, еще не все закончено.

Впрочем, война — операция „Одуванчик“ — всех нас сотрет с лица Земли. Что бы мы ни предпринимали. Те, на чьей стороне мы сражались в минувшую войну, стали нашими врагами. И какой нам от той бойни прок? Наверное, надо было драться не за, а против них. Или хотя бы помогать их врагам, Соединенным Штатам, Британии, России. Но что бы это изменило? Безнадежность, как ни крути. Мудрецы уходят из мира, и, возможно, это единственный выход. Увы, мы одиноки, нам неоткуда ждать помощи. Возможно, это и к лучшему, — решил Тагоми. — Человек должен найти свой путь».

Он сел в вагончик канатной дороги на Калифор-

ния–стрит, проехал до конца и помог развернуть вагончик на деревянном поворотном круге.

Вагончик, поскрипывая, повез его назад, Тагоми в задумчивости смотрел вниз. Из всех впечатлений от города это было для него самым ярким, но теперь опустошенность ощущалась еще резче.

Возле Стоктона он встал и двинулся к выходу. Его остановил возглас кондуктора:

— Ваш портфель, сэр!

— Спасибо. — Тагоми взял портфель и вышел. Вагончик лязгнул и двинулся дальше.

В портфеле лежал бесценный коллекционный кольт сорок четвертого калибра. Теперь Тагоми не расставался с оружием, на случай, если мстительные бандиты из СД захотят расквитаться с ним за смерть своих приятелей… всякое в жизни бывает. И все–таки Тагоми чувствовал, что это нарушение привычного течения жизни — какой бы ни была его подоплека — признак неврастении. «Не надо ей поддаваться, — убеждал он себя, шагая по тротуару с портфелем в руке. — Это не более чем навязчивая идея, мания преследования». Но избавиться от смутной тревоги не удавалось.

«Не я владею оружием — оружие владеет мной, — думал он. — Значит, я уже не испытываю

перед ним восторга? Все мое существо восстает против того, что я сделал. Исчезло не только преклонение перед этим культом — исчезла сама страсть к коллекционированию. Увы! Опора моей жизни, тихая гавань…»

Он остановил велотакси и велел рикше везти его на Монтгомери–стрит, к магазину Роберта Чилдэна.

«Утеряна ниточка, связывавшая меня с любимым занятием. Надо разобраться. Понять, что со мной случилось.

Возможно, удастся преодолеть страхи с помощью хитрости: обменять пистолет на другую старинную вещь. Для меня история этого револьвера слишком конкретна. В самом худшем смысле. Это воспоминание останется со мной, в моей психике, но для кого–нибудь другого револьвер будет самым обыкновенным предметом старины. Как только я избавлюсь от кольта, все мои проблемы уйдут в прошлое, — решил Тагоми, чувствуя прилив сил. — Ибо дело не только в моей психике, но и — что полностью соответствует теории историчности — в самом револьвере. Мы с ним связаны».

Веломобиль подъехал к магазину.

«Я здесь столько всего приобрел, — подумал

Тагоми, расплачиваясь с рикшей. — И для себя, и для деловых подарков».

Он быстро вошел в магазин. У кассы стоял Чилдэн и протирал тряпкой какую–то вещицу.

— Мистер Тагоми, — поклонился Чилдэн.

— Мистер Чилдэн, — поклонился в ответ Тагоми.

— Какой сюрприз! Я весьма польщен. — Чилдэн вышел из–за прилавка.

Тагоми заметил перемену в хозяине магазина. «Какой–то он не такой, как всегда. Менее разговорчивый, что ли. Вот и хорошо, а то вечно болтает, суетится. А вдруг это дурной знак? Все может быть».

— Мистер Чилдэн, — заговорил Тагоми, ставя портфель на прилавок и расстегивая замок. — Мне бы хотелось обменять на что–нибудь другое вещь, купленную у вас несколько лет назад. Помнится, вы совершали подобные сделки.

— Да, — кивнул Чилдэн. — Но все зависит от ряда факторов. Например, от состояния вещи. — Он встревоженно посмотрел на посетителя.

Тагоми молча выложил тиковый футляр.

Некоторое время они разглядывали револьвер и жестяную коробочку, в которой недоставало боеприпасов. По лицу Чилдэна пробежала тень.

«Не хочет, — догадался Тагоми. — Ну что ж, делать нечего».

— Вы не заинтересовались? — спросил он.

— Нет, сэр, — твердо ответил Чилдэн.

— Не буду настаивать. — Тагоми почувствовал, как его покидают силы. «Сдаюсь, — с грустью решил он. — Увы, во мне силен уступчивый, слабовольный инь».

— Простите, мистер Чилдэн.

Тагоми поклонился и уложил револьвер в портфель. «Судьба. Придется жить с этой вещью».

— Вы огорчены, сэр? — спросил Чилдэн.

— Вы заметили? — досадуя на себя, произнес Тагоми.

— У вас есть какая–то особая причина продать эту вещь?

— Нет, — ответил Тагоми, пряча от чужих глаз частицу своего внутреннего мира, что надо было делать с самого начала.

Помедлив, Чилдэн произнес:

— Я… сомневаюсь, что этот револьвер куплен в моем магазине. Не могу его припомнить.

— Я в этом уверен, — сказал Тагоми. — Впрочем, не имеет значения. Пусть будет так, как вы решили. Я не в претензии.

— Позвольте показать вам новые поступле-

ния, — предложил Чилдэн. — Надеюсь, вы не торопитесь?

В душе Тагоми всколыхнулось знакомое чувство.

— Что–нибудь интересное?

— Прошу вас, сэр. — Чилдэн подвел его к прилавку у противоположной стены. Под стеклом на черном бархате сверкали маленькие металлические завитушки самых замысловатых форм.

— Я показываю их каждому посетителю, — признался Чилдэн. — Вы знаете, что это такое, сэр?

— Похоже, бижутерия, — предположил Тагоми, угадав в одной из вещей брошь.

— Разумеется, это американские изделия, но они не старинные, сэр.

Тагоми поднял глаза.

— Сэр, это современное искусство. — Бледное, невыразительное лицо Роберта Чилдэна горело восторгом. — Перед вами — новая жизнь моей страны. Она начинается с крошечных всходов, ростков красоты.

Тагоми с деланным интересом перебрал безделушки.

«Да, — подумал он, — в них есть нечто новое, оживляющее. Закон Дао: повсюду еще господствует инь, а в темнейших глубинах уже вспыхивают

первые искорки света. Так было, так будет. И все же, к несчастью для нас обоих, я не могу, как Чилдэн, прийти в восторг от этих железок».

— Очень мило, — пробормотал он и положил украшения на прилавок.

С натугой в голосе Чилдэн заявил:

— Сэр, это не приходит сразу.

— Простите?

— Это надо увидеть сердцем.

— Вы обратились в новую веру, — заключил Тагоми. — Хотел бы и я тоже… Но увы — не могу. — Он поклонился.

— Кто знает, — задумчиво произнес Чилдэн, провожая его к выходу.

«Попытается продать мне что–нибудь», — решил Тагоми.

— Ваша убежденность сомнительна, — сказал он в дверях. — Мне кажется, вы избрали не самый верный путь.

На лице Чилдэна не было и тени прежнего раболепия.

— Простите, но я уверен в своей правоте. В этих вещах я отчетливо вижу крошечный зародыш будущего.

— Да будет так, — согласился Тагоми. — Но меня не вдохновляет ваш англосаксонский фа-

натизм. — Он чувствовал, как в душе торговца пробуждается надежда. Его надежда, его вера в себя. — Всего доброго, — поклонился Тагоми. — На днях я к вам загляну — проверю, сбываются ли ваши пророчества.

Он взял портфель и двинулся прочь. «С чем пришел, с тем и ухожу. Ничего не обретя. Не представляя, с чем вернуться в мир. А что, если купить одну из тех странных безделушек причудливой формы? Подержать ее, рассмотреть повнимательнее, подумать… Может быть, со временем она подскажет мне путь? Сомнительно, правда… Такие вещи хороши для Чилдэна, а не для меня. И все же, если хоть один человек находит Путь… это говорит о том, что Путь существует. Пусть даже он сокрыт от моих глаз. Как я ему завидую».

Тагоми повернулся и пошел обратно. В дверях, следя за его приближением, стоял Чилдэн. Он и не уходил.

— Сэр, — обратился к нему Тагоми, — я куплю одно из этих украшений, на ваш выбор. Веры во мне нет, но сейчас я хватаюсь за каждую соломинку. — Вслед за Чилдэном он прошел магазин и приблизился к прилавку с бижутерией. — Я буду носить ее с собой и время от времени брать в руки. Скажем, раз в день. Если через два месяца

я не…

— Вы сможете вернуть ее за полную стоимость, — пообещал Чилдэн.

— Благодарю. — Тагоми полегчало. «Иногда следует менять привязанности, — решил он. — В этом нет ничего предосудительного, напротив, это признак мудрости, правильного подхода к жизни».

— Вот это вас успокоит. — Чилдэн вручил ему серебряный треугольник, украшенный полыми шариками, внизу темными, сверху — яркими, полными света.

— Спасибо, — поблагодарил Тагоми.

Доехав до Портсмут–сквер, маленького открытого парка на склоне холма, Тагоми уселся на залитую солнцем скамью. По усыпанным гравием дорожкам в поисках крошек семенили голуби. На скамейке дремали или читали газеты люди, смахивающие на бродяг. Некоторые спали прямо на траве.

Достав из кармана бумажный пакетик с этикеткой магазина Р. Чилдэна, Тагоми посидел, греясь на солнце, затем открыл пакет и поднес покупку к глазам. Здесь, среди газонов, дорожек и стариков, ему предстояло внимательно изучить ее. Серебряный треугольник на его ладони сверкал

в лучах полуденного солнца, преломляя и рассеивая свет, словно хрустальная призма. Крошечная частица, объявшая целое. Магический слог Ом, как говорят брамины.

Тагоми пристально вглядывался в предмет. «Что в нем главное? Размер? Форма? Придет ли ко мне озарение, как обещал Чилдэн? Сколько ждать? Пять минут? Десять? Времени немного, но я буду сидеть столько, сколько смогу. Прости меня. — Тагоми мысленно обратился к треугольнику. — Нас всегда тянет вскочить на ноги и действовать. Я смотрю на тебя с надеждой. С наивной верой ребенка, прижимающего к уху найденную на морском берегу раковину. Ухо вместо глаза. Мир сосредоточился для меня в одном маленьком кусочке металла. Войди в меня и поведай: куда? зачем? и почему?»

Нет ответа. Когда просишь слишком много, не получаешь ничего.

«Слушай, — вполголоса обратился он к треугольнику, — тот, кто продавал тебя, был щедр на обещания. А если встряхнуть тебя, как остановившиеся старые часы? Или как кости перед решающим броском?» — Он так и сделал.

«Как разбудить таящуюся внутри душу? Издеваться над нею подобно пророку Илии? Может,

она спит? Или в дороге? Или занята чем–либо?»[65] — Тагоми еще раз изо всех сил встряхнул в кулаке серебряный треугольник — позвал его громче — и снова поднес к глазам.

«Моему терпению приходит конец. Ты пуста, маленькая безделушка. Отругать тебя? Испугать? А что потом? Выбросить в канаву? Дышать на тебя, встряхивать и снова дышать, пытаясь во что бы то ни стало получить ответ?»

Тагоми засмеялся: «Напрасный труд, спектакль для прохожих». Он смущенно огляделся. Но никто не смотрел на него. Старики дремали на скамейках. Тагоми облегченно вздохнул.

«Надо испробовать все: умолять, увещевать, угрожать, анализировать, наконец. Найти способ…

Впрочем, что толку? Треугольник отвергает меня. Может, потом? Нет. Уильям Гильберт[66] прав, каждая ситуация неповторима, шанс дается один раз.

Все это глупо. Я веду себя как ребенок. Но детство давным–давно позади. Надо искать в других

---

[65] Примечания: 65

Фразы из «Третьей книги Царств», 18, 27. Сцена, где пророки Ваала целый день взывают к своему богу, а пророк Илия смеется над ними.

[66] Примечания: 66

Гильберт Уильям (1544–1603) — английский физик и врач.

царствах. Попробуем подобрать ключик с помощью классической Аристотелевой логики. Цепь строгих рассуждений, ведущих к истине…»

Он сунул палец в правое ухо, чтобы заглушить отдаленный шум города, и, словно раковину, крепко прижал серебряный треугольник к левому.

Ни звука.

Ни плеска волн, ни рокота океанского прибоя, а по сути, отраженного шума пульсирующей крови.

Слушать бесполезно. Какое еще чувство может открыть тайну? Тагоми смежил веки и принялся ощупывать каждый миллиметр треугольника. И осязать нет смысла — пальцы ничего не сказали ему. Запах? Он поднес вещицу к носу. Слабый запах металла, и только. Тагоми положил треугольник на язык, покатал во рту как леденец. Ничего, кроме холодка металла.

Нет, все–таки — зрение. Высшее по античной шкале чувств.

Он снова держал треугольник на ладони.

«Что я должен увидеть? — спросил он себя. — Где путеводная ниточка к истине?»

— Сдавайся, — велел он серебряному треугольнику. — Выкладывай свою волшебную тайну.

«Лежит у меня на ладони, как лягушка, поднятая со дна пруда. Но эта лягушка непростая: она меняет форму, становится то куском глины, то камнем, то кристаллом. Возвращается к неживой первооснове. Металл добыт из земли, — рассуждал он. — Из царства тьмы, царства духов и сырых, темных пещер. Из мира инь в его самом буквальном смысле. Мира трупов, гниения и распада. Из мира вечного постоянства, из времени–которое–было».

Серебряный треугольник сверкал в солнечных лучах. Не сырой, не тусклый, не изъеденный временем, но пульсирующий жизнью и светом, почти неземной. Как и полагалось произведению искусства. Он принадлежал царству Неба, миру ян. Да, это дело рук Художника, взявшего из темных, холодных недр минерал и превратившего его в сияющую частицу неба.

Превратить мертвое в живое. Заставить труп сверкать красками жизни. Прошлое подчинить будущему.

«Кому ты принадлежишь? — спросил Тагоми серебряный треугольник. — Мертвому темному иню или живому яркому яну?»

Треугольник слепил его радужными лучами. Тагоми прищурился; с этого момента он видел

только игру света.

«Тело — инь, душа — ян. Металл и свет, внешнее и внутреннее, микрокосм на моей ладони. Может, он скрывает тайну пространства? Тайну вознесения на небеса? Или времени? Светоносного изменчивого мира? Да!

Вот оно! Эта вещь раскрыла свою душу: свет. Мое внимание поглощено — я не в силах оторвать взгляд. Этот блеск завораживает… Теперь, когда ты поймала меня, поговори со мной, — попросил он. — Я хочу услышать твой голос, исходящий из чистого яркого света, который мы ожидаем встретить только после смерти, в мире, описанном „Бардо Тходол“ — „Книгой Мертвых“. Но я не хочу ждать смерти, распада моей личности. Не хочу скитаться в поисках нового материнского лона. Грозные и мирные божества, мы будем обходить вас. И мягкий дымный свет. И совокупляющиеся пары. Все, кроме чистого, яркого света. Я готов без страха устремиться к нему.

Я чувствую манящие меня горячие ветры кармы.[67] И все–таки остаюсь на месте. Мне было дано знание Великого Освобождения, я и не

---

[67] Примечания: 67

Карма — одно из кардинальных положений философской мысли Востока. Сумма добрых и злых дел человека, определяющая форму последующего перерождения.

зажмурюсь, не кинусь прочь от невыносимо слепящего света, ибо если это сделаю, я снова войду в круг сансары, не зная свободы, не ведая отдыха. Вуаль майи[68] падет снова, если я…»

Свет исчез. Тень заслонила солнце.

Он держал в руке обыкновенный серебряный треугольник.

Тагоми поднял глаза: возле скамейки, улыбаясь, стоял высокий полицейский — почему–то в синей форме.

— В чем дело? — недовольно спросил Тагоми.

— Ни в чем. Я просто смотрел, как вы возились с безделушкой.

— Безделушка? — глухо переспросил Тагоми. — Нет, вы ошибаетесь.

— Почему ошибаюсь? У моего сынишки полно таких игрушек.

Полицейский пожал плечами и двинулся дальше. «Отнят мой шанс на нирвану, — с внезапной яростью подумал Тагоми. — Отнят белым неандертальцем–янки. Этот недочеловек решил, будто я забавляюсь детской игрушкой!»

Поднявшись со скамейки, он сделал несколько

---

[68] Примечания: 68

Майя — эманация Брахмана, мнимая материальная причина мира, благодаря которой окружающий нас иллюзорный мир кажется нам реально существующим. В общем смысле — иллюзия.

неуверенных шагов.

«Дикие, необузданные страсти бушуют в моей груди. Необходимо успокоиться. Избавиться от недостойных меня расистских, шовинистических мыслей. Двигайся, — внушал он себе. — Катарсис в движении».

Он вышел за ограду парка на Керни–стрит. Шумный поток транспорта.

Тагоми остановился у края тротуара. «Ни одного велотакси. Когда надо, их ни за что не поймаешь».

Тагоми присоединился к толпе пешеходов.

«Боже, что это?!» — Он замер, уставившись на чудовищную бесформенную громаду, нависавшую над крышами зданий.

— Что это? — повернулся он к прохожему, указывая на сооружение.

— Это? Эмбаркадеро, многопутная дорога. Жутковато, правда? Многие говорят, что она паршиво смотрится.

— Никогда ее раньше не видел.

— Вам повезло, — хмыкнул прохожий и пошел дальше.

«Безумный сон, — подумал Тагоми. — Надо проснуться. Куда подевались велотакси?»

Он пошел быстрее. Все вокруг имело блеклый,

могильный оттенок. Серые дома, запах гари, усталые, помятые лица. И ни одного велотакси. Только машины и автобусы. Автомобили, как огромные чудовища, все незнакомых моделей. Он старался не замечать их — смотрел только вперед.

«Нарушение зрительного восприятия в обостренной форме. Утрачено чувство пространства — даже линия горизонта искажена, размыта. Это похоже на астигматизм. Нужно передохнуть. Вот и закусочная».

Тагоми распахнул деревянные створки дверей. Внутри одни белые. Запах кофе. В углу надрывается музыкальный автомат. Тагоми поморщился и направился к грязной стойке. Все места заняты. Он громко попросил уступить место. Несколько посетителей оглянулись, но никто не шелохнулся!

— Я настаиваю! — громко сказал Тагоми ближайшему белому. Нет, не сказал — крикнул в ухо.

Тот поставил чашку и усмехнулся:

— Ишь ты…

Тагоми огляделся: все смотрели на него с нескрываемой враждебностью. И никто не шевелился. «Словно я уже в бардо. Меня овевают

горячие ветры кармы, окружают видения, кто знает, откуда они? Может ли человек вынести такую враждебность? „Книга Мертвых“ предупреждает: после смерти ты будешь видеть других людей, но никто не протянет тебе руку помощи. Ты будешь одинок среди толпы, будешь скитаться в царствах страдания и печали, готовых поглотить твой мятущийся, растерянный дух…» Он поспешно вышел из закусочной. Дверь со скрипом затворилась за его спиной.

Тагоми снова стоял посреди тротуара.

«Где я? Вне своего мира, вне своего пространства и времени? Серебряный треугольник разрушил мою реальность. Меня сорвало с якоря и несет неведомо куда… Перестарался. Хороший урок для меня. Человек пытается вступить в борьбу со своими переживаниями — зачем? Разве он не обречен потеряться в одиночестве, заблудиться без проводника в неведомых мирах?

Это все треугольник. Сознание растворилось настолько, что оказалось возможным появление этой сумеречной страны. Мы воспринимаем мир субъективно, архетипически. Реальное в нашем видении полностью сливается с чем–то подсознательным. Типичный самогипноз. Надо прервать это жуткое скольжение среди теней, заново

сосредоточиться и восстановить естественное мировосприятие. Где серебряный треугольник? — Он пошарил в карманах. — Исчез! Остался в парке вместе с портфелем! Катастрофа!»

Тагоми бросился обратно в парк. Сонные старики провожали его взглядами. Вот та скамейка, а на ней — портфель. И ни следа треугольника. Тагоми растерянно пошарил глазами вокруг.

Вот он! Лежит в траве, там, где он уронил его, разозлившись на полицейского.

Тагоми уселся на скамейку, тяжело дыша после бега.

«Надо сосредоточиться на треугольнике, — сказал он себе, отдышавшись. — Забыть обо всем и считать. До десяти. Потом будоражащий возглас, „Erwache!“,[69] например. Все это идиотский сон наяву, — думал он. — Я впал в детство, увлекся ребячьими играми, отнюдь не такими невинными, как кажется. Ни Чилдэн, ни художник, создавший эту вещь, тут ни при чем. Во всем виноват я сам, моя жадность. К пониманию нельзя принудить».

Он медленно сосчитал до десяти и вскочил.

— Бред собачий! — бросил он.

«Туман рассеялся? Наваждение исчезло? — Он

---

[69] Примечания: 69
Проснись *(нем.)*.

огляделся. — Вероятно. Вот когда можно по достоинству оценить меткое высказывание Апостола Павла. „Видеть как бы сквозь тусклое стекло“9 — это не метафора, но мудрое предостережение о возможных нарушениях восприятия действительности. В общем–то, мы и в самом деле видим астигматически. Пространство и время — суть творения нашей психики, и когда они хоть на мгновение пошатнутся — это как острое расстройство вестибулярного аппарата. Мы внезапно кренимся, чувство равновесия исчезает, все кружится…»

Тагоми уселся, спрятал серебряный треугольник в карман пальто. «Надо пойти и взглянуть на то отвратительное сооружение — как его назвал прохожий?.. многопутную дорогу Эмбаркадеро. Если оно не исчезло».

Но Тагоми боялся.

«Не могу же я здесь сидеть вечно, — убеждал он себя. — Надо двигаться, действовать! „Время — деньги“, как гласит американская поговорка. Дилемма».

Два китайчонка, громко шаркая, шли мимо. С шумом вспорхнула стая голубей.

— Эй, мальчуганы! — окликнул их Тагоми и сунул руку в карман. — Подойдите сюда.

Мальчишки недоверчиво приблизились.

— Вот десять центов. — Тагоми бросил монетку. — Идите на Керни–стрит и поглядите, есть ли там велотакси.

— А дадите еще десять центов, когда вернемся? — спросил мальчуган постарше.

— Да, — сказал Тагоми. — Только вы должны сказать правду.

Мальчишки со всех ног припустили по дорожке.

«Если велотакси нет, — подумал Тагоми, — мне останется отыскать укромное местечко и застрелиться. — Он раскрыл портфель. — Револьвер на месте, значит, проблем не будет».

Мальчишки примчались обратно.

— Шесть! — крикнул один. — Я насчитал шесть!

— А я — пять! — воскликнул второй, задыхаясь после быстрого бега.

Тагоми дал каждому по монетке.

«Назад в офис. Окунуться в работу. — Он поднялся. — Долг зовет. Сегодня обычный трудовой день».

Он снова вышел на тротуар.

— Такси!

Из потока транспорта вынырнуло велотакси.

Смуглое лицо рикши блестело от пота, грудь вздымалась.

— Да, сэр?

— В «Ниппон Таймс Билдинг», — приказал Тагоми, устраиваясь поудобнее.

Изо всех сил нажимая на педали, рикша помчал его среди веломобилей и автомашин. Незадолго до полудня Тагоми вошел в «Ниппон Таймс Билдинг» и сразу позвонил Рамсею.

— Это Тагоми, — кратко сказал он.

— Доброе утро, сэр! Счастлив слышать вас! Мы уже начали беспокоиться. В десять я звонил вам домой, но ваша супруга сказала, что вы ушли…

— Беспорядок устранен?

— Полностью, сэр.

— Вы уверены?

— Даю слово, сэр.

Успокоившись, Тагоми повесил трубку и направился к лифту.

Войдя в офис, он позволил себе беглый осмотр. Рамсей не обманул — все чисто. Тагоми вздохнул с облегчением. Те, кто не присутствовал при вчерашних событиях, ни за что не догадаются, что здесь происходило еще недавно. Лишь линолеум пола хранит память…

В кабинете его встретил Рамсей.

— Ваша храбрость удостоена панегирика на первой полосе «Таймс»! — воскликнул он. — Там сказано… — Заметив выражение лица Тагоми, он умолк.

— Вначале о деле, — сказал Тагоми. — Как генерал Тедеки? То есть бывший мистер Ятабе?

— В пути. Летит в Токио секретным авиарейсом. — Рамсей скрестил средний и указательный пальцы от сглаза.

— А что с мистером Бэйнсом?

— Не знаю. Он заходил тайком и ненадолго, пока вы отсутствовали, но ничего не сказал. — Помедлив, секретарь добавил: — Возможно, вернулся в Германию.

— Ему было бы гораздо лучше на Родных островах, — задумчиво пробормотал Тагоми, обращаясь в основном к себе. — Ну и ладно. Все это касается старого генерала и тех, кто стоит за ним. Это вне моей компетенции. Мной и моим офисом просто воспользовались. Так было удобно и целесообразно. Я был их… как это называется? Крышей, ширмой, скрывающей истину.

«Как странно, — размышлял он. — Порой видимое служит лишь декорацией, скрывающей действительность. Вроде картонного фасада. И в этом, если постичь иллюзорность всего нашего

мира, можно найти частичку сатори. Понять можно только целое. Ничего, даже иллюзию, нельзя отбрасывать. Какая грандиозная вырисовывается картина…»

Появилась бледная, взволнованная Эфрикян.

— Мистер Тагоми, я к вам…

— Успокойтесь, мисс. Не надо так нервничать. — «Поток времени несет нас», — подумал он.

— Сэр, в приемной немецкий консул. Хочет говорить с вами. Утверждает, что приходил раньше, но не застал…

Тагоми жестом приказал ей замолчать.

— Мистер Рамсей, напомните, пожалуйста, как зовут консула.

— Барон Гуго Рейс, сэр.

— Благодарю. — «Возможно, Чилдэн оказал мне услугу, не взяв револьвер обратно?» — мелькнула мысль.

Прихватив портфель, Тагоми вышел из кабинета.

В коридоре курил подтянутый, хорошо одетый белый. Коротко остриженные соломенные волосы, блестящие черные полуботинки, военная выправка. Тонкий женский мундштук слоновой кости в зубах. Он, никаких сомнений.

— Герр Рейс? — спросил Тагоми.

Немец поклонился.

— До сего дня я имел с вами деловые контакты по почте и телефону, но видимся мы впервые, — сказал Тагоми.

— Это честь для меня. — Рейс двинулся к нему. — Даже учитывая досадные обстоятельства…

— Надо думать.

Немец поднял бровь.

— Боюсь, «досадными обстоятельствами» вам тут не отделаться. Хрупкий сосуд моей души разбит — так будет точнее.

— Да, это ужасно. — Рейс покачал головой. — Когда я впервые…

— Прежде чем затянете литанию, позвольте мне сказать.

— Ну конечно.

— Я самолично пристрелил двух ваших негодяев.

— Полицейский департамент Сан–Франциско поставил меня в известность о происшествии. — Рейс выпустил облако сигаретного дыма. — Я побывал в участке на Керни–стрит и в морге. И конечно, прочитал интервью, данное вашими сотрудниками корреспондентам «Таймс». Все это

весьма печально…

Тагоми молчал.

— Тем не менее, — продолжал Рейс, — не установлено никакой связи между хулиганами, учинившими здесь погром, и Рейхом. Германское правительство не имеет к случившемуся никакого отношения. Вы действовали совершенно правильно, мистер Тагори.

— Тагоми.

— Да, Тагоми. Давайте пожмем друг другу руки и забудем этот досадный инцидент. В нынешние трудные времена любая безответственная публикация может воспламенить умы, повредить интересам наших великих наций.

— Тем не менее на моей совести кровь, герр Рейс, — сокрушенно покачал головой Тагоми. — А кровь не чернила, ее не так легко смыть.

Консул был явно раздосадован.

— Я жажду забвения, — продолжал Тагоми. — Но вы не сможете мне его дать. И похоже, никто не сможет. Я собираюсь перечесть дневник знаменитого массачусетского проповедника Гудмена Мэзера.[70] То место, где говорится о геенне

---

[70] Примечания: 70

Гудмен Коттон Мэзер — бостонский религиозный деятель и писатель XVIII века. Придерживался крайних пуританских взглядов, но при этом покровительствовал наукам, например одобрял прививки от оспы.

огненной.

Консул вновь закурил, пристально глядя на Тагоми.

— Позвольте заверить вас, консул, что ваша нация дошла до крайней степени подлости. Вам знакома гексаграмма «Бездна»? Как частное лицо, а не как представитель японского правительства, я говорю: сердцу больно от ужаса. Грядет вселенская кровавая баня. Но даже сейчас вы не можете забыть свои мелкие, эгоистичные интересы. Соперничество с СД, не так ли? Решили все свалить на Кройца фон Меере? — Тагоми запнулся — сдавило грудь. «Астма, — мелькнула мысль. — Как в детстве, когда я сердился на мать». — Я страдаю от болезни, которая не давала о себе знать многие годы, — пояснил он Рейсу. — Она приняла опасную форму в тот день, когда я услышал рассказ о деяниях ваших лидеров. Болезнь, увы, неизлечима. Вы тоже больны, сэр. Говоря словами Гудмена Мэзера, если я их правильно вспомнил: «Кайся, грешник!»?

— Вы их правильно вспомнили, — хрипло произнес немец и дрожащими пальцами достал новую сигарету.

Появился Рамсей с пачкой документов.

— Пока консул здесь, один незначительный

вопрос, относящийся к его компетенции. — Он протянул бумаги Тагоми, который пытался справиться с приступом удушья. Тагоми машинально взял бумаги. Форма 20–50. Запрос из Рейха через официального представителя ТША консула фрейгерра Гуго Рейса с просьбой о выдаче уголовного преступника, задержанного полицией Сан–Франциско. Фрэнк Финк, еврей по национальности, гражданин Германии. В соответствии с законом Рейха передать попечению таможенной службы и так далее. Тагоми перечел документ.

— Ручку, сэр? — Протягивая авторучку, Рамсей с омерзением глядел на консула.

— Нет! — Тагоми вернул Рамсею форму 20–50. Затем схватил снова и написал внизу: «Отказать. Торговый атташе Японии в Сан–Франциско. Основание — военный протокол 1947 года. Тагоми». Он сунул одну копию Рейсу, другую, вместе с оригиналом, — секретарю. — Всего хорошего, герр Рейс. — Тагоми поклонился.

Немецкий консул поклонился в ответ. Он едва взглянул на бумагу.

— В будущем, пожалуйста, старайтесь обходиться без личных визитов. Пользуйтесь такими быстродействующими средствами связи, как почта, телефон, телеграф, — продолжал Тагоми.

— Вы хотите взвалить на меня ответственность за дело, которое не имеет никакого отношения к моему ведомству. — Консул нервно затянулся сигаретой.

— Дерьмо собачье — вот что я вам на это скажу.

— Цивилизованные люди так не выражаются, — огрызнулся Рейс. — Ваши слова продиктованы раздражением и желанием отомстить. Тогда как сейчас от вас требуются выдержка и осмотрительность. — Он швырнул окурок на пол, повернулся и пошел прочь.

— Забери свой вонючий окурок! — слабо выкрикнул ему вслед Тагоми. Но консул уже скрылся за дверью. — Ребячество. Вы были свидетелем моего возмутительного ребячества, — печально сказал Тагоми Рамсею и нетвердым шагом направился в кабинет. У него окончательно перехватило дыхание. Боль потекла вниз по левой руке, одновременно невидимый кулак двинул по ребрам.

— О–о–ох! — Тагоми схватился за бок, перед глазами полыхнул сноп искр. — Помогите, мистер Рамсей! — прошептал он. Но не услышал ответа. — Пожалуйста… — Он споткнулся, вытянул руку, хватая пустоту. Падая, Тагоми сжал в

кармане серебряный треугольник.

«Ты не спас меня, — подумал он. — Не помог. Все напрасно». В ноздри ударил запах ковра. «Кажется, я заработал небольшой сердечный приступ, — с испугом подумал Тагоми. — Необходимо восстановить равновесие». Он почувствовал, как его подняли и понесли.

— Все в порядке, сэр, — сказал кто–то.

— Сообщите жене, пожалуйста, — прошептал Тагоми. Его уложили на кушетку. Он услышал далекую сирену «скорой помощи», шарканье ног. С него сняли галстук, расстегнули воротник сорочки, укрыли одеялом.

— Мне лучше, спасибо, — сказал Тагоми. Он лежал на кушетке, пытаясь не шевелиться. «Карьере конец, — сокрушенно решил он. — Немецкий консул наверняка поднимет шум, нажалуется на мое хамство. И не без причин. Как бы там ни было, я сделал все, что в моих силах. Остальное — дело Токио и заинтересованных кругов в Германии. Я вышел из игры. Вначале были пластмассы, — подумал он. — Всего–навсего пластмассы. Солидный бизнесмен. Оракул, правда, намекнул, но…»

— Снимите с него рубашку, — приказал кто–то. Очень властный тон. Несомненно, врач. Тагоми

улыбнулся. Тон — это все.

«Мне действительно пора в отставку, — решил он, — сегодняшний приступ — серьезное предупреждение. Мое тело предупреждает меня, и я должен уступить.

Что сказал Оракул, когда два мертвеца лежали на полу, а я судорожно искал поддержки?

Шестьдесят один, „Внутренняя правда“. „Даже вепрям и рыбам — счастье! Благоприятен брод через великую реку. Благоприятна стойкость“. Вепри и рыбы — самые глупые существа, их труднее всего убедить. Таков и я. Книга подразумевает меня. Я ничего не решаю окончательно. Такова моя нелепая натура… А может, сейчас мне открывается внутренняя правда? Подождем. Поглядим…»

* * *

В тот вечер, сразу после обеда, дежурный полицейский офицер отворил дверь камеры Фрэнка и велел ему собираться.

…Вскоре Фрэнк стоял на тротуаре Керни–стрит посреди обтекающей его толпы. Было холодно. Перед зданиями лежали длинные тени. Мимо проносились сигналящие машины и автобусы; кричали рикши. Фрэнк постоял, затем вместе с

толпой пешеходов машинально пересек улицу.

Он размышлял над случившимся и ничего не понимал. «Внезапно арестовывают и так же внезапно отпускают…» Ему ничего не объяснили, просто отдали узелок с одеждой, бумажник, часы, очки, и старый пьянчуга–охранник вывел его за ворота.

«Почему меня выпустили? — думал он. — Чудо? Или счастливая случайность? По логике, мне следовало бы сейчас лететь в Германию на казнь».

Он брел мимо ярких витрин магазинов, распахнутых дверей баров, перешагивал через обрывки бумаги и прочий мусор, гонимый ветром.

«Словно заново родился, — размышлял Фрэнк. — Почему? Как? Черт побери, так оно и есть — подарили вторую жизнь! И что я должен теперь делать? Молиться? Кому? Хотел бы я знать… и понимать».

Но он чувствовал, что никогда не поймет.

«Просто радуйся, — сказал он себе. — Думай, двигайся — живи. Назад, к Эду, — мелькнуло в голове. — Вернуться в подвал, в мастерскую. Делать украшения. Трудиться не покладая рук. И не надо ничего понимать».

Он стремительно шагал по улицам ночного города. Назад в привычный, понятный мир.

Войдя в подвал, он застал своего компаньона за ужином: два сандвича, термос с чаем, бананы и несколько домашних пирожков. Маккарти жевал и глотал с ритмичностью автомата. Возле него стоял включенный электрокамин. Фрэнк сел рядом и протянул к обогревателю озябшие руки.

— Значит, вернулся. Молодец. — Оторвавшись от еды, Маккарти хлопнул Фрэнка по спине. Больше он ничего не сказал. Тишина нарушалась лишь гудением электрокамина да чавканьем Маккарти.

Сбросив пальто на спинку кресла, Фрэнк набрал пригоршню недоделанных серебряных звеньев и высыпал рядом со шлифовальным станком. Надел на ось круг, обтянутый сукном, включил мотор, надвинул на глаза щиток и принялся шлифовать звенья. Одно за другим.

Глава 15

В эту минуту капитан Рудольф Вегенер, путешествующий под именем Конрада Гольца, оптового торговца лекарствами, глядел в иллюминатор ракетоплана. Впереди показалась Европа. «Как быстро, — подумал он. — Минут через восемь приземлимся в Темпельхофе. Интересно, достиг ли я цели? Теперь все зависит от генерала Тедеки. От того, как он поведет себя на Родных островах. Во всяком случае, мы сделали все, что могли. Но повода для оптимизма пока нет. Вдруг японцы не сумеют повлиять на германскую внешнюю политику? Правительство Геббельса скорее всего удержится у власти. Окрепнув, оно вспомнит об „Одуванчике“, и тогда половина планеты превратится в безжизненную пустыню. Рано или поздно нацисты уничтожат всех нас. Они могут: у них есть водородная бомба. И они добьются своего, ибо их мышление устремлено к Gätterdämmerung.[71]

---

[71] Примечания: 71

Гибель Богов *(нем.).* Название 4–й части «Кольца Нибелунгов», монументальной оперы Р. Вагнера, воспевающей величие германского духа. Намек на роковую гибель главных героев оперы в финале.

Что оставит после себя Третье Мировое Безумие? Наступит ли конец вообще всякой жизни? Мертвая планета — чудовищный итог нашей эволюции?..»

Он не мог, не хотел в это верить.

«Невозможно, чтобы наш мир был единственным, должны существовать другие миры, в другой галактике или ином измерении, невидимые для нас, неведомые, непостижимые. Даже если на Земле жизнь прекратится, где–то останется другая жизнь, другой разум, мудрее нашего. Я не могу доказать, но верю, хотя это и нелогично».

— Meine Damen und Herren. Achtung, bitte![72] — прокаркал громкоговоритель.

«Скоро приземлимся, — подумал капитан Вегенер. — Меня наверняка поджидают. Вопрос только в том, чья группировка готовит встречу — Геббельса или Гейдриха? Допустим, Гейдрих жив. Хотя, пока я летел, его вполне могли устранить. В смутное время в тоталитарном обществе такое случается быстро...»

Несколькими минутами позже он двигался к выходу в толпе пассажиров. Но на этот раз среди них не было молодого нацистского художника.

---

[72] Примечания: 72
Дамы и господа. Прошу внимания! *(нем.).*

«Некому изводить меня идиотскими суждениями», — устало подумал Вегенер. У трапа, чуть в стороне, стояла группа людей в черной форме. «За мной?»

Вегенер медленно спустился по трапу. Далеко впереди кричали и махали руками встречающие. Один из чернорубашечников, плосколицый белобрысый парень с опознавательными знаками Ваффен–СС, шагнул к Вегенеру, щелкнул каблуками и отдал честь.

— Ich bitte mich zu entschuldigen. Sind Sie nicht Kapitan Rudolf Wegener, von der Abwehr?[73]

— Извините, — ответил Вегенер. — Вы ошиблись. Я — Конрад Гольц, представитель «А.Г. Хемикален». — Он двинулся дальше.

Навстречу ему шагнули еще двое эсэсовцев. Все трое обступили Вегенера, так что, двигаясь в выбранном направлении, он оказался под охраной. У двоих эсэсовцев под плащами были автоматы.

— Вы — Вегенер, — сказал первый, когда они вошли в здание аэровокзала.

Он промолчал.

— Вас ждет машина, — продолжал эсэсовец. — Нам приказано встретить вас и немедленно

---

[73] Примечания: 73

Прошу прощения, вы не капитан Рудольф Вегенер из абвера? *(нем.).*

препроводить к рейхсфюреру СС Гейдриху в штаб–квартиру дивизии «Лейбштандарт». Кроме того, мы должны охранять вас…

«Чтобы меня не перехватили молодчики из Партай, — добавил про себя Вегенер. — Значит, Гейдрих жив и не смещен. Сейчас он пытается укрепить свое положение в правительстве Геббельса. Вполне возможно, что в конце концов нынешний кабинет падет, — размышлял он, усаживаясь в черный штабной „даймлер“. — Однажды ночные улицы заполнят патрули Ваффен–СС. Из полицейских участков ринутся толпы чернорубашечников. Будут захвачены радиостанции, телеграфы, отключена электроэнергия, закрыт Темпельхоф. Громыхание сапог по берлинской брусчатке… Но, в сущности, что это изменит? Даже если доктор Геббельс будет свергнут, они все равно останутся: чернорубашечники, Партай, планы войны не с Востоком, так с чем–нибудь еще. Например, с Марсом или Венерой. Неудивительно, что Тагоми не выдержал, — подумал он. — Жестокая дилемма нашего существования. Как бы ты ни поступил, в итоге это окажется злом. Тогда зачем сопротивляться? Зачем выбирать, когда все альтернативы — ложны?.. И все–таки мы будем бороться. День

за днем. Сейчас — против операции „Одуванчик“, потом — против полиции. Нельзя уничтожить все зло сразу. Это долгий процесс. Мы можем лишь делать выбор на каждом шаге. И надеяться. Возможно, в каком–нибудь другом мире все по–другому. И жизнь состоит из ясных альтернатив. Черно–белый мир без оттенков и переходов.

Увы, мы живем не в идеальном обществе, где истина ясна, поскольку ясны ее критерии. Где можно быть правым без особых усилий, поскольку ясно, что значит быть правым».

«Даймлер» взревел и рванулся с места.

«Предположим, это ловушка, — думал Вегенер, зажатый на заднем сиденье охраной; автоматы лежали у эсэсовцев на коленях. — Меня везут не к Гейдриху, а в застенок Партай, чтобы вытянуть сведения и прикончить. Но я сделал выбор: предпочел рискнуть, вернуться в Германию. Смерть — вот путь, который открыт для нас всегда, на любом шаге. И постепенно мы приближаемся к ней, сами того не желая. Или, напротив, сдаемся и выбираем смерть сознательно».

Черный автомобиль мчал его по берлинским улицам.

«Вот я и дома, — подумал Вегенер. — Мой

Volk,[74] я снова с тобой».

— Какие новости? — обратился он к охране. — Я отсутствовал несколько недель, уехал еще до смерти Бормана. Есть ли перемены в политической ситуации?

Эсэсовец справа ответил:

— Есть, и большие. Были громкие митинги в поддержку Маленького Доктора. В сущности, к власти его привела толпа. Когда народ опомнится, то вряд ли потерпит урода и демагога. Геббельс держится только на умении ложью и пустословием воспламенить энтузиазм масс.

— Ясно, — кивнул Вегенер.

«Грызня продолжается, — подумал он. — Возможно, семена зла вот–вот дадут всходы, и тогда монстры сожрут друг друга, а мы останемся. Будем надеяться, нас уцелеет достаточно, чтобы начать все сначала. Чтобы строить и думать о будущем…»

В час дня Джулиана Фринк добралась до Шайенна. В центре города, возле огромной железнодорожной станции, она купила две дневные газеты и, просматривая их, наткнулась на заметку:

ОТПУСК ЗАВЕРШАЕТСЯ СМЕРТЕЛЬНЫМ

---

[74] Примечания: 74
Народ *(нем.)*.

УДАРОМ

Джулиана Чиннаделла подозревается в убийстве своего мужа Джо Чиннаделла. По свидетельству служащих денверской гостиницы «Президент Гарнер», она покинула отель сразу после того, как разыгралась кровавая драма. В номере найдена распечатанная упаковка бритвенных лезвий. Очевидно, одним из них и воспользовалась миссис Чиннаделла, по описаниям привлекательная, хорошо одетая брюнетка лет тридцати. Тело ее мужа с перерезанным горлом обнаружил Теодор Террис, служащий гостиницы, который всего получасом ранее забрал у клиента рубашки на глаженье и вернулся, как было договорено. По словам полицейских, в номере остались следы борьбы, что дает основания предположить…

«Значит, он умер, — подумала Джулиана, складывая газету. — Но у полиции даже нет моей настоящей фамилии, обо мне ничего не знают».

Почти успокоенная, она ехала, пока не наткнулась на сносный мотель. Джулиана сняла номер и перенесла туда свертки из машины. «Теперь ни к чему торопиться, — решила она. — Можно дождаться вечера, чтобы был повод наведаться к Абендсенам в новом платье. И книгу успею

дочитать».

Она не спеша разложила вещи, включила радио, заказала по телефону кофе, затем юркнула в чистую постель с новым экземпляром «Саранчи», купленным в денверской гостинице.

В седьмом часу вечера Джулиана захлопнула книгу.

«Интересно, успел ли Джо ее дочитать? — подумала она. — Похоже, он так ничего и не понял. В ней заключен гораздо более глубокий смысл, чем кажется. И суть тут не в придуманном мире. Бьюсь об заклад, никто, кроме меня, не понял „Саранчу“. Людям просто кажется, что они поняли».

Джулиана убрала книгу в чемодан, надела шубку и отправилась обедать.

Воздух был свеж и чист, рекламные надписи и фонари Шайенна казались особенно яркими. Мимо проносились сверкающие лаком машины. Напротив бара ссорились две хорошенькие черноглазые индианки–проститутки.

Замедлив шаг, Джулиана любовалась картиной ночного города, создававшей атмосферу праздника, атмосферу, не имеющую ничего общего с нудным, надоевшим, с такой легкостью отвергнутым ею прошлым.

Джулиана остановила свой выбор на дорогом

французском ресторане, возле которого скучал служащий в белой ливрее и где на каждом столике стоял огромный винный кубок с горящей внутри свечой, и масло подавалось не порционными кубиками, а в большой мраморной масленке. С аппетитом пообедав, она не спеша поехала в мотель. Банкноты Рейхсбанка почти кончились, но это ее не огорчало.

«Он поведал нам о своем видении мира, — подумала она, отворяя дверь номера. — Нашего. Того, который нас окружает. Он хотел, чтобы мы тоже увидели. И он добился своего, я с каждой минутой вижу мир все отчетливее». Расстелив на кровати голубое итальянское платье, Джулиана убедилась, что оно не пострадало, но, распаковав остальные свертки, обнаружила, что оставила в Денвере новый лифчик.

«Черт с ним. — Она села в кресло и закурила. — Попробую надеть с обычным бюстгальтером. — Она скинула блузку и юбку и примерила платье. Но бретельки и верхние половинки чашечек бюстгальтера выглядывали, так что этот вариант отпадал. — Можно, наверное, обойтись и вовсе без него, — подумала она — Хотя я уже много лет не ходила…» — Это напомнило юность, когда у нее был маленький бюст. Вспомнив, она

даже расстроилась. Но возраст и дзюдо сделали свое дело.

Джулиана примерила платье без бюстгальтера и встала на табурет в ванной, чтобы увидеть себя в зеркале шкафчика. Платье смотрелось просто потрясающе, но, Боже мой, было слишком вызывающим. Достаточно наклониться с сигаретой к огоньку и…

Брошь! Она позволит поднять вырез и обойтись без бюстгальтера. Вытряхнув на кровать содержимое своей шкатулки, Джулиана перебрала броши, подаренные Фрэнком и другими мужчинами еще до женитьбы. Память былых времен. Была тут и новая брошь, купленная Джо в Денвере. Да, небольшая мексиканская брошка в виде лошади подойдет.

«Хоть какая–то польза от прошлого, — сказала она себе. — Осталось так мало хороших воспоминаний».

Она долго и тщательно делала прическу, затем выбрала сережки и туфли, надела шубку, взяла сумочку и покинула номер.

Вместо того чтобы сесть в старенький «студебеккер», она поручила владельцу мотеля заказать такси. Пока Джулиана ждала в холле, ей пришло в голову позвонить Фрэнку. «Почему бы и нет? —

спросила она себя. — Возможно, даже платить не придется — Фрэнк так обрадуется звонку, что будет счастлив оплатить разговор».

Джулиана заказала номер и, затаив дыхание, прислушалась к переговорам далеких телефонисток. Вначале местных, затем во Фриско. В трубке долго шуршало и потрескивало, наконец раздались гудки. В ожидании ответа она посмотрела в окно. «В любую минуту может появиться такси, — подумала она. — Впрочем, не важно — шофер подождет».

— Ваш номер не отвечает, — сказала шайеннская телефонистка. — Я могу повторить вызов…

— Не надо. — Джулиана мотнула головой. В конце концов это был всего лишь каприз. — Спасибо. — Она повесила трубку и решила подождать такси на улице. Возле нее остановилась сияющая новенькая машина. Водитель торопливо вышел, обогнул такси и распахнул дверцу.

Мгновение спустя роскошный «кадиллак» помчал Джулиану по улицам Шайенна к Абендсенам.

Дом Абендсенов — одноэтажный особняк, окруженный пышно разросшимися кустами и клумбами с розами — был ярко освещен. Джулиана услышала музыку и голоса. Идя по мощенной

гравием дорожке, она думала: «Не ошиблась ли я адресом? Неужели это и есть Высокий Замок? А как насчет слухов и легенд?» Дом оказался обыкновенным, хотя и был довольно красив, а парк — идеально ухожен. Рядом с домом, под навесом, она заметила детский велосипед. Может, это не тот Абендсен? Адрес она нашла в шайеннском телефонном справочнике.

Джулиана взошла на крыльцо с чугунными перилами и нажала кнопку звонка. Дверь была приоткрыта. Она увидела гостиную, людей, венецианские занавеси на окнах, пианино, камин, книжные шкафы… «Красивая обстановка, — подумала она. — Что у них сегодня? Прием? Нет, все одеты неофициально».

Дверь распахнул взъерошенный мальчуган лет тринадцати в тенниске и джинсах.

— Да?

— Мистер Абендсен дома? Он не занят? — спросила Джулиана.

— Мама! — позвал мальчик. — Тут к папе пришли!

К двери подошла рыжеволосая женщина лет тридцати пяти с проницательными серыми глазами и улыбкой столь доброжелательной и располагающей, что Джулиана сразу поняла: это

Кэролайн Абендсен.

— Я звонила вчера вечером, — сказала она.

— Да, да, я помню. — Улыбка миссис Абендсен стала еще шире. У нее были идеальные ровные белые зубы. «Ирландка, — подумала Джулиана. — Только ирландская кровь может придать форме рта такую женственность».

— Позвольте вашу сумочку и пальто. Вы пришли как раз вовремя. У нас собрались друзья. Какое восхитительное платье! От Керубини, я не ошиблась? — Женщина провела Джулиану мимо переполненной вешалки, через гостиную в спальню, где положила ее вещи на кровать рядом с другими.

— Муж где–то здесь. Поищите высокого человека в очках с бокалом «старомодного».[75] — Ласковый свет ее глаз пронизывал Джулиану.

«Удивительно, — подумала Джулиана. — Мы сразу поняли друг друга».

— Я приехала издалека, — сообщила она.

— Да, вы говорили… Ага, вот он. — Кэролайн Абендсен подвела ее к группе мужчин. — Дорогой, подойди сюда, — позвала она. — Тут одна из твоих читательниц рвется сказать тебе несколь-

---

[75] Примечания: 75

Коктейль из виски, горького пива, имбиря и лимонной корочки.

ко слов.

К ним направился очень высокий смуглый человек с темными вьющимися волосами и карими или даже, благодаря тонированным очкам, фиолетовыми глазами. На нем был дорогой, сшитый на заказ костюм из натуральной шерсти, который без каких–либо портновских ухищрений подчеркивал широкие плечи владельца. Джулиана впервые в жизни видела такого необыкновенного человека и потому с удивлением воззрилась на него.

— Миссис Фринк целый день ехала из Каньон–Сити, чтобы поговорить с тобой о «Саранче», — представила ее Кэролайн.

— Я думала, вы живете в крепости, — сказала Джулиана.

Готорн Абендсен поклонился.

— Да, мы жили в крепости. Чтобы добраться туда, приходилось пользоваться лифтом, а у меня боязнь высоты. В один прекрасный день, когда я хорошо набрался, со мной случился приступ. Говорят, я отказался подниматься по той причине, что трос лифта держит сам Иисус Христос. С тех пор это повторялось каждый раз, и тогда я решил переехать сюда, чтобы обойтись без лифта.

Джулиана не поняла. Кэролайн пояснила:

— Гот рассказывал, что, когда он доезжал наверх, до Христа, то не мог подняться на ноги, а приветствовать Господа сидя — нехорошо.

— Выходит, вы продали Высокий Замок и вернулись в город? — спросила Джулиана.

— Хотите что–нибудь выпить? — вместо ответа предложил Абендсен.

— Давайте, — согласилась она. — Но не «старомодный». — Джулиана давно заметила бар, заставленный бутылками, бокалами, вазами с сандвичами и фруктами. Она направилась туда в сопровождении Абендсенов. — Плесните немного «харпера» со льдом. Вы знакомы с Оракулом?

— Нет, — покачал головой Абендсен, наполняя для нее бокал.

— С «Книгой Перемен», — пояснила она.

— Нет, не знаком, — повторил он, протягивая бокал.

— Не дразни ее, — попросила Кэролайн.

— Я прочла вашу книгу, — сказало Джулиана. — По правде говоря, дочитала сегодня вечером. Откуда вы узнали о мире, который описали?

Абендсен, хмуро глядя в сторону, потер верхнюю губу костяшкой согнутого пальца.

— Вы пользовались Оракулом?

Абендсен молча взглянул на нее.

— Только прошу вас, не надо острить или ребячиться. Скажите правду.

Пожевывая губу и покачиваясь на каблуках, Абендсен смотрел в пол. Шум голосов в комнате стих, те, кто находился поблизости, прислушивались к разговору. Джулиана почувствовала всеобщее неодобрение, но ей был необходим ответ.

— Это… трудный вопрос, — вымолвил наконец Абендсен.

— Нет, не трудный.

В комнате наступила полная тишина. Все смотрели на них.

— Сожалею, но я не готов ответить, — сказал Абендсен. — Вам придется с этим смириться.

— Тогда как вы написали книгу? — настаивала Джулиана.

— Что делает эта брошь на вашем платье? Отгоняет духов или всего–навсего соединяет части в целое?

— Почему вы уходите от ответа? — спросила она. — Почему увиливаете, делая бессмысленные замечания?

— У каждого есть… технические секреты, — медленно проговорил Готорн Абендсен. — У вас — свои, у меня — свои. Вот что я имел в виду. Вам

следует воспринимать «Саранчу» как мое видение мира… — Он снова протянул ей бокал. — Ведь, когда вы садитесь на диван, вас не интересует, что у него внутри: пружины или поролон.

«Похоже, он нервничает, — заметила Джулиана. — Куда подевались его вежливость и добродушие? И Кэролайн больше не улыбается — губы плотно сжаты, в глазах беспокойство».

— В книге вы говорите, что есть какой–то выход. Так?

— Выход?.. — насмешливым эхом отозвался он.

— Вы для меня много сделали. Я поняла, что нет смысла бояться, нет смысла жалеть, ненавидеть или избегать. Убегать и преследовать.

Он внимательно разглядывал ее, покручивая бокал.

— В этом мире многие игры стоят свеч, — вымолвил он.

— Я понимаю вашу мысль, — сказала Джулиана. Ей не в новинку были подобные взгляды, но с недавних пор они перестали ее волновать. — В гестаповском досье утверждается, что вам нравятся такие женщины, как я.

Абендсен лишь слегка изменился в лице.

— Гестапо не существует с сорок седьмого.

— Ну, значит, в СД, или где–то там еще.

— Вы не могли бы объяснить подробнее? — резко спросила Кэролайн.

— Хочу и могу, — ответила Джулиана. — Я приехала в Денвер с одним из них. Они твердо решили вас уничтожить. Вам бы спрятаться куда–нибудь, где вас не смогут найти, а не жить у всех на виду, впуская в дом кого попало. Меня, например. Когда сюда пришлют следующего убийцу, может не найтись человека, чтобы остановить его.

— Вы сказали — следующего, — произнес Абендсен после паузы. — А что с тем, который был с вами? Почему он не здесь?

— Я перерезала ему горло, — кратко ответила она.

— Это что–то, — пробормотал Абендсен. — Услышать такое от женщины, которую видишь впервые в жизни…

— Вы мне не верите?

— Ну что вы… — Он как–то по–доброму, виновато улыбнулся. Видимо, ему и в голову не пришло усомниться в ее словах. — Спасибо.

— Пожалуйста, спрячьтесь от них, — попросила Джулиана.

Он отрицательно покачал головой.

— Видите ли, мы пытались. Вы же читали на обложке: оружие, проволока под током и все

такое… Я так написал, чтобы создать видимость, будто и сейчас живу в крепости. — В его голосе слышалась усталость.

— Ты хоть бы оружие носил, — укорила его жена. — Я знаю, когда–нибудь ты впустишь в дом незнакомца, и он пристрелит тебя. Какой–нибудь нацистский профессионал.

— Если захотят, они все равно до меня доберутся, — отмахнулся Абендсен. — Несмотря на Высокий Замок, колючую проволоку и прочее.

«Так ты фаталист, — подумала Джулиана. — Сам готов подписать себе смертный приговор. Впрочем, это ясно из твоей книги».

— «Саранчу» написал Оракул, верно? — спросила она.

— Хотите знать правду?

— Хочу и имею на это право. Разве не так?

— Оракул крепко спал, пока я писал книгу. Спал в углу кабинета. — Его глаза были серьезны, лицо, казалось, вытянулось еще больше.

— Скажи ей правду, — потребовала Кэролайн. — Она заслужила. Я скажу вам, миссис Фринк, — обратилась она к Джулиане. — Гот задавал вопросы. Тысячи вопросов. И искал ответы в гексаграммах. Тема. Исторический период. Сюжет. Персонажи. На это ушли годы. Гот даже

спросил, ждет ли его книгу успех. Оракул ответил, что успех будет огромен, впервые за всю литературную карьеру мужа. Так что вы правы. Должно быть, вы сами часто общаетесь с Оракулом, если догадались.

— Раньше мне и в голову не приходило, что Оракул может сочинить книгу. — Джулиана пожала плечами. — А вы когда–нибудь спрашивали его, почему он сочинил именно «Саранчу», а не какую–нибудь другую? И почему в ней Германия и Япония проиграли войну? Есть ли тут скрытый смысл, как обычно в его ответах?

Абендсен и Кэролайн молчали. Наконец Абендсен ответил:

— Мы с ним никогда не заводили разговора о дележе гонораров. Если я спрошу, почему он написал «Саранчу», мне, стало быть, придется взять его в долю. Вопрос предполагает, что я всего–навсего печатал на машинке, а это далеко не так.

— Я спрошу его, — сказала Кэролайн, — если ты не хочешь.

— Это не твой вопрос, — ответил Абендсен. — Пусть она спросит. — Он повернулся к Джулиане: — У вас необычный разум. Вы знаете об этом?

— Где ваш Оракул? — спросила Джулиана. — Мой остался в машине у мотеля. Если не дадите

ваш, я все равно спрошу у своего.

Абендсен повернулся и пошел к закрытой двери. Остальные потянулись за ним. Писатель исчез за дверью и вскоре вернулся с двумя черными томами. Джулиана уселась в углу за кофейный столик. Гости окружили ее.

— Мне нужны бумага и карандаш.

Мигом нашлось и то и другое.

— Можете произнести вопрос вслух, — сказал Абендсен. — У нас ни от кого нет секретов.

— Оракул, зачем ты написал книгу «Из дыма вышла саранча»? Что мы должны узнать из нее?

— У вас ошеломляющая манера задавать вопросы, — отметил Абендсен, но сел рядом, чтобы следить за гаданием. — Я не пользуюсь черенками тысячелистника, вечно их теряю, — пояснил он, вручая ей три медные китайские монеты с дырочками.

Джулиана бросала монеты. Она была спокойна и уверена в себе.

Абендсен рисовал черты. Когда монеты упали в шестой раз, он поглядел на нее и сказал:

— «Разрешение» внизу. «Проникновенность» наверху. Равновесная ситуация.

— Вы помните, что это за гексаграмма? — спросила Джулиана. — Не заглядывая в Оракул?

— Да, — кивнул Абендсен.

— Я тоже знаю. Это Чжун–фу — «Внутренняя правда». И я помню, что она означает.

Абендсен поднял голову и долго молча смотрел на нее. На его лице застыло суровое выражение.

— Она означает, что моя книга — правдива?

— Да, — ответила она.

— Германия и Япония проиграли?! — гневно воскликнул он.

— Да.

Абендсен захлопнул оба тома и поднялся.

— Даже вы боитесь в это поверить, — сказала Джулиана.

Он задумался, глаза опустели. «Ушел в себя, — поняла Джулиана. — Пытается осознать случившееся».

Взгляд Абендсена прояснился, он хмыкнул.

— Никак не могу поверить.

— Поверьте, — попросила Джулиана. — Пожалуйста…

Он отрицательно покачал головой.

— Не можете, — печально вздохнула она. — Неужели не можете?

— Хотите автограф на «Саранче»? — предложил Готорн Абендсен.

Джулиана тоже поднялась.

— Мне пора, — сказала она. — Спасибо вам большое. Простите, что я омрачила вам вечер. Вы были очень добры, пригласив меня.

Она прошла сквозь кольцо гостей в спальню, где лежали ее вещи. Когда надевала шубку, за ее спиной появился Абендсен.

— Знаете, кто вы? — спросил он Джулиану и обернулся к Кэролайн. — Эта женщина — демон, прекрасный змей–искуситель, который… — Он поднял руку и сильно, чуть было не смахнув очки, потер лоб. — Который неустанно скитается по Земле… — Он поправил очки. — Она поступает так, как подсказывает инстинкт, следует своей природе. Ей не приходило в голову, что своим визитом она причинит кому–то боль. Она просто пришла, как приходят беда или счастье — никого не спросясь. И я рад, что она здесь, и ни о чем не жалею. Она не знала, зачем едет сюда и что найдет. Думаю, всем нам повезло, так что давайте не будем вешать носы, хорошо?

— Да, она ужасная сумасбродка, — подтвердила Кэролайн.

— Весь мир таков. — Абендсен протянул Джулиане руку. — Спасибо за то, что вы сделали в Денвере.

— Спокойной ночи, — сказала она, пожимая

руку. — Послушайтесь вашей жены. Носите оружие.

— Нет, — сказал он. — Я давным–давно все для себя решил и не хочу к этому возвращаться. Теперь, когда мне становится тревожно, особенно по ночам, я ищу поддержки у Оракула. Неплохой способ отделаться от тревог. — Он печально улыбнулся. — Честно говоря, сейчас меня беспокоит лишь то, что эти олухи вылакают все спиртное, пока мы тут болтаем. — Повернувшись, он направился к бару.

— Куда вы теперь? — спросила Кэролайн.

— Не знаю. — Почему–то это не волновало Джулиану. «Я немного похожа на него, — подумала она. — Не позволяю некоторым вещам беспокоить меня, какими бы они ни были важными». — Возможно, вернусь к мужу, Фрэнку. Сегодня я пыталась до него дозвониться, пожалуй, еще раз попробую. Если будет настроение.

— Я очень благодарна за то, что вы для нас сделали или говорите, что сделали…

— Но вам бы хотелось никогда меня больше не видеть, — подхватила Джулиана.

— Должна признаться, меня очень расстроил ваш разговор с Готорном, — смутилась Кэролайн.

— Странно, — сказала Джулиана. — Мне не приходило в голову, что правда может вас расстроить. «Правда, — подумала она, — суровая, как смерть. Но найти ее гораздо труднее, чем смерть. Мне просто повезло».

— Думаю, ваш муж прав: не стоит огорчаться. Это всего лишь недоразумение, не так ли? — Она улыбнулась, и миссис Абендсен вымученно улыбнулась в ответ. — В любом случае, спокойной ночи.

Джулиана, не оглядываясь, прошла по залитой светом окон дорожке сада и ступила на темный асфальт тротуара. Она шла, мечтая о машине — яркой, движущейся, живой, — которая доставит ее в мотель.

Комментарии к роману

Кажется уместным упомянуть о некоторых философских аспектах, оказавших существенное влияние на содержание романа «Человек в Высоком Замке».

В статье «Махаяна и китайские учения» востоковед Т. П. Григорьева предложила условные модели логик трех великих мировых культур: «Белое или черное — европейская модель; белое станет черным — китайская модель; белое и есть черное — индийская модель». Китайская модель и является скорее всего ключом к пониманию романа Филипа Дика. Белое станет черным, ян станет инем, ситуация непременно превратится в свою противоположность. И Оракул, к которому постоянно обращаются герои романа, каждый раз подчеркивает эту истину.

И все же, хотя в основе «Человека в Высоком Замке» лежит символика «Книги Перемен», хотя он насыщен духом, философией и терминологией Востока, это очень американский роман, где учение о Дао, образы «Ицзина» и «Бардо Тходол» вплетены в жизнь Америки шестидесятых, в ее

прошлое и настоящее (пусть альтернативное). Поэтому перед нами стояла вдвойне сложная задача — сделать перевод не только максимально адекватным оригиналу, но и понятным русскоязычному читателю. Этой цели служат и настоящие комментарии.

1 «Ицзин», или китайская классическая «Книга Перемен», — одна из книг конфуцианского Пятикнижия. «Не без досады, но и не без удовлетворения мы должны предоставить „Книге Перемен“, безусловно, первое место среди остальных классических книг и как труднейшей из них: труднейшей и для понимания, и для перевода. „Книга Перемен“ всегда пользовалась славой темного и загадочного текста, окруженного огромной, подчас расходящейся во мнениях литературой комментаторов. Несмотря на грандиозность этой двухтысячелетней литературы, понимание некоторых мест „Книги Перемен“ до сих пор представляет почти непреодолимые трудности — столь непривычны и чужды нам те образы, в которых выражены ее концепции. Поэтому да не посетует читатель на пишущего эти строки, если некоторые места перевода данного памятника не окажутся понятными при первом чтении», — так писал переводчик «Ицзина» на

русский язык Ю. К. Щуцкий. Так как в основе романа «Человек в Высоком Замке» лежат мантико–философские концепции «Книги Перемен», переводчики попытались изложить хотя бы на нескольких страницах основные принципы построения и космогонии «Ицзина», без которых невозможно понимание романа Филипа Дика.

По философии «Книги Перемен» все бытие представляет собой чередование ситуаций, возникающее от взаимодействия равных, пребывающих в постоянном движении и переходящих друг в друга космических сил — ян (света, мужского начала) и инь (тьмы, женского начала). Каждая ситуация символически обозначается знаком, именуемым в европейской литературе гексаграммой. Всего гексаграмм шестьдесят четыре, и вместе они охватывают весь мировой процесс. (Щуцкий Ю. К. Китайская классическая «Книга Перемен». М., 1960. — С. 22.)

знак	название	свойство	образ
	цинь (творчество)	крепость	небо
	кунь (исполнение)	самоотдача	земля
	чжень (возбуждение)	подвижность	гром
	кинь (погружение)	опасность	вода
	гэнь (пребывание)	незыблемость	гора
	сунь (уточнение)	проникновен-ность	ветер (дерево)
	ли (сцепление)	ясность	огонь
	дуй (разрешение)	радость	водоем

Каждая гексаграмма состоит из шести горизонтальных черт. Черты символизируют этапы развития данной ситуации и читаются снизу вверх. Первой чертой считается нижняя, которая называется «начальной» и характеризует зарождение ситуации, второй — вторая снизу и т. д.; верхняя черта называется не шестой, а именно «верхней» и знаменует завершение ситуации, ее переразвитие, переход в свою про-

тивоположность. Существует два типа черт: непрерывные — они именуются чертами ян («световыми», «сильными», «девятками») и прерванные посередине — они называются чертами инь («теневыми», «слабыми», «шестерками»). Как нетрудно заметить, всего таких комбинаций из шести инь и ян может быть шестьдесят четыре, то есть по числу гексаграмм «Ицзина».

В древнейших комментариях к «Книге Перемен» отмечается, что вначале были придуманы восемь комбинаций трех черт, так называемые триграммы. Они получили названия и стали характеризовать определенные свойства и образы:

Каждая гексаграмма может рассматриваться как сочетание двух триграмм. Их взаимное отношение характеризует данную гексаграмму.

В зависимости от расположения черт гексаграмма, а следовательно, и ситуация, интерпретируется как стабильная или нестабильная, благоприятная или неблагоприятная. Гексаграмма может быть статичной, в этом случае рассматривается она одна, или имеет одну или несколько изменяющихся черт, «черт развития», тогда вслед за первой полученной гексаграммой рассматривается вторая, полученная из первой путем замены черт развития на противополож-

ные (ян становится инем и наоборот).

Простейшая техника гадания по «Ицзину» такова. Вначале в письменной или устной форме задается конкретный вопрос. Для получения гексаграммы шесть раз поочередно подбрасывают три монеты. В зависимости от преобладания «орлов» или «решек» рисуются сплошные или прерывистые черты. После этого в Оракуле находят афоризмы, комментарии и толкования к полученной гексаграмме. Техника гадания по черенкам тысячелистника сложнее, но результат такого гадания точнее. (Подробнее о способах гадания по «Ицзину» см. «Чжоу Цзунхуа. Дао „Ицзина“. — Киев, 1996.)

Собственно текст „Книги Перемен“ представляет собой интерпретации гексаграмм в целом, отношения составляющих их триграмм и отдельных черт. Он неоднороден, принадлежит разным авторам и создавался в разное время. По глубине и подробности толкования ситуации текст можно разделить на ряд слоев:

1. Название гексаграммы.

2. Афоризмы ко всей гексаграмме.

3. Афоризмы к отдельным чертам.

4. Толкования и комментарии к гексаграмме, составляющим ее триграммам и отдельным чер-

там, так называемые „Десять крыльев“.

Переводчики пытались максимально бережно отнестись к тексту самой „Книги Перемен“, стараясь пользоваться переводом Щуцкого. Там, где это по каким–либо причинам оказывалось невозможным, приходилось обращаться к англоязычному переводу Р. Вильгельма, использованному автором. (Это единственная книга на английском языке, оставленная в библиографии.) Все подобные случаи отмечены особо.

В заключение хотелось бы привести слова выдающегося китайского философа Чэн Ичуаня (1033–1107), сказанные о „Книге Перемен“: „Книга эта столь широка и всеобъемлюща, что через нее мы надеемся встать в правильное отношение к законам нашей сущности и судьбы, проникнуть во все причины явного и сокровенного, исчерпать до конца всю действительность предметов и событий и тем самым указать путь открытий и свершений“.

Конфуцианская традиция относит создание „Книги Перемен“ к глубочайшей древности. Хроники свидетельствуют, что первый слой ее текста был хорошо известен уже в VIII в. до Р. Х., а создание его началось еще раньше. Однако основной текст книги, как справедливо отмечают совре-

менные исследователи „Ицзина“, сформировался не ранее середины первого тысячелетия до Р. Х.

2 Дао — ключевое понятие китайской философии. Всеобщий Закон и Абсолют, основа всего сущего, единственная и вечно существующая реальность. Невидимое и неслышимое, недоступное органам чувств и логике, постоянное и неисчерпаемое, безымянное и бесформенное, Дао дает начало, имя и форму всему сущему. „Дао рождает одно, одно рождает два, два рождают три, а три — все существа. Все существа носят в себе инь и ян, наполнены ци (жизненной энергией) и образуют гармонию“, — говорил мудрец Лаоцзы. Познать Дао, следовать ему, слиться с ним — в этом смысл, цель и счастье жизни.

Все попытки исследователей объяснить, что есть Дао с позиции европейской логики, оказались безрезультатными, ибо (и здесь мы следуем философии даосизма, в некотором смысле опровергая все сказанное выше), как говорил Лаоцзы: „Дао, которое может быть выражено словами, не есть постоянное Дао“.

3 …эпохи Токугава — почти семь веков император являлся номинальным правителем Японии. Страной управляли крупные феодалы — сёгуны, стоявшие во главе кланов — домов. Сёгунат дома

Токугава продолжался с 1603 по 1868 год.

4 Архетип — термин „аналитической психологии“ К. Юнга. Архетипы по Юнгу — наиболее общие схемы человеческого поведения и мышления, которые находят свое выражение в мифах, религиях, тайных учениях, фольклоре, художественном творчестве, галлюцинациях, сновидениях и т. п.

5 Ваби — эстетическая категория японской культуры, основана на поэтико–метафорическом мышлении, позволяющем раскрыть внутренний смысл произведения искусства через образ–символ, образ–знак. Основные черты ваби — минимум художественных средств, суровая простота и одновременно изысканность.

6 Ву — термин дзен, трудно поддающийся формальному толкованию. Приведем один известный буддийский коан — парадокс, с помощью которого ученик постигал суть дзена, обретал сатори. Коан таков:

Однажды монах спросил у учителя Дзесю:

— А собака тоже имеет природу Будды?

На что учитель ответил:

— Ву.

Как замечает в своей книге „Основы дзен–буддизма“ известный популяризатор дзена

профессор Д. Т. Судзуки, это „ву“ означает просто „ву“. В нашем случае „ву“ есть иррациональный метод восприятия прекрасного.

7 Ом (Аум) — слово, которое формально ничего не значит и ничего самостоятельно не выражает, и в то же время значит все, имеет волшебную силу. „Ом — это Брахман (Великий Абсолют), Ом — это все… Произнося „Ом“, брахман (жрец в брахманизме) говорит: „Да достигну я Брахмана“ и достигает его“. (Тайттирия упанишада, 8, 11.)

8 „Бардо Тходол“ (тиб.) — „Великое Освобождение в результате услышанного в бардо“, трактат, именуемый в Европе тибетской „Книгой Мертвых“. Сложный комплекс наставлений и молитв, которыми лама напутствовал умирающего и умершего. В ней содержатся описания посмертной трансформации души и процесса возвращения к новой жизни или выхода из круга сансарного бытия (сансара — цепь перерождений души). Бардо в переводе с тибетского — промежуточное состояние, форма сознания между прошлой и будущей жизнью, а также загробная сфера, в которой душа умершего пребывает сорок девять дней до нового перерождения в одном из шести миров сансары. Оно может иметь место не только после смерти, но и в некоторых жизнен-

ных ситуациях, например во время медитации. Здесь и далее — образы „Книги Мертвых“.

9 „Когда я был младенцем, то по–младенчески говорил, по–младенчески мыслил, по–младенчески рассуждал; а как стал мужем, то оставил младенческое“.

Теперь мы видим как бы сквозь тусклое стекло, гадательно, тогда же лицом к лицу; теперь знаю я отчасти, а тогда познаю, подобно как я познал». (1–е Ап. Павла коринфянам 13: 11, 12.) Апостол Павел сравнивает чистое, незамутненное восприятие ребенка как носителя Святого Духа с восприятием взрослого, видящего сквозь тусклое стекло привычек, обычаев, условностей, и предрекает, что, когда наступит Царство Божие, дух наш очистится и взор прояснится. В некотором смысле апостол формулирует здесь христианскую концепцию Майи.

Литература

Филип Дик предваряет американское издание «Человека в Высоком Замке» довольно обширным списком книг, которые помогли ему в работе над романом. В свою очередь, переводчики решили предложить библиографию аналогичных изданий на русском языке, к которым при желании может обратиться читатель.

1. Бондаровский П. А. Гадание по «Книге Перемен». — В мире книг. 1988. № 3.

2. Буддизм и культурно–психологические традиции народов Востока. Под ред. Н. В. Абаева. — Новосибирск, 1990.

3. Васильев Л. С. История религий Востока. — М., 1988.

4. Дао и даосизм в Китае. Под ред. Л. С. Васильева, Е. Б. Поршневой. — М., 1982.

5. История войны на Тихом океане. — М., 1958.

6. Кобзев А. Канон перемен. — Наука и религия. 1991, № 2–4.

7. Лазарев Е. Тибетская «Книга Великого Освобождения». — Наука и религия. 1990. № 10–12.

8. Лукьянов А. Е. Начало древнекитайской фи-

лософии. — М. 1994.

9. Лаоцзы. Дао–дэ цзин. Древнекитайская философия, т. 1. — М., 1972.

10. Лиддел–Гарт. История Второй мировой войны. — М., 1977.

11. Николаева Н. С. Японская культура XVI века и «чайная церемония». — Советское искусствознание. 1977. № 2.

12. Спеваковский А. Б. Религия синто и войны. — Л., 1937.

13. Щуцкий Ю. К. Китайская классическая «Книга Перемен». — М., 1960.

14. Чжоу Цзунхуа. Дао «Ицзина». — Киев, 1996.

15. «I–Ching or Book of Changes» The R. Wilhelm Translations Rendered into English by C.F. Baynes. New Jersey, 1974.